

63.3(0)
Р 63
Н. РОЖКОВ
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ
ТОМ
II
ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ
«КНИГА»

Проф. Н. А. РОЖКОВ

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

(ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ)

ТОМ СЕДЬМОЙ

СТАРЫЙ ПОРЯДОК
(господство дворянства)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

„КНИГА“
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА
1928

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ТИПОГРАФИЯ
НАРКОМВОЕНМОРА
Пл. Урицкого, 10.
Главлит № А 8360.
Тир. 2 200-18 п. л.
Заказ № 450.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Россия в последние три четверти XVIII в.

I.

Территория, население и хозяйство.

Дворянская революция во всех странах была критическим периодом, историческим переломом, который дал перевес, господство в обществе землевладельческому дворянству, пришедшему на смену старой феодальной аристократии. После того, как эта революция завершилась, начался органический период полного господства дворянства, который с легкой руки французов принято имѐновать старым порядком (l'ancien regime).

Старый порядок в России существовал в совершенно сложившемся виде, переживал свое органическое развитие в течение последних трех четвертей XVIII века и первой половины XIX столетия — между 1725 годом, годом смерти Петра Великого, и 1855 годом, когда умер Николай I. Этот период в русской истории длился, следовательно, 130 лет. Но из них только первые 80 лет представляли собою некоторое поступательное движение, давали новое в направлении укрепления правящего положения дворянства в меру объективной необходимости такого укрепления для развития производительных сил страны. Последние 50 лет—вся почти первая половина XIX в.—представляли собою уже разложение старого порядка. Поэтому их необходимо выделить для особого специального изучения, и сейчас, в первую очередь, приходится сосредоточить внимание на истории первых восьмидесяти лет существования старого порядка в России, т.-е. главным образом на истории России в последние три четверти XVIII века.

За это время наблюдается быстрый рост территории и населения России. Расширение территории объясняется, с одной стороны, такими явлениями, как три раздела Польши, последовавшие в последнее тридцатилетие XVIII века, и завоевание Крыма и Новороссии после двух турецких войн того же приблизительно времени, с другой—борьбою с кочевниками-инородцами на юго-востоке Европейской России и в Сибири, в Азии и колонизацией бывших инородческих владений русским населением. Если в конце царствования Петра Великого территория России на юге не шла далее того, что было ею занято в XVIII веке, за исключением только Дербента и Баку—западной береговой полосы Каспийского моря, занятой после Персидской войны, то в конце XVIII века границы государства достигли всего северного побережья Черного и Азовского морей, захватили бо́льшую часть нижнего Заволжья, проникли на Яик (Урал), где основан был Оренбург. На западе присоединены были Курляндия, Литва, Белоруссия, Волынь, Подолия опять-таки в последние десятилетия XVIII века. Наконец, в Сибири русская колонизация пошла более быстро именно в последние три четверти XVIII века, особенно с 40-х годов и позднее, как это будет видно, когда речь у нас пойдет о населении. Здесь отметим только, что не достигнутыми пока оказывались нынешние границы России с Маньчжурией, граница же с Монголией определилась окончательно уже тогда. Тогда же заняты были верховья Енисея, появился Семипалатинск, заселялся Кузнецкий бассейн, Колыванский край. Одним словом, азиатские и европейские пределы России достигли очень быстро небывало-широкого размаха. Здесь сказалось, конечно, одно основное обстоятельство: в предшествующий период страна пережила великую революцию, окончательно перестроившую ее социально и экономически. Вновь наступившая эпоха органического развития реализовала результаты этого переворота, приобретения и достижения предшествующего критического периода, давшего толчек развитию производительных сил в новом направлении. Это развитие производительных сил, новое торгово-капиталистическое движение, о котором речь впереди, втягивало в сферу своего влияния все окрестные земли,

самим своим положением связанные с основной территорией страны, и отсюда вытекало необыкновенно быстрое расширение границ.

То же основное хозяйственное явление с прибавкой отмеченного сейчас расширения территории насчет уже давно населенных областей отразилось и в быстром росте населения.

Мы имеем в достаточной мере точные цифры всего (не только одного податного, крепостного) населения России за последние три четверти XVIII в. Можно считать, что все население страны по первой ревизии, оконченной в 1724 году, достигало 13-ти миллионов человек [1]), по третьей ревизии 1763 г. оно равнялось 19-ти миллионам [2]); четвертая ревизия дала в 1783 году итог населения в 25 миллионов 677 тысяч человек [3]), наконец, по пятой ревизии 1796 года все население страны состояло из 36 с лишком миллионов [4]). Таким образом, почти за 40 лет—с 1724 по 1763 год—население увеличилось на 46%, за 20 лет с 1763 по 1783 год на 35%, за 13 лет с 1783 года по 1796 г.—на 40%. Прирост был не только чрезвычайно велик и быстр, но он, кроме того, и ускорялся с течением времени, приобретая все более быстрый темп.

Любопытно отметить параллельно этому росту всего населения те изменения, которые совершались в относительном количестве податного, т.-е. крепостного по условиям того времени, населения. Оказывается, что только в первые сорок лет изучаемого времени крепостное население росло медленнее, чем все население вообще: его рост составлял тогда только 27% [5]), тогда как общий прирост доходил до 46%: очевидно, золотое время крепостного хозяйства было еще впереди. Оно и действительно наступило позднее: мы только что видели,

---

[1]) *Милюков*, Очерки по истории русской культуры, I, стр. 24.

[2]) Там же, I, стр. 24; Шторх считает все население этого времени в 20 милл.: *Storch*, Historischstatistisches Gemälde des russischen Reihs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts, Riga, 1797, 1-r. Theil, стр. 314.

[3]) *Storch*, Hist.-Stat. Gemalde, I, стр. 317.

[4]) Там же, I, стр. 320; *Милюков*, Очерки по ист. рус. культ., I, стр. 24.

[5]) *Storch*, Hist.-Stat. Gemälde, I, стр. 314; *Ден*, Население России по пятой ревизии, т. I, М. 1902, стр. 91.

что за 20 лет—с 1763 по 1783 год—все население увеличилось на 35%; за то же время крепостная его часть выросла с 7 милл. 360 тыс. душ мужского пола до 11 милл. 647 тысяч душ крестьян и мещан мужского пола [1]), следовательно, на 4 милл. 287 тыс. или на 58%; с 1783 по 1796 г. все население выросло на 40%, а крепостное на 63% [2]). Все это—яркие доказательства крепостного характера хозяйства, того факта, что крепостное право не только соответствовало классовым интересам дворян-землевладельцев, но имело и некоторую объективную опору: оно содействовало в условиях того времени развитию производительных сил, помогало и самому крестьянству приспособиться к торговому капитализму, к обширному рынку, тогда сложившимся и господствовавшим. Этим получает конкретное подтверждение теоретическое положение, высказанное Марксом в его предисловии к „Zur Kritik der Politischen Oeconomie".

В высокой степени важным и интересным является вопрос о численном соотношении городского и деревенского населения, если разуметь то и другое в экономическом смысле, т.-е. отличая торгово-промышленное население от населения, занятого сельским хозяйством и разными видами добывающей промышленности. К сожалению, в таком смысле дать ответ на этот вопрос невозможно: наши ревизии дают нам цифры сословного положения отдельных разрядов населения и не дают нити, руководясь которою можно было бы произвести классовый и профессиональной анализ. В 1783 г. мещане и купцы составляли 3,1% всего населения, но мещане много занимались земледелием, с другой стороны, много крестьян занималось индустрией и были приписаны к фабрикам или считались поссессионными рабочими.

Огромное значение имеет, наконец, дли понимания всех сторон общественного развития—хозяйства, общества, государства, духовной культуры — распределение населения по территории. Его поэтому в главных, основных чертах надо сейчас обозначить, оставаясь в тех же

---

[1]) *Storch*, Hist.-Stat. Gemalde, I, стр. 316.

[2]) Крепостное население составляло тогда около 19 милл. д. м. См. *Storch*, I, стр. 319—320.

хронологических пределах последних трех четвертей XVIII века.

В этом отношении прежде всего выделялась огромная по пространству, но чрезвычайно слабо населенная территория на востоке Европы и на всем севере—Сибирь. Под Сибирью разумелись тогда не только земли по ту сторону Урала, но и тогдашние губернии Пермская и Уфимская. На этом огромном пространстве даже в 1796 г., не говоря уже о более раннем времени, жило немногим больше 2 милл. 200 тысяч человек [1]), 6 процентов всего населения. Произведенные уже исследования дают яркие картины слабой населенности отдельных частей Сибири. Так, по верхнему течению Енисея—в будущем Минусинском крае—русское население появилось только в начале XVIII в.; в 1707 г. здесь основан был Абаканский острог, в 1709 г., в 120 верстах южнее, еще Саянский острог [2]). Еще в 1791 г. всех казаков в этих острогах и в трех более мелких сторожевых постах—„караулах"—считалось всего 142 человека [3]). В 40-х годах к югу от Абаканского острога существовало лишь одно село [4]). Только горное дело, начавшее развиваться именно в 40-х и 50-х годах XVIII в., дало толчок заселению Минусинского края русскими колонистами [5]). Во всем Красноярском округе к концу века было, однако, едва ли более 15 тысяч человек русского населения, причем на Минусинский край приходилось из этого числа едва ли более трети, на деле, вероятно, гораздо меньше [6]). В то же время в Минусинском крае жило до 6.000 чел. ясашных инородцев [7]).

О количестве русского населения по Оби и ее притокам можно судить по таким данным, относящимся к половине 40-годов XVIII в.: в городах Кузнецке, Тюмени, Таре, Тобольске, Туринске, Верхотурье, Пелыме, Бере-

---

[1]) *Storch*, Hist-Stat. Gemälde d. russ., R., I, стр. 321.

[2]) *Ватин*, Минусинский край в XVIII в., Минус., 1913, стр. 30—31.

[3]) Там же, стр. 69.

[4]) Там же, стр. 138.

[5]) Там же, стр. 138.

[6]) Там же, стр. 155—157; при этом только 13% поселений явились результатом правительственной колонизации, 87% приходились на колонизацию частную; там же, стр. 158.

[7]) Там же, стр. 127.

зове, Сургуте, Мангазее и в верхиртышских крепостях было во всех вместе 3.672 служилых человека [1]. В 1745 г. население Тюменского уезда состояло из 7.000 чел. [2]).

Еще реже было население на крайнем северо-востоке Сибири,—за Якутском и Охотском. Оно ютилось главным образом в крепостцах-острогах и состояло из военно-служилых людей. В Анадырском остроге, напр., около половины XVIII века жило 540 чел. [3]). В 1753 г. в Гижигинске было всего 85 чел. русских солдат и казаков [4]).

Несколько населеннее был Иркутский край: так, в Макаровской волости в 80-х и 90-х годах было 3100—3.600 чел. жителей на 7 тысяч квадр. верст территории [5]).

Юго-восточный край Европейской России—Оренбургский край и нижнее Поволжье, в особенности Заволжье, представляли собою даже во второй половине XVIII в. местность, очень слабо заселенную, в особенности русскими и страдавшую от набегов и восстаний башкир, калмыков и киргизов. Успешная колонизация Оренбургского края начинается только с 40-х годов, когда в 1742 г. был основан Оренбург и заселена и укреплена яицкая линия, тянувшаяся на 1.000 верст. Крепости по Сакмаре, Яику, Ую, Миясу и Тоболу дали возможность основаться здесь ряду новых слобод и деревень; появился и ряд заводов [6]). На нижней Волге самыми заселенными местами были раскольничьи слободы и скиты по р. Иргизу и иностранные колонии. И, однако, население раскольничьих слобод в 60-х годах не достигало и 2.000 чел. Иностранных колоний в 60-х годах было в Саратовском крае 104; в них в 70-х годах числилось свыше 25 тыс., в 80-х до 29 тыс. чел. обоих полов [7]).

Движение русских поселенцев на юг, к Черному морю, начинает оживляться с 40-х годов XVIII в., с царствова-

---

[1]) *Потанин*, Материалы для истории Сибири: „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1866 г., IV, стр. 11.

[2]) Там же, стр. 33.

[3]) *Шашков*, Материалы для истории северо-восточной Сибири в XVIII в.: „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1864 г., кн. III, стр. 69.

[4]) Там же, стр. 92.

[5]) *Рожков*, К истории народ. хоз. в Сибири, Ирк., 1914, стр. 11.

[6]) *Витевский*, И. И. Неплюев, организатор Оренб. края, 19—20.

[7]) *Писаревский*, Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья, стр. 23.

ния Елизаветы. То была по преимуществу вольная колонизация будущей Новороссии, производившаяся беглыми крепостными центральной России. Со времен Анны появились там первые раскольники. Правительство при Елизавете проявило колонизаторскую энергию только призывом сербов, молдаван и болгар, поселенных под защитой новых крепостей Елисаветграда, Бахмута и Константинограда [1]). Прилив беглых и отчасти раскольников не только не уменьшался, но усиливался во второй половине столетия. Но вместе с тем крепла и правительственная колонизация: надо было уменьшить побеги крепостных, предотвратить их развитие на будущее время, так как от побегов страдали интересы дворянства. В 1770 г. строится днепровская укрепленная линия—восемь крепостей, шедших от Днепра к Азовскому морю. По миру в Кучук-Кайнарджи, закончившему первую турецкую войну при Екатерине II, Россия приобрела Керчь, Еникале, Азов, Таганрог и Кинбурн, а также всю местность между Бугом и Днепром. В 1783 г. присоединен был Крым. Последние три десятилетия XVIII в. и ознаменованы были поэтому появлением в Новороссии ряда новых городов, каковы Екатеринослав (строится с 1777 г.), Ольвиополь, Херсон, Севастополь, Николаев (с конца 80-х), Одесса (с 1794 г.) [2]). Но, конечно, население этих городов не было тогда многочисленным: в Екатеринославе в 80-х годах было всего 2.201 душа мужского пола, в Одессе в 1798 г. все население состояло только из 2.349 человек[3]).

Чем севернее мы будем подниматься от Новороссии и нижнего Поволжья, тем с более плотным населением встретимся. Центральные, западные и малороссийские губернии были по тому времени очень густо населены. Но и слободская Украина, Харьковский край в XVIII в. далеко оставлял уже за собой Новороссию и нижнее Поволжье. В 1773 году в Слободско-Украинской губернии было уже 677 поселений разного типа с населением в 666½ тысяч человек обоих полов [4]).

---

[1]) *Багалей*, Колонизация Новороссийского края, Киев, 1889, стр. 31, 32.
[2]) Там же, стр. 32—54.
[3]) Там же, стр. 47, 55.
[4]) *Багалей*, Очерки из русской истории, т. II, Харьков, 1913, стр. 6

Общий вывод, вытекающий из всего, сейчас сказанного о территории и населении России в последние три четверти XVIII века, заключается в том, что при огромной территории и быстром ее росте, так же быстро росло и растекалось по этой территории население, распределявшееся, однако, крайне неравномерно по отдельным частям огромной страны.

Уже этим выводом обосновывается первое крупное явление хозяйственной жизни того времени: чрезвычайное экономическое разнообразие отдельных районов страны. Но у нас нет недостатка в этом отношении и в прямых данных, причем конкретный их анализ, производимый сравнительно с относящимися сюда фактами предшествующих периодов русской истории, приводит к убеждению, что это хозяйственное разнообразие в данное, изучаемое нами сейчас, время сильно увеличилось.

Нам нет нужды долго останавливаться в данном случае на севере. Достаточно прочитать наказы жителей северных городов и крестьян в екатерининскую комиссию 1767 года, чтобы убедиться, что здесь попрежнему в большинстве случаев рыболовство и в меньшей, чем прежде, степени охота играли определяющую хозяйственную роль. Так, крестьяне бывших вотчин Соловецкого монастыря продавали треску, палтасину и сало и покупали хлеб [1]). Жители Варзужской волости заявляли: „пропитание имеем от одних рыбьих, семжьих и сальных промыслов“ [2]). В Кольской волости не было хлебопашества, были лишь звериные, сальные, семжьи, сельдяные и лесные промыслы [3]). То же самое с незначительными иногда отклонениями наблюдается в ряде других северных волостей и уездов [4]).

Но и в пределах северной части Европейской России происходила хозяйственная дифференциация, если даже оставаться пока в области только соотношения разных отраслей хозяйства. Конечно, эта дифференциация на-

---

[1]) Сборник Имп. Русского Историч. Общества, том CXXIII, стр. 18.

[2]) Там же, стр. 20.

[3]) Там же, стр. 30.

[4]) Там же, стр. 35 36 и сл., 40, 41 и сл., 46, 48, 225 и сл., 231, 239, 245, 327 и сл.

чалась и раньше, но то, что прежде существовало лишь в зародышах, в отдельных элементах, теперь развилось и оформилось. Двинский уезд, близкий к Архангельску и Холмогорам, давно был земледельческим и скотоводственным более, чем другие местности европейского крайнего севера. Он продолжал оставаться таковым и в XVIII веке, причем, повидимому, успех и зажиточность венчали труды и усилия большей части местного населения [1]). Были, однако, и другие северные уезды, основывавшие свое хозяйственное благосостояние главным образом на скотоводстве и земледелии, — таковы были уезды Важский, Устюжский, Усольский (города Сольвычегодска) и Тотемский. Но большая часть жителей этих уездов не в силах уже оказывалась обеспечить это благосостояние земледельческими и скотоводственными занятиями, тем более, что и рыбные и звериные промысла оскудели, а местами сошли почти на нет [2]).

Все это вызывало поиски за иным заработком: шли в отход на работы и прислугой в Петербург и Москву, плавали на судах до Ревеля в качестве судорабочих [3]), занимались кустарными промыслами и ремеслами: были сапожниками, портными [4]), выделывали солод [5]), кожи, овчины, крашенину, железные и медные изделия [6]), работали по сплаву [7]), служили в чернорабочих, занимались извозом [8]), смолокурением [9]).

Экономические особенности севера и отмеченная сейчас дифференциация занятий исключали возможность сохранения натурального хозяйства, оживляли обмен. Так, жители Двинского уезда покупали лен для приготовления белья в Вологодском уезде и в верхневолжских городах [10]), продавали солод собственного из-

---

[1]) Там же, стр. 3, 15, 22.
[2]) Там же, стр. 52—59, 88—202, 206—217, 284—326.
[3]) Там же, стр. 4.
[4]) Там же, стр. 4.
[5]) Там же, стр. 9.
[6]) Там же, стр. 16.
[7]) Там же, стр. 302.
[8]) Там же, стр. 326, 338.
[9]) Там же, стр. 52, 56, 59.
[10]) Там же, стр. 5.

делия в Архангельске и Холмогорах[1]), торговали продуктами земледелия, скотоводства и рыболовства за десятки и сотни верст от места производства[2]), отсталые местности сбывали рыбу, скот и меха и покупали хлеб[3]), холст, сермяжное сукно, юфть, платье, обувь[4]). Кроме более или менее крупных городских торговых центров на севере существовали местные мелкие торжки в большом количестве, а кое-где и местные более значительные ярмарки[5]): ясный и яркий признак того, как глубоко проникали в толщу и массу местного населения денежно-хозяйственные отношения. Наказы населения северных городов почти все в один голос протестуют против широко развиваемой крестьянством торговли, кожевенного и солодовенного производств[6]).

Конечно, крестьянство севера лишь в очень ограниченной степени могло само непосредственно обслуживать обширный рынок и, с другой стороны, получать с него все ему необходимое. Скупщик-посредник был поэтому на севере весьма заметной фигурой, часто сильно повышавшей цены на покупные товары и понижавшей их на крестьянские продажные продукты. Вот почему двинские крестьяне ходатайствовали, чтобы лен разрешалось не только оптом, но и в розницу продавать вологодским и верхневолжским купцам, а не одним только архангельским и холмогорским[7]). По той же причине сильгалицкие купцы, наоборот, требовали, чтобы иногородним купцам разрешалась лишь оптовая продажа[8]). Жители Яренского уезда жаловались, что кевролькие скупщики подняли цены на необходимые им для пропитания, одежды и рыбной ловли, хлеб, лен и пеньку на 50% [9]). Как всегда в таких случаях бывает, скупщик был и ростовщиком: ссужал крестьян вперед

---

[1]) Там же, стр. 9.
[2]) Там же, стр. 15, 22, 338.
[3]) Там же, стр. 32, 37, 48, 282.
[4]) Там же, стр. 46, 338.
[5]) Там же, стр. 15, 44.
[6]) Там же, стр. 356, 363, 442, 452.
[7]) Там же, стр. 5—6.
[8]) Там же, стр. 356.
[9]) Там же, стр. 44

под меха и рыбу определенными суммами, на которые начислял ростовщические проценты [1]).

Насколько необходимы были товарный обмен и коммерческий кредит в экономических отношениях между купечеством и крестьянством на севере,—это видно из того, что, протестуя против крестьянской торговли, купечество северных городов в один голос твердит о необходимости разрешить купцам и крестьянам взаимно обязываться векселями [2]).

Вся эта картина, типичная своими яркими частностями именно для полного развития торгового капитализма, пополняется еще тем изображением торговой и промышленной деятельности северного купечества, какое дают нам наказы в екатерининскую комиссию от северных городов. Тотемские купцы в XVIII веке ездили в Архангельск и развозили русские и иностранные товары по всей Сибири, где покупали пушные товары, доезжая до заводов Колывано-Воскресенских, Барнаульских, Нерчинских и даже до Камчатки [3]). Не меньшей была и сибирская торговля вологодского купечества, которое сверх того проникало до китайской границы и имело торговые связи с Петербургом, Ригой, Ревелем, Архангельском и Онегой [4]). У великоустюжских первой гильдии купцов Курочкина, Юринского, Панова и Плотникова были „железовододействующие заводы“, а у Афанасия и Степана Поповых финифтяная на меди и черневая на серебре фабрика [5]). Архангельское купечество торговало с Вологодской, Устюжской и Галицкой провинциями Архангелогородской губернии и с Казанской губернией. Оно требовало в коммерческих интересах ускорения почтовых сношений, учреждения школ и особенно коммерческих, где обучали бы бухгалтерии, коммерческой географии, иностранным языкам и торговому праву, на-

---

[1]) Там же, стр. 229, 282.

[2]) Там же, стр. 388, 428. Ср. еще о крестьянском хозяйстве на севере *Боголюбов*, Экономич. быт крестьян северного края по крестьянским наказам в Екатерин. законодат. комиссию 1767 г., Казань 1913.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CXXIII, стр. 384.

[4]) Там же, стр. 424.

[5]) Там же, стр. 415.

конец, настаивало на учреждении в Архангельске купеческого банка [1]).

Влияние торгового капитала шло дальше и проникало в область сельского хозяйства: купцы всюду скупили лучшие крестьянские земли [2]), и нужда крестьян в денежных средствах, обостренная развитием торгового капитализма, была настолько велика, что крестьянские наказы, протестуя против купеческого землевладения и пытаясь добиться его ликвидации [3]), в то же время нередко настаивают на предоставлении северному черносошному государственному крестьянству продавать и закладывать свои земли [4]), чего оно было уже лишено и что ему все-таки и потом разрешено не было: северные крестьяне были крепостными государства, и это делало крепостной и неотчуждаемой и их землю.

Но за то крестьянству севера, главным образом малоземельной его массе, удалось в течение XVIII века и начала XIX лишить „деревенских владельцев"—купцов и мещан—их земельных участков на черной государственной и дворцовой земле и насадить, распространить и укрепить новые поземельные отношения—мирское владение землей с периодическими переделами, черезполосицей и принудительным севооборотом—типичное, характерное для торгового капитализма в его русской, резко-выраженной крепостной форме и для паровой зерновой системы с трехпольным севооборотом. Это случилось следующим образом.

В XVIII веке, по крайней мере во второй его половине или к последним десятилетиям, процесс разложения делового, складнического, „соседского" землевладения на севере, известный нам уже по предшествующим периодам русского исторического развития, закончился на всем севере Европейской России. В результате получилось подворно-наследственное владение, не отчуждаемое по закону, по межевой инструкции 1766 г. даже между крестьянами [5]). Отличительной чертой его было

---

[1]) Там же, стр. 460, 464, 480—481.

[2]) Там же, стр. 88 и след., 142, 171—172, 201—202 и др.

[3]) Там же, стр. 171—172, 201—202 и др.

[4]) Там же, стр. 231, 232, 266.

[5]) *Ефименко*, Исследования народной жизни т. I; *Семевский*, Крестьяне в царств. Екатерины II, т. II.

земельное неравенство, несоответствие земельной площади, находившейся во владении отдельных семей, составу последних как с трудовой, производственной, так и с потребительной, продовольственной точек зрения. Отсюда произошло экономическое расслоение деревенского, прежде всего крестьянского населения, разделение его на зажиточных и малоимущих. К этому присоединялась наличность посторонних деревенских владельцев — купцов, мещан, духовенства, — имевших обычно большие и лучшие земли и принадлежавших, следовательно, к зажиточной части населения. Платеж подушной подати, ложившейся равным количеством на каждую душу мужского пола, усиливал тяготение бедноты к земельному поравнению, которому сопротивлялись и деревенские владельцы и вообще зажиточные элементы населения. Еще в 1739 г. крестьяне Важских дворцовых волостей указывали, что с каждой обжи они несут одинаковый платеж, а обжи не равны, и потому просили пашенные и другие земли размерить. В ответ на это прошение главная дворцовая канцелярия предписала в 1741 г. измерить землю у каждой деревни, но при этом потребовала сохранения старых меж, т.-е. помешала переделу. Однако, в 1745 году она предписала отобрать и разделить дворцовым крестьянам земли, состоявшие в Важских дворцовых волостях за монастырями, попами и посадскими, т.-е. уничтожила деревенских владельцев и пустила их землю в раздел. Затем последовали попытки ввести передел в 60-х годах. В 70 х и 80-х годах деревенские владельцы уничтожены были и в черных волостях. В 1785 г. передел был уже осуществлен в Пудожском погосте Олонецкой губернии, только что тогда образованной. В 1795 г. введен был уравнительный передел в Вологодской губернии. В 1812 и 1816 г.г. установлены были и утверждены властью переделы у удельных крестьян. В Архангельской губернии у государственных крестьян начало переделов относится к первому десятилетию XIX века, а в 1831 г. государственный совет постановил уравнять здесь землю во всех волостях государственных крестьян [1]).

[1]) *В. В.*, Начало переделов земли на севере России: „Рус. Мысль" за 1897 г., №№ 11 и 12; *Семевский*, Очерки из истории крест. земле-

Весь этот процесс происхождения крестьянского мирского или общинного землевладения на севере России естественно объясняется сочетанием общественных сил: интересы крестьянской бедноты сошлись с интересами государства, стремившегося обеспечить правильное выполнение крестьянством лежавших на нем обязанностей, главным образом подушной подати; достигнуть этого можно было только земельным поравнением или по душам мужского пола или по едокам, т.-е. обеспечением землею, к чему стремилась для удовлетворения своих жизненных потребностей крестьянская беднота.

Чтобы закончить изображение хозяйства на севере Европейской России в XVIII веке остается лишь сказать несколько слов о положении половников.

Мы видели в свое время, что и раньше половники, оставаясь свободными, перехожими, имея характер на половину наемных работников, наполовину арендаторов натурально-хозяйственного типа, стали, под влиянием роста денежного хозяйства и утверждения крепостного права и крепостного хозяйства, усваивать некоторые черты, свойственные экономическому положению крепостного крестьянства. В XVIII в. это нашло себе полное и точное выражение: экономические половники, жившие на землях деревенских владельцев и зажиточных крестьян, мало чем уже отличались от крепостных крестьян. Половничьи наказы в екатерининскую комиссию не оставляют в том сомнения. Так, половники устюжских купцов следующим образом изображают свое положение: они платят владельцам половину хлеба и сена, пашут на своих лошадях, выполняют за купцов волостные службы, с них берутся солдатские деньги, купцы собирают с них затем еще пожилое по 60 к.—1 р. в год с каждой лошади; наконец, половники отправляют „зделье", настоящую крепостную барщину, довольно сложную по своему составу; летом идет сдельная работа на сенокосе, отнимающая три недели в июле: половники возят купеческое сено, поставляя всех лошадей

владения на севере России в XVIII в.: „Рус. Богатство" за 1901 г., №№ 1 и 2; *Семевский*, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. II; *Бочкарев*, Земельн. нужды рус. деревни в „Сборнике", посв. Ключевскому, стр. 532—535.

и по два гребца на каждую. Далее: они сеют каждый на владельца по решету льна, а когда он созреет, чистят его, прядут, ткут и белят. Потом сделье состоит еще в доставке половниками разных припасов летом раза по три в город, за 80 верст, и в двухдневной поголовной работе всех половничьих семей в страдное время по сбору грибов и ягод. Наконец, зимой на половниках лежит обязанность доставки припасов, причем на каждого приходится подвод по восьми в зиму[1]).

Итак, хозяйство северной полосы Европейской России носило на себе печать глубокого влияния торгового капитализма в его полном развитии, своеобразно выражавшегося и преломлявшегося в местных условиях.

Обращаясь к изучению хозяйства в обширной Сибири XVIII в., мы и здесь видим такое же своеобразное выражение и преломление того же общего явления,— полного развития и расцвета торгового капитализма.

Охота, добывание мехов было занятием, господствовавшим не только в инородческой среде, но и русских поселенцев. Она существовала и даже преобладала у русского населения Сибири всюду, но особенно важна была в Восточной Сибири. С ней **конкурировало** также еще рыболовство. **Двух-трех** примеров для подтверждения этого будет достаточно. Русские на Анадыри в половине XVIII в. занимались, переходя с места на место, „оленными и рыбными ловами" [2]). В пределах нынешней Иркутской губернии уже в XVIII веке заводилось хлебопашество, но не оно, а охота, рыболовство и скотоводство были главными источниками средств существования местного русского населения [3]). В Красноярском округе и в Минусинском крае „многие русские крестьяне отдавали охоте свои зимние досуги" [4]).

Но, конечно, чем западнее в Сибири и чем ближе к Уральским горам, тем земледелие было развитее. Здесь

---

[1]) Сборник Имп. Рус. Историч. Общ., т. CXXII, стр. 88—89; ср. ряд других половничьих наказов: там же, стр. 91, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102.

[2]) *Шашков*, Материалы для истории северо-восточной Сибири в XVIII в.: „Чт. в Общ. Ист. и Др." за 1864 г., кн. III, стр. 65.

[3]) *Рожков*, К истории народного хозяйства в Сибири, Иркутск, 1914, стр. 33, 35, 39.

[4]) *Ватин*, Минусинский край в XVIII в., стр. 161.

готовилась будущая житница Сибири, и урожаи сам-10, сам-12 были в XVIII веке не редкостью [1]). Само собою разумеется, что везде здесь господствовала переложная или залежная система без всякого удобрения, а скотоводство было выгонное.

Но Сибирь уже в то время, как в значительной степени и теперь, представляла собою типичную страну разных культурных пластов и наслоений, сплошь и рядом существовавших по соседству. Поэтому в XVIII веке здесь стали рано насаждаться горное дело и металлические заводы разного рода—казенные и частные. Ядром этого экономического новообразования был, разумеется, Урал, который юридически, по закону тогда причислялся еще в Сибири, хотя экономически далеко уже опередил ее. До 1724 г. границы горного округа, если не считать Нерчинских заводов, и не шли далее Урала: крайними его пунктами были тогда Соликамск и Кунгур на западе, Верхотурье и Екатеринбург на востоке. Но в каких-нибудь шесть лет после этого—к 1733 г.—они были далеко перейдены во все стороны. Руду стали добывать в Алтайских горах, появились заводы близ Вятки и Казани и к югу от Екатеринбурга, в башкирских землях. В 1734 г. считалось 11 казенных горных заводов и 19 частных, из которых 14 принадлежали Демидовым. Кроме меди и железа, средний Урал давал известь, которую примешивали к железной руде для лучшей плавки из нее чугуна, и твердый камень, шедший на горны, доменные и плавильные печи. Близ Екатеринбурга добывались топаз, мрамор, хрусталь, наждак и другие камни [2]). В 30-х же годах появляются первые рудники в Минусинском крае, которых уже в то время насчитывалось до полутора десятка. К 1740 году здесь начинают уже действовать железоделательный и медноплавильный заводы Луказский Ирбинский [3]). На Екатеринбургском горном заводе с 1724 по 1737 год было добыто железа всякого рода и стали до 4 милл. 550 тысяч

---

[1]) *Потанин,* Материалы для истории Сибири: „Чт. в Общ. Ист и Др. Рос." за 1867 г., кн. I, стр. 207—208.

[2]) *Попов,* В. Н. Татищев и его время, М., 1861, стр. 134—136

[3]) *Ватин,* Минусинский край в XVIII в., стр. 167—170.

пудов [1]). На Нерчинских заводах казенных и частных выплавлено было серебра с 1704 по 1775 г. 7 тысяч пудов и $21^{1}/_{2}$ тысяч пудов свинца, а с 1775 по 1781 г. около 2.700 пудов серебра [2]). Надо, впрочем, заметить, что казенные заводы работали гораздо хуже частных: подневольный труд приписных крестьян, потом ссыльных и каторжан был гораздо хуже и обходился дороже вольнонаемного труда, так что у Демидова на его заводах людей было занято вчетверо меньше, чем на заводах казны, а железа добывалось вдвое больше [3]). Поэтому в правление Бирона и потом при Елизавете казенные заводы большею частью были проданы в частные руки и вернулись в казну с переплатой ею больших сумм только уже в царствование Екатерины II [4]). Надо к этому прибавить, что основывались казенные заводы иногда неосторожно, без предварительного точного обследования богатства рудников, и рудники эксплоатировались хищнически, технически весьма несовершенно, почему скоро забрасывались, а заводы закрывались. Так случилось, напр., к концу XVIII века с горнозаводскими предприятиями Минусинского края [5]).

Сибирская индустрия не ограничивалась уже в XVIII веке только горными заводами. Мы встречаемся в Красноярском округе с лосинными заводами—казенным и двумя частными, причем казенный скоро был ликвидирован [6]). Несомненно существовали и кустарные промысла, как выделка юфти [7]) и другие, как о том в особенности свидетельствуют имеющиеся данные о развитии сибирской торговли в XVIII веке—внутренней и внешней.

Эти данные могут быть сгруппированы сейчас, и пополучается довольно яркая картина развития торгового капитализма в Сибири в связи с такими же явлениями в Европейской России.

---

[1]) *Попов*, Татищев и его время, стр. 160.

[2]) „Чтения в Общ. Ист. и Древ. Рос." за 1864 г., кн. III, стр. 94—100.

[3]) *Попов*, Татищев и его время, стр. 141.

[4]) *Брандт*, Иностранные капиталы в России, т. II, стр. 9—16.

[5]) *Ватин*, Минус. край в XVIII в., стр. 191—192.

[6]) Там же, стр. 114—115.

[7]) Там же, стр. 140.

Выше мы уже приводили указания наказов северных городов Европейской России на их торговые связи с Сибирью. Одни вологодские купцы торговали через Сибирь с Китаем во второй половине XVIII в. на 800 тыс. руб. в год [1]). С Китаем велась торговля и через Кяхту, и через Минусинский край, и через Семипалатинск [2]). Главным торговым центром Сибири являлся Тобольск. В начале весны туда, после Ирбитской ярмарки съезжались купцы из Европейской России, чтобы с вскрытием рек двинуться вглубь Сибири. В Тобольск летом шли торговые караваны из Иркутска и с китайской границы, а зимой караваны калмыков и бухарцев. Тобольск был центральным складочным местом для сибирских ясашных мехов. Через Тобольск провозились продукты нерчинской горной промышленности. Тобольские купцы ездили для торговли даже на Алеутские и Курильские острова и ежегодно по весеннему половодью спускались в Березов для меновой торговли с инородцами. От Тобольска торговый путь шел на Томск, куда ежегодно прибывало много калмыцких и бухарских торговых караванов, а затем он разветвлялся—к северу на Енисейск и южнее—на Красноярск, служивший передаточным пунктом на Иркутск, важнейший сибирский центр по торговле с Китаем. Нерчинск был вторым после Иркутска складочным пунктом и центром русско-китайской торговли. Важное значение имел Якутск, куда для меховой торговли с инородцами приезжали тобольские, енисейские и иркутские купцы [3]). По всей Сибири вообще шла чрезвычайно оживленная торговля разными товарами. В Таре и Тобольске покупали шубы, овчины, шапки, сукна, холст, чулки, чарки. В 50-х годах из округа Барнаульского завода крестьяне возили на продажу в Семипалатинск хлеб, масло, мыло [4]). Кузнецы Устькаменогор-

---

[1]) *Кизеветтер*, Делопроизводство русских внутренних таможен как историч. источник,—в „Сборнике“ в честь Ключевского, стр. 80.

[2]) *Ватин*, Минус. край, стр. 163—164; Домовая летопись Андреева в „Чтен.“ за 1870 г., IV, стр. 107.

[3]) *Кизеветтер*, Делопроизводство русских внутренних таможен—в „Сборнике“ в честь Ключевского, стр. 82—83.

[4]) *Потанин*, Материалы для ист. Сибири: „Чт. в Общ. Ист. и Др.“ за 1867 г., кн. I, стр. 134, 136.

ской крепости обслуживали своей работой ряд соседних деревень [1]). В Макаровской волости нынешней Иркутской губ. наблюдался во второй половине XVIII в. начальный момент развития торгового капитализма: скупщиков и ярмарок почти не было, но жители продавали в Иркутск меха и покупали там хлеб [2]). Вблизи Семипалатинска для торговли с сартами, бухарцами и китайцами съезжались купцы из Казани, Тобольска, Тюмени, Тары, Оренбурга и даже Курска. Русские продавали здесь сахар, готовые заграничные меха, сукна, жемчуг, золото, воск, оловянную, медную и железную посуду, ножи, топоры, а покупали шелковые материи, кишмиш, шкуры зверей, овчины и скот. Оборот этой торговли доходил до 300 тыс. руб. в год [3]). Депутат от жителей Барнаульского завода в екатерининской комиссии указывал, что сибирские разночинцы и крестьяне сильно заняты торговлей и подрядами, имеют достаточные капиталы, ездят на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, доезжают до Иркутска, Байкала, Селенгинска, Якутска [4]). Широкое развитие крестьянской торговли в Сибири подтверждается и депутатом от города Тары [5]). Недаром и канцелярия строения государственных дорог в наказе своему депутату отметила считать государственной дорогой первостепенной важности ту, которая ведет „на Тобольск и далее“ [6]).

Заключая характеристику хозяйства в Сибири XVIII в., остается отметить, что настоящее крепостное право там существовало только на церковных и монастырских землях, и с секуляризацией их в 1764 г. в Сибири не осталось крепостных, кроме государственных, экономических и приписных крестьян. Наиболее тяжелым было положение приписных.

Оренбургский край и нижнее Поволжье с Яицким и Донским казачьими округами отличались от Сибири

---

[1]) Там же, стр. 21 .

[2]) *Рожков*, Из истории народн. хоз. в Сибири, стр. 44.

[3]) Домовая летопись Андреева: „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос“ за 1870 г., кн. IV, стр. 106—107.

[4]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 193—194.

[5]) Там же, стр. 47 и след.

[6]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLIII, стр. 390.

только тем, что в них охота играла несравненно меньшую хозяйственную роль, чем рыболовство, солеварение и скотоводство. Земледелие здесь было совершенно незначительно; даже на Дону оно стало делать заметные успехи только со второй половины XVIII века [1]). Опасностей и тревог от инородцев—в особенности от башкир, мещеряков и калмыков—здесь было несравненно больше, чем в Сибири. И несмотря на все это, общий торгово-капиталистический тон хозяйственной жизни во всей России XVIII века был так силен, что и здесь появилась и обрабатывающая фабрично-заводская промышленность и торговля, которая притом делала быстрые и большие успехи. В 40-х и начале 50-х годов в Оренбургском крае были основаны и действовали 13 железоделательных и 15 медноплавильных заводов симбирского купца Твердышова, братьев Мосоловых, Мясникова и др. Существовали и кустарные, и ремесленные производства. Так, депутат уфимского казачьего войска Бурцов свидетельствовал в екатерининской комиссии о распространении в Уфимской провинции кожевенного дела между крестьянами и указывал, что в самой Уфе человек 20 крестьян-приходцев из Нижегородского уезда занимались кожевенным ремеслом, кожевенный промысел существовал и в Оренбургской губернии [2]). Малоуспешны и прекратились к началу XIX в. попытки насаждения шелководства на Ахтубе [3]).

Для оживления торговли Неплюев в 40-х и 50-х годах проводил в Оренбургском крае дороги, строил мосты, установил почтовый тракт от Оренбурга и Троицка до Москвы, заботился о безопасности торгового пути в Ташкент, Хиву и Бухару [4]). Об оживленном торговом движении на юго-востоке Европейской России много говорилось в екатерининской комиссии. Депутат Черного Яра Сережников указывал, что крестьяне зимой и весной ездят по городам и уездам центральной черноземной

---

[1]) *Витевский*, И. И. Неплюев, организатор Оренбургского края, стр. 20.

[2]) Сборник Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 129, 130.

[3]) *Семевский*, Очерки из ист. припис. крестьян. „Р. Мысль“ за 1901 г., июнь, стр. 3—18.

[4]) *Витевский*, Неплюев, стр. 19.

России, скупают там рожь, пшеницу, просо, овес, привозят в Саратов, пускают там в перемол, грузят в кулях муку на суда и везут в Астрахань на продажу, зимой же ездят по ярмаркам и „дальним городам и уездам“, очевидно, уже нечерноземной полосы, скупают холст, крашенину, китайку, сукна, юфть и с ними весной приезжают в калмыцкие улусы, где продают в розницу [1]). По словам депутата от г. Самары Рукавкина, „крестьяне, едущие порожняками из под Москвы, Ярославля и Арзамаса для подряда под извоз с Яика“ рыбы и икры закупали хлеб в Сызрани и Самаре иногда по пяти тысяч подвод и продавали этот хлеб на Яике [2]). Депутат от Яицкого войска Окутин подтверждал, что крестьяне и купцы являлись посредниками по продаже добывавшихся казаками рыбы и икры [3]). По Бурцову, в Уфе торговали „купцы, приезжающие из других городов“, но без коммерческой самодеятельности крестьянства обойтись было невозможно, так как крупных торговых центров, доступных для иногородних купцов, было только два—Уфа и Табынск, разделенные пространством в 90 вер., пути сообщения были малопроезжи, и были местности, где существовали чисто-местные узкие, средневековые, замкнутые рынки [4]). Центральное место в торговом отношении занимали в Оренбургском крае Троицкая и Оренбургская ярмарки, на которые из центральной России, кроме купцов, съезжались крестьяне, татары и другие инородцы, имевшие в других местах кожевенные, мыльные, салотопенные заводы, бумажные и полотняные фабрики, изделия которых окрашивались в синий цвет („китайку“), сбывали в Оренбургской губернии все эти свои изделия, а также европейские товары—сукна, шелковые материи, краски—и закупали местные товары—кожи, овчину, сало, воск, мед. На Троицкой и Оренбургской ярмарках бывали и бухарцы, хивинцы, ташкентцы [5]). Яицкие казаки жили рыбным промыслом, который давал им до 200 р.

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 121.

[2]) Там же, т. VIII, стр. 144.

[3]) Там же, т. VIII, стр. 124.

[4]) Там же, т. VIII, стр. 125—127.

[5]) Там же, т. VIII, стр. 290—292

в год каждому, а также скотом и лошадьми [1]): все это поставлялось на рынок, на продажу. Казанские служилые мурзы и татары торговали не только в Казанской, но и в Оренбургской губ. воском, медом, салом, кожами, пушным товаром [2]). В нижнем Поволжье главным коммерческим центром была Астрахань, затем Черный Яр с их купеческими рыбными промыслами—„ватагами". Всех ватаг, т.-е. рыбопромышленных предприятий, в 40-х годах XVIII века было 23 в Астрахани и 14 в Черном Яре, причем у таких купцов, как Лошкарев и Кобяков, в их ватагах было до 1.500 чел. рабочих. В Астрахани шла оживленная торговля с Хивой и Бухарой, сюда же приезжали купцы персидские, индийские, армянские. В 1745 г. Татищев отправил отсюда первый морской торговый караван к Мангишлаку [3]). С половины XVIII в. усиливается прилив русских купцов на Дон, и соответственно этому здесь появляются и множатся местные скупщики [4]). Посадское население среднего и нижнего Поволжья и Прикамья, естественно, при таких условиях росло относительно более, чем в других областях страны [5]). Торговое значение края вынудило и канцелярию строения государственных дорог выдвинуть ряд путей в него в качестве дорог первостепенного государственного значения: такими были признаны дороги от Москвы до Оренбурга, крепости св. Дмитрия Ростовского (Ростова на-Дону) и Кизляра [6]). Остается только добавить, что среди иностранных колонистов нижнего Поволжья к концу XVIII в. утвердилось такое же общинное землевладение с переделами, как и на севере России [7]).

О хозяйстве Новороссийского края в XVIII веке говорить много не приходится. По местным климатическим

---

[1]) *Дубровин*, Пугачев и его сообщники, т. I.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Общ., т. VIII, стр. 169, 182, 223.

[3]) *Попов*, Татищев и его время, стр. 361, 362, 365.

[4]) *Котельников*, Исторические сведения войска Донского о верхней Курмоярской станице: „Чт. в Общ. Ист. Др. Рос." за 1863 г., кн. III, смесь, стр. 15.

[5]) *Кизеветтер*, Посадская община в России XVIII в., стр. 117.

[6]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XLIII, стр. 399.

[7]) *Писаревский*, Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII и в первой четверти XIX века, Ростов на-Дону, 1916, стр. 31, 38, 56, 57, 58, 62, 63, 65.

и почвенным условиям широкие перспективы открывались здесь для скотоводства и земледелия. Значени местного скотоводства в XVIII веке было огромно. Но делало большие успехи и земледелие; даже запорожцы стали переходить к земледельческим занятиям незадолго до ликвидации Сечи. Но стали сразу же намечаться и даже частично реализоваться возможности развития индустрии. В 1790 г. открыт был каменный уголь. В Луганске в 1795 г. основан был чугунолитейный завод. Быстро росла морская торговля Таганрога, Очакова, Херсона [1]). Ввоз иностранных товаров через порты Черного и Азовского морей составлял в 1776—77 годах 85 тыс. руб., а вывоз—306 тысяч; в 90-х годах ввоз дошел до 718 тыс., т.-е. увеличился в $8^1/_2$ раз, а вывоз равнялся тогда 1 милл. $156^1/_2$ тысячам, что составляет увеличение почти вчетверо [2]). И опять-таки надо заметить, что торговый капитализм властно захватывал массы населения, тесно связывал их с национальным и международным рынком. Недаром раскольничьи слободы хлопотали об учреждении новых ярмарок на границах [3]), а депутаты новороссийских пикинерного и гусарских полков заявляли: „военнослужащим казакам не должно препятствовать торговать по тамошнему обыкновению, как-то: горелкою, дегтем, кремнями, дробью, мерлушкою, волною, рыбою, солью, табаком, веревками и прочим тем, что там родится и делается“ [4]). В Новороссию раньше, чем в нижнее Поволжье и в Оренбургский край, стало проникать и притом широкой струей дворянское землевладение и, следовательно, крепостное право. После уничтожения Сечи в 1775 году запорожские земли были розданы дворянам огромными имениями—от $1^1/_2$ тысячи десятин до 12-ти тысяч, а князь Прозоровский получил даже несколько десятков тысяч десятин. С 1771 по 1784 гг. всего роздано было 4 милл. 470 тыс. десятин, на которых поселено было $53^1/_2$ тысячи мужчин и 44 тыс. женщин [5]).

---

[1]) *Багалей*, Колонизация Новороссийского края, стр. 99, 104, 106, 108.
[2]) *Storch*, Historisch.-statist. Gemälde des Russ. R., часть VII, стр. 112.
[3]) Сборн. Имп. Ист. Общ., т. CVII, стр. 209.
[4]) Там же, т. VIII, стр. 116—117.
[5]) *Багалей*, Колониз. Новорос. края, стр. 71.

Мы закончили обзор хозяйственного положения всех отсталых областей-окраин России XVIII в. и убедились при этом на ряде фактов, не подлежащих сомнению, что представлять себе в них хозяйство натуральным и даже, как общее правило, замкнутым местным, хотя и денежным, было бы большой ошибкой. Уже окраинная Россия, несмотря на сохранение многих довольно первобытных частностей в ее хозяйстве, была в XVIII веке, несомненно, страной торгового капитализма. Тон в этом отношении давался лишь отчасти местными условиями, экономической дифференциацией окраин,—он в большей еще степени являлся результатом того сочетания общественных и хозяйственных сил, которое сложилось в собственной, центральной России—черноземной и нечерноземной. Но прежде, чем обратиться к этому центральному хозяйственному ядру, властно подчинявшему себе все окружающие сферы, необходимо бросить взгляд еще на две области—на Слободскую Украину и на Украину Днепровскую—Малороссию. Остзейский край мы оставим здесь совершенно без рассмотрения: о нем удобнее говорить уже при изучении истории первой половины XIX в.

Слободская Украина в XVIII веке не была уже окраиной, и жизнь там приняла совершенно мирный, не военный характер. Главное хозяйственное значение приобрело в ней земледелие: оно вполне удовлетворяло местным потребностям в продовольствии, а овес даже был предметом оживленной торговли. Местное земледелие в значительной степени индустриализировалось: много хлеба шло на винокурение, так что для этой главным образом цели даже ввозилось из других частей России до 100 тысяч четвертей хлеба в год. В 80-х годах XVIII века в Харьковском наместничестве было 976 винокурен. И опять-таки винокурение работало на рынок не только местный, но и великороссийский, новороссийский и даже заграничный: часть спирта везли для сбыта заграницу в Таганрог [1].

Скотоводство далеко уступало земледелию, было важно только в Изюмском, Купянском, Волчанском и

---

[1]) *Багалей*, Очерки из русской истории, II, стр. 6, 8, 227.

Змиевском уездах. Помещики имели конские заводы. Местному овцеводству вредила в XVIII веке конкуренция Новороссии [1]).

Большое значение имели специальные сельскохозяйственные культуры,—главным образом садоводство и пчеловодство. Садоводством особенно славились Люботин, Коротич и Новая Водолага, а также ахтырские, сумские и змиевские монастыри. Груши и яблоки в сыром виде шли на рынки Великороссии и Новороссии [2]). Шелководство, табаководство и разведение винограда шли плохо [3]). За то мед и воск сбывались не только на национальный, но и на международный рынок. Добывались они уже не примитивным бортевым способом,— господствовала пасечная система [4]).

Из отдельных отраслей добывающей промышленности работали не на один местный сбыт смолокурение и добывание селитры. И то и другое было организовано главным образом помещиками, причем князь Крапоткин, например, со своего смолокуренного завода в с. Березовом отправил в 1728 г. в Орел, следовательно на великороссийский рынок, 500 бочек смольчуги [5]).

Кустарное и ремесленное производство в Слободской Украине XVIII в. развились весьма значительно: им заняты были до 12% населения. Главные из его отраслей располагаются так в порядке убывающего значения: первое место занимали сапожники и кожевники, потом следовали портные и овчинники, ткачи, кузнецы и гончары. И здесь нередко обслуживался обширный рынок, конечно, чрез посредство скупщиков. Так, ремни и кожи, сермяжные кафтаны и шаровары сбывались в Малороссию и Новороссию, шубы в Великороссию, ковры-коцарки не только в Великороссию, но и заграницу [6]).

Понятно, при всех этих обстоятельствах, что торговый капитал просачивался во все поры хозяйственного организма, что он создабал коммерческое кровообращение

---

[1]) Там же, II, стр. 8.
[2]) Там же, II, стр. 6.
[3]) Там же, II, стр 7.
[4]) Там же, II, стр. 8.
[5]) Там же, II, стр. 8 и 9.
[6]) Там же, II, стр. 9.

в хозяйстве. Волосными сосудами являлись здесь более двухсот мелких сельских ярмарок, проникавшие в самую глубь народного производства. Их деятельность объединялась средними ярмарками, которых было десять. Шесть больших ярмарок—четыре харьковских и две сумских—работали уже на обширный сбыт. На большие ярмарки прибывали товары из Германии, Петербурга, Москвы, Суздаля, Тулы, Павлова, Царицына, Саратова, из Новороссии, Малороссии, области войска Донского [1]), Оренбургского края, Бухары [2]). Дворянство почти всецело [3]), крестьянство и мещанство в значительной части были втянуты в товарный оборот. Как развивался торговый капитализм в Слободской Украине XVIII в. — можно усмотреть из таких фактов: холста из Суздаля привозилось в конце XVIII в. от 4-х до 8-ми тысяч пудов, бакалейных товаров доставлялось до 1.600 п., икры и рыбы до 8-ми тыс. пудов; в 1732 г. в Харькове жили 62 чел. великорусских купцов, в Сумах 14, а в 1773 г. в Харькове 223 великорусских и 100 иностранных (гл. обр. греков), в Сумах 36 великорусских и 29 иностранных [4]).

Все это существенным образом перестраивало все хозяйство. Вольное и долевое землепользование в Слободской Украине исчезло при Екатерине II. Сильное распространение получило дворянское землевладение. В 60-х годах здесь существовал уже ряд крупнейших помещиков с тысячами душ крепостных: такие помещики насчитывались десятками, причем имение в тысячу душ или около того, было не редкостью, а встречались имения с шестью, пятью, четырьмя, двумя с половиной тысячами крепостных крестьян [5]). Крепостное право к концу века окончательно утвердилось. Крепостное хозяйство пустило глубокие корни.

В днепровской Украине, Малороссии, мы еще больше, чем в Украине Слободской, приближаемся к законченному торгово-капиталистическому и крепостному типу

---

[1]) Там же, II, стр. 10.

[2]) *Кизеветтер*, Делопроизводство рус. внутр. тамож.—в „Сборнике" в честь Ключевского, стр. 81.

[3]) *Багалей*, Очерки из русской истории, II, стр. 69.

[4]) Там же, II, стр. 73—74, 11.

[5]) Там же, II, стр. 107.

хозяйства. Конечно, и здесь было много остатков примитивного хозяйства, вольного или долевого владения землей [1]). Но все это постепенно отходило в прошлое и заменялось новыми порядками.

Чтобы составить себе понятие об общем характере днепровско-украинского хозяйства, возьмем описание земель Шептаковской сотни Стародубского полка в 1723 г и в 1781 г. (по Румянцевской описи, произведенной при генерал-губернаторстве гр. Румянцева). Тут слобод, сел и деревень в обоих случаях считалось 35. В них было в 1723 г. 447 дворов казачьих, 1.391 двор крестьян „грунтовых“ (т.-е. имеющих землю) и 1.470 хат бобылей (безземельных). В 1781 г. было 492 двора, 644 хаты и 8 бездворных хат казачьих, 3.593 двора, 4.201 хата и 54 бездворных хат крестьянских и 25 дворов и 38 хат подсоседников. Все эти слободы, села и деревни в 1723 г. были в большинстве волостными, в меньшей части монастырскими и архиерейскими; в 1781 г. за архиереем остались два села, за монастырем одно, волостных не осталось совсем, все остальное стало частным владением Подавляющее большинство населения занималось земледелием и скотоводством. В одном хуторе при Петре Великом была парусная фабрика, но ее заменил потом винокуренный завод. В 1781 г. были две гуты-мастерские для выделки стекла наемным трудом (20 хат наемных людей), производство горшков на местный рынок, посевы пеньки, достающейся, впрочем, целиком помещику, продажа дегтя и выделка деревянной посуды, два торга, четыре ярмарки [2]).

Здесь все характерно: и то, что число казацких дворов не сильно растет, но они социально расслаиваются часть беднеет, и огромный рост крестьянского населения с тем же его социальным расслоением, и ликвидация волостного и церковного землевладения и замена их частновладельческим, дворянским, и перевес земледелия и скотоводства при некоторой примеси обрабатывающей промышленности владельческой - предпринима-

---

[1]) См. особенно *Филимонов*, Румянцевская опись Суражского уезда.

[2]) *Лазаревский*, Описание старой Малороссии, т. I, Киев, 1888, стр. 186—195.

тельской и крестьянской-кустарной, и, наконец, наличность местного рынка и связь его через ярмарки с рынком национальным. Отрывок типичен и для других волостей [1]).

Его для полноты картины необходимо дополнить данными из того же источника и из других о положении городов и фактами, иллюстрирующими развитие крупной дворянской земельной собственности.

Типичный украинский средний, некрупный и сравнительно небогатый город—Стародуб. Тем не менее в нем были две ярмарки, стародубские купцы возили в Ригу и Архангельск для продажи заграницу, особенно в Силезию, меха и юфть, а в Россию сбывали мед и воск [2]). В Стародубе жили 27 великорусских купцов, существовало немало ремесленников, считалось во дворах свыше 1.000 хат и 111 бездворных хат [3]). На ярмарки приезжали купцы из Москвы, Тулы, Калуги, Рыльска, Курска с сукнами, шелковыми, галантерейными, серебряными, красными, мелочными товарами, сахаром, посудой и железом, из Черкасска, с днепровского лимана и с Волги с рыбой, из Риги с соленой и копченой рыбой, французскими винами и сырами, из окрестных сел с медом, воском, дегтем, щетиной, грибами, из Мглинской и Новоместской сотен с медвежьими, волчьими, лисьими, куничьими, беличьими, рысьими, горностаевыми, козьими и бобровыми шкурами, из раскольничьих слобод с полотном; из Трубчевского уезда Орловского наместничества с хлебом. Главный местный продукт—пенька: ее собирается до 500 тысяч пудов на 50—70 тысяч руб.; доставляют ее для сбыта заграницу в Ригу и Петербург [4]).

Стародуб—средний малороссийский торговый центр. И в нем уже чувствуется веяние развитого торгового капитализма. Гораздо более видную торгово-капиталистическую роль играли Полтава, Киев и в особенности

---

[1]) Там же, т. I и II, Киев, 1893; *Василенко*, Материалы для истории экономич., юридич. и обществ. быта старой Малороссии, вып. I, Генеральное следствие о местностях Нежинс. п., Черниг., 1901.

[2]) *Лазаревский*, Описание старой Малороссии, т. I, стр. 114.

[3]) Там же, I, стр. 135—136.

[4]) Там же, I, стр. 136—137.

Нежин. Киевские, полтавские и нежинские купцы были главными во всей днепровской Украине[1]). Нежин посылал украинские продукты к западной границе— в Молдавию и Валахию, в Германию (Лейпциг и Данциг). Кременчуг и Полтава были центрами торговой деятельности евреев, татар, греков, грузин[2]). Особенно много торговала Украина с Великороссией скотом[3]).

Уже в начале второй четверти XVIII века земельные и иные богатства украинской старшины, будущего местного дворянства, достигали значительных размеров. До нас дошла „книга пожиткам" черниговского полковника Полуботка 1725 года. Это—пожитки очень богатого помещика, владевшего десятками сел, имевшего огромные запасы хлеба, воска, меда, много скота всякого рода, большое число челяди, сады, огороды, виноградники. Крестьянское и казачье население его владений составляло не одну тысячу человек[4]). Насколько велики были аппетиты украинского и великорусского дворянства по отношению к земле,—видно из того, что в 1762 г. составлена была особая „ведомость о свободных местечках, селах и деревнях в Малой России"— свободных, т.-е. посполитых, находившихся в крестьянском владении и подлежавших пожалованию, раздаче в дворянские руки. В Лубенском, Черниговском, Полтавском, Нежинском, Прилуцком, Переяславском, Киевском, Миргородском полках на таких свободных землях было в 1755 г. 2.154 двора и 1.323 бездворных хат, а к 1762 году осталось только 2.036 дворов и 215 бездворных хат. Почти везде замечается убыль дворов и хат, иногда очень большая: повидимому, свободному крестьянству было нелегко приспособляться к новым условиям; но многие слободы, села и деревни в 1762 году уже совершенно перестали быть свободными[5]). В 1783 году

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 88.

[2]) *Кизеветтер*, Делопроизв. внутр. тамож.—в „Сборнике" в честь Ключевского, стр. 81.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CVII, стр. 13.

[4]) „Чт. в Общ. Ист. и Др. Росс." за 1862 г., кн. III, стр. 44—86.

[5]) „Чтения в Общ. Ист. и Древн. Рос." за 1872 год, кн. I, смесь, сообщение гр. А. К. Гудовича, стр. 1—24.

последовало, как известно, окончательное закрепощение украинских крестьян [1]).

Собственная центральная Россия—Великороссия с Белоруссией и Литвой—делилась уже в XVIII веке на черноземную земледельческую и нечерноземную промышленно-земледельческую. Само это деление предполагает оживленный обмен определенными товарами. И потому естественно, что такие, например, губернии, как Воронежская и Белгородская, торговали почти исключительно хлебом [2]), что Пенза с Саранском, Тамбов с Елатьмой и Козловом и Калуга через посредство Орла направляли хлебные грузы из черноземной полосы в московский центр [3]), что еще в начале царствования Екатерины II в Нижнем-Новгороде основалась компания для торговли южно-русским хлебом, и что „подвоз хлеба в центральной области был необходимостью уже в 60-х и 70-х годах“ [4]), и цены на хлеб на внутреннем рынке по мере приближения к концу века увеличивались и делали выгодным производство его на продажу [5]). Понятно, что все это повело к крайнему увеличению барщины и барской пашни в черноземной полосе. В Тульской губернии в 60-х годах XVIII века 92% всех крестьян сидело на барщине, и на душу приходилось земли, остававшейся в пользовании крестьян, $3\frac{1}{2}$ дес., в Рязанской процент барщинных крестьян доходил до 75-ти, а надел на душу равнялся 2 дес.; для Орловской соответствующие цифры 52% и $4\frac{1}{2}$ дес. для оброчных и $3\frac{1}{2}$ дес. для барщинных крестьян; из крепостных Орловской губ. 68% были барщинными, и оброчные крестьяне имели надел в 4,7 дес., а барщинные только в 2,4 дес., так что половина земли в барщинных имениях была под барской пашней; в Курской губ. 92% всех крестьян сидели на барщине, имея надел в 2,9 дес.; в Воронежской барщинные крестьяне составляли 47% всего числа крепостных. Если взять весь черноземный район в целом, то окажется,

---

[1]) Полное Собр. Зак., № 15724.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 232.

[3]) *Кизеветтер*, Делопр. внутр. тамож.—в „Сборнике“ в честь Ключевского, стр. 78—79.

[4]) *Покровский*, Русская история, т. IV, стр. 107

[5]) Там же, т. IV, стр. 114.

что барщинных крестьян было там почти три четверти— 74%, средняя запашка оброчных крестьян составляла 4,4 дес., а барщинных 3,5 дес.[1]).

Гораздо сложнее были экономические отношения в центральной нечерноземной России. Здесь все более видную роль играли фабричное производство, городское ремесло и кустарные промысла, вообще индустрия. На ней прежде всего и приходится остановить внимание.

Данные статистики русской фабричной промышленности XVIII в. не сходятся между собою. По одним сведениям, всех фабрик в России, не считая горных заводов, было в 1762 г. 984, в 1796 г. 3.161, причем в 1773 г. ценность производимых ими товаров дошла до 5 миллионов 548 тысяч рублей на деньги того времени [2]). Но мануфактур-коллегия в 1766 г. считала в России только 500 фабрик с производством на 2 миллиона 790 тысяч рублей и с вывозом фабрикатов заграницу на 881 тысячу рублей [3]). Не подлежит все же сомнению значительный рост фабричной промышленности, подтверждаемый и рядом других фактов и соображений. Суконные и шелковые фабрики делали успехи уже в 40-х годах XIX в. [4]). В 1736 г. составилась крупная компания московских купцов Еремеева, Василькова, Товарова, Носырева, Колобова, Журавлева и Бабкина для учреждения суконной фабрики. Из старых суконных фабрик тогда прочно держались фабрики Щеголина и Полуярославцева в Москве и вдовы Микляева в Казани. Полуярославцев ставил на армию в год 70.100 аршин сукна, московская фабрика Болотина и Докучаева ставила 180 тысяч аршин, а Серикова 25 тысяч аршин [5]). В Калужской губернии в 1776 г. было 26 фабрик: 17 полотняных, 3 суконных, 2 писчебумажных и по одной кафельной, красочной, сигарной и стеклянной [6]). Наказы депутатам в екатерининскую комиссию пестрят указаниями на существовавшие тогда в нечерноземной России фабрики: в 20 верстах от Мурома был

---

[1]) *Семевский*, Крестьяне в царств. Екатерины II, т. I, стр. 26—29.
[2]) *Туган-Барановский*, Русская фабрика, I, стр. 45.
[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLIII, стр. 207—208
[4]) *Соловьев*, История России, т. XXII, стр. 35; XXIII, стр. 28.
[5]) Там же, т. XX, компактн. издание, стр. 1425—1426.
[6]) „Чт. в Общ. Ист. и Др. Рос." за 1877 г., кн. IV, стр. 157.

железный завод купца Баташева, а в самом Муроме поташный завод [1]); около Рыбной слободы у помещиков было много прядильных, крупяных, солодовенных, масляных, кожевенных и кузнечных заводов, а в самой слободе были две фабрики Нечаева—парусная, основанная в 1736 г., и стеклянная, существовавшая с 1740 года [2]); в Гороховском уезде крестьяне имели кожевенные заводы, где выделывали юфть [3]); в Тихвине было 2 кожевенных завода, 15 сальных, 2 солодовенных и в окрестностях три купеческих фабрики [4]) и т. д. Депутаты комиссии 1767 года не раз в своих выступлениях свидетельствовали об успехах фабричной индустрии: князь Щербатов говорил, что суконных фабрик до 1742 года было только 16, а к 1767 г. прибавилось до 60-ти; полотняных было 20 и прибавилось еще 68 [5]). Депутат коммерц-коллегии Меженинов заявлял: „железных заводов заведено уже так много, что за расходом домашним и за отпуском в чужие края, год от году залеживается значительное количество железа“ [6]). Он распределял эти заводы по качеству изделий в нисходящем порядке, начиная от демидовских, строгановских и твердышовских, продолжая брынскими, тульскими, рязанскими и ниже всего ставя брянские, олонецкие и устюжские [7]).

Фабрики XVIII в. основывались почти исключительно на несвободном труде, были или дворянские-крепостные или купеческие поссессионные [8]). До нас дошли сведения о волнениях поссессионных рабочих на некоторых крупных фабриках [9]). В виде отдельных исключений к концу XVIII в. появляются крестьянские фабрики. Таковы были фабрики Морозова, бывшего крепостного г. Шереметева; таковы и упомянутые выше мелкие крестьянские фабрики в Гороховском уезде.

---

[1]) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. CVII, стр. 84—85.
[2]) Там же, т. CVII, стр. 136, 140.
[3]) Там же, т. CVII, стр. 178.
[4]) Там же, т. CVIII, стр. 315.
[5]) Там же, т. VIII, стр. 136.
[6]) Там же, т. VIII, стр. 51 и след.
[7]) Там же, т. VIII, стр. 51.
[8]) *Туган-Барановский,* Русская фабрика.
[9]) *Соловьев,* Ист. Рос., т. XX, стр. 1444; т. XXIII, стр. 27.

Фабрика XVIII в. была технически мануфактурой, на ней работали руками, и потому с ней могли легко конкурировать кустари. Поэтому часто фабрики того времени были недолговечны, и историческая роль их большею частью сводилась к насаждению новых отраслей кустарной промышленности [1]).

XVIII век был временем, когда сложились и укрепились главные очаги русского кустарного производства. Данных о кустарной промышленности в то время до нас дошло много. И они теснейшим образом переплетены с тем широким участием, которое принимало крестьянство нечерноземной полосы во внутренней торговле, так что удобнее всего и излагать их в этой именно связи.

В Ярославской провинции, по словам депутата Норской слободы Угрюмова, „во многих селах бывают еженедельные торги, где не только крестьяне того же села, но и приезжающие из других сел и деревень разных помещиков крестьяне торгуют различными товарами, откупая у своей братьи предметы крестьянского хозяйства, как-то: кожу, сало, мед, воск, шерсть, сукно, хлеб“ [2]). Кажется, трудно выразить более ярко деятельность и ярославских скупщиков и местных кустарей. Дворяне торговали и заботились о развитии кустарной промышленности в той же Ярославской провинции не менее крестьян. По ярославскому дворянскому депутату князю Щербатову, дворяне „в небольших своих заведениях стараются довести крестьянок до уменья прясть тоньше и заводить, хотя бы для своей нужды, тонкие полотна“. Но дело тут было не только в удовлетворении „своей нужды“: тот же Щербатов находит, что дворяне тем самым „все-таки хотя понемногу преклоняют равновесие торговли на русскую сторону“ [3]). Ему вторит и депутат псковского дворянства Щербинин, заявляя, что „тканье полотен многими дворянами доведено до совершенства“, причем они „содействовали и распространению среди крестьян тканья полотен, скатертей, салфеток, сукон, трипов, коломенок и камлотов всякого сорта“ [4]).

---

[1]) *Туган-Барановский*, Русская фабрика.
[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 117.
[3]) Там же, т. VIII, стр. 135.
[4]) Там же, т. VIII, стр. 218.

По словам депутата от пахотных солдат Нижегородской провинции Жеребцова, „в Нижегородской губернии находятся многие знатные села, а именно: Лысково, Работки, Павлово, Ворсма, Городец, Мурашкино и Княгинино“, где существуют торги и ярмарки и живут „ремесленные люди“. Продаются там: хлеб, съестные припасы, соль, выделанные кожи и овчины, холсты, изделия из меди и железа, кузнечные, слесарные, оловянные, крестьянское мужское и женское платье, шапки и рукавицы, крестьянские простые сукна, обувь, деревянная посуда, конская сбруя“ [1]). По наказу лихвинского купечества „крестьянство уездное ездит по уездам, покупает пеньку и имеют в своих домах трепальные места и терези в подобие купецким и забирают пеньки покупкою по немалому числу тысяч пуд и, переделав в своих домах, продают разных городов купцам“ [2]). В селах Сухиничи и Щелканово Мещовского уезда бывали еженедельные торги, а в праздники ярмарки; крестьяне имели торговые промыслы и в домах своих пеньки трепальни и терези; иногородние купцы играли роль посредников-скупщиков—„тем крестьянам под товары раздавали немалые суммы денег“ [3]). В Пошехонском уезде на устье Шексны в селах Петровском и Васильевском крестьяне готовили и продавали хлеб, барки, „барочные деревянные и железные припасы и пеньковые снасти“ [4]). Крестьяне с. Благовещенского близ Борисоглебской слободы торговали холстом, овчинами, шубами, мясом, салом, медом, хлебом, сами делали шубы, кафтаны, обувь, замки на продажу [5]). Яркую картину оживленного торгово-капиталистического оборота рисует наказ белозерского купечества: белозерское купечество скупало рыбу, рогатый скот, мясо и деготь и отправляло их в Москву, Петербург и поволжские города; крестьяне здесь, как и везде, принимали большое участие в торговле; внутренние торговые пути связывали местные рынки с отдаленными местами; на белозерскую Крохинскую пристань в устье

---

[1]) Там же, т. VIII, стр. 230.
[2]) Там же, т. CVII, стр. 88.
[3]) Там же, т. CVII, стр. 119.
[4]) Там же, т. CVII, стр. 140.
[5]) Там же, т. CVII, стр. 173.

Шексны ездили купцы с Волги, а от Крохинской пристани провозили товары Шексной на 300 верст, а также Белоозером в р. Ковжу, которою ездили на 60 верст в Бадожскую пристань, а от нее гужевым способом доставляли товар за 55 верст на Вянгинскую пристань Олонецкого уезда [1]). Пряжа и тканье льна распространены были в Кашинском, Вологодском, Каширском уездах, в провинциях Калужской, Владимирской, Переяславль-Залесской, Олонецкой [2]). О домашней индустрии и деятельности скупщиков сообщает Болотов [3]).

Сравнительно с деревенским кустарничеством второстепенное положение занимало городское ремесло: им занято было только 15% посадского населения; 43% заняты были торговлей, 42% черной работой [4]). Но работой по найму занимались не только городские низы, а и деревенская беднота. Торгово-капиталистическая действительность XVIII века создала отход на неземледельческие работы, достигавший, напр., в Ярославской губернии до половины населения [5]), а также и отход на земледельческие работы в черноземную полосу [6]).

И дворянство было втянуто в товарный, торговый оборот: оно торговало [7]), „многие дворяне, как купцы, вели торги“ [8]). Теперь можно уже считать прочно установленным, что богатое и даже среднее дворянство удовлетворяло свои потребности покупкой товаров и наемным трудом [9]), не гнушаясь, конечно, и получением продуктов деревенского хозяйства натурой. Характерно, что даже домашняя прислуга предпочиталась наемная; крепостную считали плохой, не подходящей для дела [10]).

---

[1]) Там же, т. CVII, стр. 254—255. Ср. еще *Готье*, К вопросу об изучении внутр. торг. в Рос. XVIII века в „Сборнике“ в честь Платонова, стр. 455—460.

[2]) *Покровский*, Русская история, IV, стр. 95.

[3]) Там же, IV, стр. 96—97.

[4]) *Кизеветтер*, Посадская община в XVIII в., стр. 141.

[5]) *Туган-Барановский*, Русская фабрика, I, стр. 47.

[6]) *Покровский*, Рус. ист., IV, стр. 93—94.

[7]) *Storch*, Hist.-stat. Gemälde, часть 7-я, стр. 276 и сл.

[8]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 153.

[9]) *Покровский*, Рус. ист., IV, стр. 85 и след.

[10]) *Шретер*, Опыт домостроительства: „Труды Вольного Экономич. Общества“, часть 22-я.

Дворянские и купеческие наказы в екатерининскую комиссию свидетельствуют почти каждой своей страницей о первостепенном значении торгового капитализма в России XVIII века и о стремлении развить торговлю дальше, содействовать ей всякими мерами. Ряд наказов высказывается за одинаковую по всей стране меру и вес [1]), за улучшение и ускорение почты [2]), за проведение новых дорог [3]), за разрешение крестьянам обязываться векселями, так как „обойтись без того невозможно" [4]), за учреждение новых торжков и ярмарок [5]). Конечно, много еще встречалось отрыжек старого, попыток монополизировать торговлю купеческому сословию и в каждом районе передать ее целиком местному купечеству, но жизнь брала свое: из того, что только что сказано, видно в достаточной степени, как гнулись, трещали и подчас ломались под влиянием торгового капитализма сословные рамки. И недаром: денежное хозяйство в России делало крупные успехи; торговля со времен Петра Великого увеличилась внутри страны к 1767 г. по крайней мере вдвое [6]); Петербург был узловым центром пяти больших дорог, Москва—семи [7]). Действовали каналы Ладожский и Вышневолоцкий, на котором движение было открыто в 30-х годах [8]).

Прежде чем перейти к характеристике сельского хозяйства нечерноземной России, необходимо познакомиться с состоянием внешней торговли.

Разделяя предметы русского вывоза в XVIII веке на четыре категории—продукты земледелия, скотоводства, индустрии и добывающей промышленности, мы получаем следующие результаты [9]). Общая сумма русского вывоза заграницу составляла в 60-х и 70-х годах 13 милл.

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 363.
[2]) Там же, т. XLIII, стр. 8 и др.
[3]) Там же, т. VI, стр. 293, 239; т. XLIII, стр. 8.
[4]) Там же, т. CVII, стр. 257.
[5]) Там же, т. XIV, стр. 305.
[6]) Там же, т. VIII, стр. 201.
[7]) Там же, т. XLIII, стр. 399.
[8]) *Storch*, Hist.-stat. Gemälde, часть 5-я, стр. 175.
[9]) Все последующие вычисления произведены на основании сведений, сообщаемых Шторхом в его восьмитомной „Hist.-stat. Gemälde Russ. R.", Riga, 1797

$886^1/_2$ тыс. руб., а в 90-х годах 39 милл. 643 тысячи рублей; это означает увеличение вывоза за 20 с чем-нибудь лет на $185^1/_3\%$, почти втрое: показатель роста торгового капитализма в России XVIII века. При этом первое место в вывозе занимали в 60-х и 70-х годах продукты земледелия, которых вывозилось тогда на 7 милл. 892 тыс. рублей, что составляло 56,9% всего вывоза. Второе место занимали продукты добывающей промышленности, вывоз которых по ценности составлял 21%. 15,3% приходилось на вывоз индустриальных продуктов и 6,8% на продукты скотоводства. Процентное соотношение разных предметов вывоза в 90-х годах существенно изменилось: правда, порядок, в каком располагались статьи вывоза остался прежний, но на долю продуктов земледелия приходилось уже только 47,3% всего вывоза, продукты добывающей промышленности составляли 25,3%, на индустриальные произведения приходилось 14,4%, а на продукты скотоводства 13,1%. Иными словами, русский вывоз стал менее земледельческим и менее индустриальным и более скотоводственным и основанным на добывающей промышленности, чем-то было прежде. Почему?

Присматриваясь к деталям, нетрудно найти ближайшую причину: она заключалась в огромном росте вывоза сала (в шесть раз) и щетины (впятеро), с одной стороны, и в увеличении почти впятеро вывоза железа и лесных продуктов—с другой. Огромный рост вывоза железа составлял оригинальную черту этого именно времени; только в конце XVIII века в Англии изобретены были пламенные или отражательные печи для плавления чугуна без непосредственного соприкосновения руды с топливом и вследствие того появилось так-называемое пудлингование, причем лучшим топливом явился каменный уголь; до этого времени железо было выгоднее производить в странах с большим количеством дешевого вследствие его обилия леса; такими странами и были тогда Россия и Швеция. Что касается развития вывоза сала, щетины и лесных материалов, то это было началом той тенденции, которая характеризовала русский вывоз в XIX веке, по типу, как в свое время убедимся, более отсталый, чем в XVIII веке: тенденция эта заключалась в том, что Россия с течением времени ставила на ми-

ровой рынок все больше сырья и уменьшала относительную долю сбыта обработанных продуктов.

Из сказанного сейчас таким образом видно, какие товары преобладали в вывозе продуктов добывающей промышленности и скотоводства. Большое значение для понимания хозяйства нечерноземной центральной России имеет разрешение того же вопроса по отношению к продуктам земледелия и индустрии. Оказывается, что в течение всей второй половины XVIII в. первенство среди предметов земледельческого вывоза принадлежало пеньке, затем льну, а не хлебу. Вывоз хлеба абсолютно почти не возрастал, а относительно уменьшился за 20 лет вдвое: в 70-х годах он составлял около 32% всего земледельческого вывоза, а в 90-х уже только 16%. Зато вывоз пеньки за то же время увеличился втрое, и если взять вместе пеньку, лен, конопляное и льняное семя и конопляное и льняное масло, то окажется, что эта специально-техническая отрасль земледелия давала в 70-годах 67% всего вывоза земледельческих продуктов, а в 90-х годах даже 84%. Поэтому и в индустрии на вывоз полотняных и льняных изделий приходилось в 70-х годах свыше 91%, а в 90-х свыше 75%.

Результаты наблюдений над иностранным ввозом в Россию XVIII в. сводятся к тому, что общий итог его простирался в 90-х годах до 23 милл. 130 тыс. руб., так что внешняя торговля России того времени удовлетворяла меркантилистской теории,—имела благоприятный баланс: вывоз был выше ввоза более чем на 16½ милл. руб. Общий оборот внешней торговли составлял, следовательно, тогда около 63-х миллионов тогдашних рублей в год или, считая рубль того времени в 7 рублей золотых начала XX в., свыше 440 милл. руб. Это—значительная сумма, и недаром екатерининская Россия не считалась в Европе с экономической точки зрения отсталой страной [1]). Россия экономически и политически отстала не столько тогда, сколько позднее. Конечно, Европа ввозила к нам и тогда по преимуществу—на 84%—индустриальные произведения. Ввоз остальных товаров был

[1]) *Тарле*, Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страною. „Совр. Мир." за 1910 г., № 5, стр. 4—29.

в полном смысле ничтожен. Среди иностранных фабрикатов, ввозившихся в Россию, преобладали сахар, суконные, шерстяные, хлопчатобумажные материи и вина.

Изучение внешней торговли показало нам, какое важное значение в сельском хозяйстве центральной нечерноземной России принадлежало разведению пеньки и льна. Целый ряд местностей производил эти технические растения и торговал ими. Кроме классически-льняного Пскова и его области [1]), о которых местные люди тогда не без некоторого даже преувеличения говорили, что „весь доход составляет единственно один лен“ [2]), пенькой и льном занимались много в уездах Зубцовском [3]), Тихвинском [4]), Ржевском [5]). В наказе дворянства Московской губернии находим любопытный расчет доходности десятины земли при засеве ее рожью, коноплей и льном: оказывается, что десятина ржи давала всего 13 руб., десятина коноплянника 20—30 р., а десятина льна 40—60 руб. [6]).

Огромное значение для помещичьего крепостного хозяйства не только нечерноземной полосы, но всей России имело винокурение. Оно давало помещикам на десятину земли вдвое больший доход, чем продажа хлеба сырьем [7]), и потому многие дворянские наказы подчеркивают важность винокурения [8]), а купечество высказывает желание само приобщиться к этому выгодному делу, уничтожить винокуренную монополию дворянства. Хлеб, конечно, тоже производился и в нечерноземной России, но он служил главным образом для местного потребления, которого большею частью не покрывал, так что приходилось ввозить немало хлеба с черноземного юга.

Индустрия, необходимость наемного труда в городах, неземледельческий и земледельческий отход, второстепенная роль хлебного производства приводили в нечерно-

---

1) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. CVII, стр. 396.
2) Там же, т. XIV, стр. 391.
3) Там же, т. CVII, стр. 295.
4) Там же, т. CVII, стр. 315.
5) Там же, т. CVII, стр. 413.
6) Там же, т. VIII, стр. 441.
7) *Покровский*, Рус. история, т. IV, стр. 100.
8) Там же, т. XIV, стр. 243, 246, 249 и др.

земной полосе к преобладанию оброка над барщиной. В нечерноземной полосе вообще на оброке было 55% всех крепостных, а на барщине только 45% [1]). Больше всего барщинных крестьян было в Псковской губ. (79%) и в Смоленской (70%). В Московской их было 64%, в Тверской 54%, в Новгородской 51%, во Владимирской 50%. В Петербургской губ. на барщине сидели 49% крепостных, в Калужской 42%, в Олонецкой 34%, в Ярославской 22%, в Нижегородской 18%, в Вологодской 17%, в Костромской 15% [2]). Тем не менее барщинное хозяйство в XVIII веке и в нечерноземной полосе считалось выгоднее оброчного, по крайней мере чисто-оброчного. Крупные помещики, правда, предпочитали оброчную систему. Мелкие подчас склонны были прямо превращать всю землю в барскую запашку, а крестьян делать „месячниками", переводить на „месячину"—содержание на барский счет натурой [3]). Но средние помещики тщательно и осторожно взвешивали все шансы и обычно увеличивали частично барскую запашку и барщину, не уничтожая совершенно оброчной системы.

Мы можем для иллюстрации этого воспользоваться некоторыми конкретными примерами. В 1792 г. помещик Хвостов имел запашку в своем селе Нежове всего в 40 дес., пять лет спустя, в 1797 г., он довел ее до 100 дес. Сделал он это, по его словам, следующим образом: „нашед барщину малолюдною и в жалком состоянии, я взял из оброчных тридцать сох на барщину. А так как сии оброчные живут при Чудском озере и зимою промышляют рыбною ловлею, то и содержались на господской работе только до ноября... Но чтоб дать средство и барщинным поправиться, я их поместил в рыбный промысел... Переженив несколько холостых из оброчных на девках из барщинных семей, я породнил их и потом определил на каждый невод по четыре барщинника, так чтобы, где в семье два работника, один оставался дома и сменялись бы на промысел понедельно" [4]).

---

[1]) *Семевский*, Крестьяне в царств. имп. Екат. II, I, стр. 26.

[2]) *Игнатович*, Помещичьи крестьяне накануне освобождения, стр. 47.

[3]) *Семевский*, Крестьяне в царст. имп. Ек. II, стр. 40.

[4]) Записки В. С. Хвостова. „Рус. Архив" за 1870 г., стр. 583 и сл.

Ярославский помещик Карнович в 1797—1798 годах имел 80 дес. барской пашни и получал дохода с нее и с оброка 11.429 р. в год. Он увеличил барскую пашню втрое, и доход оказался в полтора раза и вдвое больше прежнего [1]). Смешанная барщинно-оброчная система существовала еще во втором десятилетии XVIII века в ярославском имении гр. Шереметева селе Вощажникове [2]).

В землевладении XVIII век дал много нового. Первое важное здесь явление — это увеличение площади дворянской земли: Екатерина II и Павел I пожаловали дворянам более 1 миллиона 100 тысяч десятин земли, населенной государственными крестьянами, которые превратились, таким образом, в помещичьих крепостных. При этом львиная доля выгод досталась крупнейшим владельцам: 22% всех пожалованных земель достались помещикам, имевшим 10 тысяч душ крепостных и более, а больше 50% получили те, у кого было минимум 1.000 душ [3]). Перевес значения социального веса богачей сказывался и в том, что крупные владельцы имели преимущества и в получении ссуд из основанного Елизаветой дворянского банка [4]).

Второй важной переменой в землевладении XVIII в. было установление во всей центральной России — нечерноземной и черноземной—к 60-м годам на помещичьих землях крестьянского мирского или общинного землепользования с периодическими переделами, чрезполосицей и принудительным севооборотом [5]). И здесь сказалось и определило исход дела совпадение интересов крестьянской бедноты, нуждавшейся в земле, дворян-землевладельцев, желавших обеспечить правильное отбывание барщины и оброка, и дворянской государственности, заинтересованной в исправном поступлении податей, особенно подушной.

Наконец, XVIII век дал и третье важное новшество в области землевладения—секуляризацию церковных зе-

---

[1]) „Русская Старина“ за 1876 год, т. XVI

[2]) Архив села Вощажникова, М. 1901.

[3]) *Архангельский*, Очерки по истории земельного строя в России, Казань, 1921, стр. 63.

[4]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 202.

[5]) *Семевский*, Крестьяне в царств. имп. Ек. II, I, стр. 94 и сл.

мель в 1764 году. Церковное-монастырское и епископское землевладение было остатком средневекового феодального хозяйства, в хозяйственном отношении оно давно сильно хромало, и дворянская государственность положила ему конец, подготовлявшийся, как нам уже известно, с XVI века. Еще до 1720 г., в период деятельности Монастырского приказа, было роздано в дворянские руки и продано до 6.400 дворов церковной земли. С 1724 г. по 1738 г. Монастырский приказ был переименован и подчинен синоду, с 1738 по 1744 год он под именем коллегии экономии подчинялся сенату, а потом опять синоду под именем канцелярии синодального экономического правления. Секуляризация подготовлялась, однако, еще при Елизавете, и в 1762 г. учреждена была комиссия в составе митрополита новгородского Димитрия, архиепископа петербургского Гавриила, епископа переяславского Сильвестра, гр. Воронцова, кн. Куракина, кн. Гагарина и Теплова, которая должна была составить опись церковных земель и крестьян, вести на этих землях хозяйство, составить церковные штаты и определить содержание духовенства, устроить училища священнослужителей и инвалидные дома на доходы с церковных земель. Эта комиссия, состав которой не раз менялся, причем, однако, главную работу в ней вели Теплов, потом Остолопов, была закрыта только при Павле I в 1797 г. По ее предложению была в 1763 г. учреждена самостоятельная коллегия экономии для управления церковными землями и крестьянами. После 1764 г. упразднено было 418 монастырей, уничтожен был ряд поборов архиереев с духовенства. Бывшие церковные, монастырские и архиерейские крестьяне составили особый разряд государственных крестьян под названием экономических. В это положение попали в 60-х годах около 852 тысяч душ мужского пола, из которых до 650 тысяч принадлежали раньше монастырям, около 167 тысяч архиереям и 35 тысяч приходским церквам [1]).

Остается отметить перемены в материальном положении крепостных и материальные условия жизни помещиков и капиталистов-купцов и фабрикантов XVIII века.

---

[1]) *Завьялов*, Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II, Спб., 1900, стр. 63, 70—86, 127, 134, 274, 307, 308, 346—348.

В 60-х и 70-х годах XVIII в. обычным оброком было 2—3 р. с души, в 80-х 4 р., в 90-х 5 р.; если прибавить к этому стоимость добавочных работ, подводной повинности и припасов, то получатся суммы, увеличенные на 50%, т.-е. в 3 р.—4 р. 50 к., 6 р. и 7 р. 50 к. с души. Барщина обычно занимала три дня в неделю. Положение государственных и дворцовых крестьян было легче, чем помещичьих: у них оброк был в 60-х годах 2 р., в 80-х годах 3 р. с души [1]).

Капиталисты, в особенности откупщики вина и горнозаводчики, имели огромные доходы, которые иногда давали до 100% на затраченный капитал в год [2]). Шел очевидно, тот процесс хищнической, бешеной наживы, который так характерен для эпохи первоначального накопления.

Типичным средним помещиком второй половины 60-х годов был Болотов с его годовым доходом в 480 р. [3]). Такие помещики, как известный нам Карнович, с доходом в 10—20 тыс. рублей, приближались к крупным. Но были и настоящие магнаты, вроде Волынского, Разумовского, Шереметева. У Волынского было 1.800 душ крепостных; его винокуренный завод в Казанской губ. ставил вино не только на местный рынок, но в Москву, Симбирск и даже Азов. Он имел четыре конских завода, несколько домов в Петербурге и дом в Москве [4]). При гр. К. Г. Разумовском был штат служителей в 261 чел., на жалованье которым расходовалось 2.000 р. в месяц; ежедневно для стола графа и его прислуги расходовались один целый бык, 10 баранов и 100 кур [5]). Гр. Петр Борисович Шереметев имел 146 тысяч душ крепостных, на охоту выезжал в 50-ю дворянами-приживальщиками и с 700 чел. дворни и устроил в своем подмосковном селе Кускове роскошный дворец с садами, оранжереями, прудами, казавшийся современникам достойным первоклассного владетельного князя [6]).

---

[1]) *Семевский*, Крестьяне в ц. имп. Ек. II, I, стр. 50, 54, 55, 56, 59

[2]) *Покровский*, Рус. ист., т. IV, стр. 101.

[3]) Жизнь и приключения А. Болотова, т. II, Спб., 1871, стр. 629.

[4]) „Чт. в Общ. Ист. Др. Рос.“ за 1858 г., кн. II, смесь, стр. 169—170.

[5]) *Бартенев*, Осьмнадцатый век, т. II, стр. 622 и след.

[6]) *Пыляев*, Старая Москва.

II.

Устройство общества.

Торгово-капиталистическое хозяйство России в XVIII веке служило фундаментом общественного строя, характерной чертой которого была сословность. При этом господствующим сословием было дворянство. Высшим, законченным выражением дворянских прав и привилегий явилась Жалованная грамота дворянству, данная Екатериной II в 1785 году [1]) на основании той работы, какую совершила собранная ею в 1767 году Комиссия депутатов для составления проекта нового Уложения. Но то, что было формулировано окончательно, исподоволь подготовлялось в течение предшествующего времени. Мы должны рассмотреть основное содержание грамоты и проследить историческую подготовку, генезис важнейших дворянских прав.

Известно, что петровская Табель о рангах окончательно сделала всех служащих государству дворянами, причем те, кто дослужился до первого офицерского чина в службе военной и до чина 8-го класса в гражданской, передавали свое дворянское достоинство потомству, „прочие же чины, которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне". Этот последний текст истолкован был Жалованной грамотой дворянству в том смысле, что лица, не дослужившиеся до чинов первого офицерского и восьмого класса, считаются личными дворянами, а лица, до этих чинов дослужившиеся, — дворяне потомственные [2]). Это единственное юридическое различие, устанавливаемое внутри дворянского сословия законодательством XVIII века. Подлинным, настоящим дворян-

---

[1]) Полное Собрание Законов, № 16187.
[2]) П. С. З., № 1687, п. 92.

ством является, таким образом, только дворянство потомственное.

Но зато в согласии с историческими традициями, созданными дворянской революцией в России, все потомственное дворянство в течение XVIII века представляло собою единое сословное целое, все члены которого без исключения были юридически равны между собою. Правда, Жалованная грамота 1785 года различает шесть разрядов дворянства по происхождению и предписывает соответственно этому заносить дворянские фамилии в одну из шести частей дворянской родословной книги, так что в первую часть вносится дворянство, пожалованное верховной властью, во вторую—военное, приобретенное военной службой, в третью—выслуженное в службе гражданской, в четвертую иностранное дворянство, перешедшее в ряды дворянства русского, в пятую — дворянство титулованное — бароны, графы, князья, наконец; в шестую часть родословной книги вносятся благородные дворянские роды, „коих доказательства дворянского достоинства за 100 лет и выше восходят, благородное же их начало покрыто неизвестностью“ [1]),— это так-называемое столбовое дворянство. Но это деление имеет чисто почетное, внешнее значение, юридических различий между дворянскими фамилиями, внесенными в разные части родословной книги, грамота не устанавливает [2]). Дворянское равноправие—сословный принцип, чуждый феодальной сословности, признававшей целую иерархию, лестницу сословных групп—вассалов, пэров короля, арьер-вассалов и т. д. Дворянская масса окончательно уравняла с собой юридически феодальную аристократию, бывшее боярство и княжье.

Деление дворянства, установленное грамотой 1785 г., впервые было формулировано в Комиссии 1767 г. депутатом романовского дворянства кн. Давыдовым [3]).

В бурный, болезненный период перелома, в эпоху дворянской революции дворянство, как мы видели, оказалось настолько политически-дальновидным, что с целью

[1]) Там же, пункты 77—82.

[2]) *Романович-Славятинский,* Дворянство в России от эпохи преобразований до отмены крепостного права. Спб., 1870, стр. 46.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 180—181.

победить боярство и достигнуть господства, обложило себя тяжелой повинностью пожизненной службы государству, стало государственно-крепостным сословием. Реформа Петра Великого явилась заключительным моментом дворянской революции в России и хронологически и по существу—дала окончательно господство дворянству. После нее дворянство, став господином положения, почувствовав свою силу, сбросило с себя крепостничество в том условном смысле, в каком оно ему было свойственно, стало свободным сословием, не обязанным служить государству. Жалованная грамота 1785 г. подтвердила „на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу“, право служить и не служить, увольняться со службы во всякое время; лишь в случае крайней необходимости дворяне обязаны являться на службу по призыву самодержавной власти [1]).

Это окончательное раскрепощение дворянства было подготовлено в XVIII веке рядом мер. Первая, самая робкая их них, относится еще к 1727 году: тогда разрешено было две трети офицеров и солдат из дворян отпускать с военной службы в мирное время на побывку по домам без жалованья, причем сразу же обнаружилась и причина этого: дворянству нужно было вести свое крепостное хозяйство на местах [2]). Второй освободительной по отношению к дворянству мерой был указ 31 декабря 1736 г., по которому дворяне могли служить только 25 лет — от 20-летнего возраста до 45-тилетнего, а потом имели право выходить в отставку, чтобы вести хозяйство; этот указ пошел и еще дальше: если у дворянина было два и более сына, то один из них мог совсем не служить, а посвятить себя всецело хозяйству [3]). Наконец, в царствование Елизаветы было подготовлено полное освобождение дворян от обязательной службы, осуществленное Петром III в манифесте 18 февраля 1762 г. [4]) и торжественно подтвержденное Жалованной грамотой 1785 года.

---

[1]) П. С. З., № 1687, пункты 11, 18, 20.
[2]) *Ключевский*, Курс русской истории, ч. IV, стр. 406.
[3]) П. С. З. № 7142.
[4]) Там же, № 11444.

Сняв с дворянства лежавшую раньше на нем государственную обязанность, Жалованная грамота дала дворянскому сословию ряд прав,—личных, имущественных и корпоративных,—многие из которых также были подготовлены предшествующей ей историей XVIII века, отчасти даже более ранней.

Первое личное право, признанное грамотой 1785 г. за дворянством,—это неотъемлемость дворянского достоинства без наличности преступлений, „основаниям дворянского достоинства противных". Грамота точно указала, какие это преступления, именно: нарушение клятвы, измена, разбой, воровство, „лживые поступки", преступления, за которые по закону полагается лишение чести и телесное наказание, а также подговор ко всем подобным преступлениям. Сверх того, грамота установила, что и за все эти преступления дворянин не может быть лишен дворянства, жизни, чести и имения без суда, притом без суда равных ему по общественному положению лиц, т.-е. без суда сословного, и, наконец, что приговор по делу дворянина, совершившего уголовное преступление и по закону достойного лишения дворянства, чести или жизни, должен быть внесен в сенат и „конфирмован", утвержден верховной властью [1]).

Без сомнения, эти важные правовые гарантии означали уничтожение старых вотчинных, феодальных понятий об отношениях дворянства к верховной власти и вообще к государству и введение сюда новых государственных понятий. Они подготовлены были предшествующей историей, начиная еще с „записи", данной Шуйским и с Уложения 1649 года. О них дворянство много говорило и в 1730 г., при вступлении на престол Анны, и в Комиссии 1767 г. Так, за сословный дворянский суд высказывались наказы боровского дворянства [2]), а также дворянства костромского, любимского, ярославского, серпуховского, тарусского и оболенского, бежецкого и др. [3]). Можно сказать, что не было почти дворянских наказов, в которых не выставлялось бы подобное требование.

---

[1]) П. С. З., № 16187, пункты 2, 5, 6, 8—13.
[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 237.
[3]) Там же, IV, стр. 247, 296, 304, 359, 383.

Вторым личным правом дворянства признана была свобода от телесных наказаний [1]). Еще при Петре Великом это право не признавалось. Но при его преемниках жизненная практика подготовляла его реальное осуществление. Так, известная „мучительница и душегубица“ Салтычиха, замучившая до двухсот крепостных в царствование Елизаветы, не была подвергнута пытке [2]). И в дворянских наказах в Комиссию 1767 года встречается требование освободить дворян от телесных наказаний: это читаем, напр., в наказе епифанского дворянства [3]).

Служебные привилегии дворянства являлись, по грамоте 1785 г., третьим сословным личным правом дворянства. Они формулированы были конкретно в постановлении, гласящем: с дворянами, служащими в солдатах, „поступать во всех штрафах так, как по нашим военным правилам поступается с обер-офицерскими чинами“ [4]). Таким образом, и дворянин—рядовой солдат имел некоторые офицерские привилегии, чем как бы подчеркивалось, что естественное положение дворянина—офицерское. И служебные преимущества дворянства действительно создавались жизнью. Всего важнее здесь было учреждение в 1731 г. шляхетского кадетского корпуса в Петербурге—учебного заведения сословного, дворянского, по окончании которого молодые дворяне получали право поступать прямо в офицеры или в соответственные чины гражданской службы [5]). Ряд дворянских наказов также отстаивал преимущества дворянства по государственной службе [6]).

Наконец, в виде четвертого личного права дворянства, естественно вытекающего из нового, свободного положения дворянства, за ним признана была свобода от личных податей, и прежде, впрочем, существовавшая, и помещичьи дома в деревенских имениях объявлены были свободными от военного постоя [7]).

---

[1]) П. С. З., № 16187, п. 15.

[2]) *Романович-Славатинский*, Дворянство в России, стр. 232.

[3]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VIII, стр. 449.

[4]) П. С. З., № 16187, п. 16.

[5]) *Романович-Славятинский*, Дворянство в России, стр. 173.

[6]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 302; т. VIII, стр. 449; .. XIV, стр. 275, 346.

[7]) П. С. З., № 16187, пункты 35 и 36.

Целый ряд постановлений Жалованной грамоты 1785 г. трактует об имущественных правах дворянства. В этом отношении грамота признает за дворянством право приобретать имения, дарить, завещать, отдавать в приданое и на прожиток, передавать и продавать благоприобретенные имения, имениями же наследственными (родовыми) распоряжаться по законам; имения наследственные даже при осуждении собственника за преступление должны передаваться законным наследникам; за дворянами признано право покупать деревни (т.-е., очевидно, и крепостных крестьян), право продавать оптом, „что у них в деревнях родится или рукоделием производится", право иметь фабрики и заводы по деревням, заводить в своих вотчинах местечки и в них торги и ярмарки, иметь, строить и покупать дома в городах „и в оных иметь рукоделие", право „оптом продавать или из указных гаваней за моря отпускать товар, какой у кого родится или на основании законов выделан будет"; подтверждается, наконец, право собственности на недра земли, воды и леса, установленное законами 1782 года [1]).

И эти имущественные права дворянства были подготовлены жизнью, законодательством и требованиями дворян в XVIII веке.

Упрочению дворянского землевладения, полному обеспечению недвижимых имений за дворянством, содействовал указ императрицы Анны 17 марта 1731 года, отменивший петровский указ о единонаследии в той его части, которая стесняла дворянские имущественные права. Указ о единонаследии, как известно, слил поместья и вотчины в один вид дворянской недвижимой собственности, т.-е. безвозмездно передал дворянству огромное пространство государственной земли, но он стеснил дворянство в распоряжении землей, предписав передавать ее по наследству только одному наследнику и выразил даже пожелание, чтобы дворянская земля и продавалась в другие дворянские же руки только в случае крайней необходимости. Жизнь оправдала этот указ в смысле слияния поместий с вотчинами, так как неотчуждаемость поместий, невозможность их продать

---

[1]) Там же, пункты 22, 23, 26—30, 32, 33.

и заложить, превратить в деньги, противоречила условиям торгово-капиталистического хозяйства. Но единонаследие и тем более стеснение продажи земли вызвали противодействие: стеснение продажи совсем не привилось: всегда можно было доказать необходимость продажи; а единонаследие обыкновенно фактически обходилось: наследодатели завещали единому наследнику только одну голую землю, а всю движимость, в том числе и живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь—скот и орудия,—передавали по наследству другим сыновьям и тем фактически вынуждали единого наследника делиться доходами со своими братьями. Указ 17 марта 1731 г., подтвердив слияние поместий и вотчин в единый вид дворянской населенной крепостными крестьянами земельной собственности, разрешил делить эту собственность между всеми наследниками поровну, уничтожил все стеснения в наследовании и вообще в распоряжении дворянской землей [1]).

Затем дважды—в 1754 г. и в 1766 г.—изданы были указы о генеральном межевании, приведшие к точному определению границ дворянских земельных владений. Остатки старого, неупорядоченного владения землей,—вольного, захватного землепользования—были этим уничтожены. Относительно Слободской, напр., Украины это прямо засвидетельствовано было в Комиссии 1767 г. депутатом крымского дворянства Похвисневым [2]). Из записок Болотова также видно, какое огромное значение для дворянского землевладения имело генеральное межевание [3]).

Как широко подготовлены были жизнью другие имущественные права дворянства,—право оптовой торговли, заведения фабрик, распространения кустарных промыслов и широкого сбыта кустарных изделий,—это видно особенно из наказов депутатам в Комиссию 1767 г. и из заявлений и речей этих депутатов. Правда, наказ шуйского дворянства стоял на совершенно старой почве, провозглашая необходимость "фабрики дворянам запретить, а купцам

---

[1]) П. С. З., № 5653.
[2]) Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ, т. VIII, стр. 297.
[3]) Жизнь и приключения Андрея Болотова, т. II, 627.

не покупать деревень [1]). Правда, и ярославский дворянский депутат князь Щербатов отстаивал, „чтобы все сословия Российской империи были разделены, и чтобы каждая из них знанием своих прав содействовала общему благополучию“ [2]), но практически наказ того же ярославского дворянства, составленный при ближайшем участии Щербатова, очень широко толковал торговые и промышленные права дворян и зависевших от них крестьян: стоял за дворянскую монополию винокурения, льняных и пеньковых фабрик, оптовой и розничной продажи хлеба, широкое развитие кустарных промыслов и свободную торговлю кустарными изделиями, за поставки и подряды [3]). Еще далее шли другие дворянские наказы и депутатские заявления. Депутат любимского дворянства Толмачев высказывался за свободу всем без разрешения мануфактур-коллегии, а только с ведома ее заводить фабрики и заводы [4]). Одинаковое с этим мнение выражено в наказе серпуховского, тарусского и оболенского дворянства [5]). Свободу дворянской торговли отстаивал наказ дорогобужского дворянства [6]). Вяземское дворянство [7]), а также дворянство смоленское [8]) ратовали за свободу дворян сдавать купцам земли под фабрики и самые фабрики. Наконец, требования полной торговой и промышленной свободы дворянства нашли себе совершенно законченное выражение в наказе псковского дворянства [9]).

Жалованная грамота косвенно утверждала и крепостное право. Подробнее оно было развито другими узаконениями, о которых речь пойдет особо, когда мы будем говорить о крестьянстве.

Корпоративные права дворянства по Жалованной грамоте очень важны и широки. Мы не будем здесь говорить подробно о мере того участия, какое дворян-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 396.
[2]) Там же, IV, стр. 97.
[3]) Там же, IV, стр. 309—311.
[4]) Там же, т. VIII, стр. 36.
[5]) Там же, т. IV, стр. 365.
[6]) Там же, т. XIV, стр. 432.
[7]) Там же, т. XIV, стр. 452.
[8]) Там же, т. XIV, стр. 418.
[9]) Там же, т. XIV, стр. 376, 391.

ство каждой губернии принимало в местном управлении и суде,—об этом речь пойдет особо, когда будет изучаться государственный строй, тем более, что это участие дворянства в управлении и суде было установлено не Жалованной грамотой, а Учреждением о губерниях 1775 года. Здесь уместно только отметить, что дворянству как целому, как корпорации, принадлежало это важное корпоративное право участия в местном суде и управлении. Но не менее важным корпоративным правом дворянства было то сословное самоуправление, которое было ему обеспечено Жалованной грамотой.

Учреждено было в каждой губернии губернское дворянское общество, собиравшееся раз в три года зимой в губернское дворянское собрание [1]). Состав этого общества и собрания был точно определен грамотой. Членом дворянского общества мог быть всякий дворянин, внесенный в родословную книгу [2]). Все члены дворянского общества данной губернии могли присутствовать на дворянском собрании, но не все с одинаковыми правами. Для полноты прав члену дворянского собрания надо обладать рядом условий: во-первых, он должен иметь не менее 25-ти лет от роду; во-вторых, владеть имением с доходом не менее ста рублей в год; в третьих, дослужиться в государственной службе до обер-офицерского чина, хотя бы и быть уже в отставке [3]). Только лицо, обладавшее этими тремя условиями, имело всю полноту прав в собрании. Тот, кто не удовлетворял одному из двух указанных сейчас условий,—первому и третьему, т.-е. или был моложе 25 лет, или не служил, или, служа, не дослужился до обер-офицерского чина,—не имел голоса в собрании ни по каким делам и, сверх того, не обладал ни активным, ни пассивным избирательным правом,—не мог ни выбирать ни быть выбираемым ни в какие должности, хотя присутствовать в собрании и имел право. Тот, кто не удовлетворял только одному второму условию, т.-е. владел имением с доходом ниже ста рублей, имел право голоса в собрании и обладал активным

---

[1]) П. С. З., № 16187, п. 37 и 38.
[2]) Там же, п. 67 и 69.
[3]) Там же, п. 62, 63, 64.

избирательным правом, но пассивного избирательного права, т.-е. права быть выбираемым в разные должности, был лишен [1]). Таким образом, губернское дворянское собрание состояло из трех разрядов лиц: первый составляли полноправные его члены не моложе 25-ти лет, владевшие имением с доходом не меньше ста рублей в год и дослужившиеся до обер-офицерского чина; второй—лица, обладавшие всеми правами, кроме пассивного избирательного права: это те, кому было 25 лет самое меньшее, у кого было имение с доходом ниже ста рублей и кто дослужился до обер-офицерского чина; третий разряд состоял из лиц, не достигших 25 лет и не дослуживишхся до обер-офицерского чина: они имели право присутствовать на собрании, но совершенно без права голоса и без пассивного и активного избирательного права. Анализируя эти условия, следует отметить, во-первых, довольно высокую возрастную норму, что указывает на консерватизм законодателя: очевидно, не хотели открыть дорогу для действий в дворянском собрании молодежи, хотя бы уже и достигшей гражданского совершеннолетия; во-вторых, важна здесь отрыжка старых крепостных, служебно-повинностных традиций: корпоративными правами пользовался только тот, кто выполнил служебные обязанности надлежащим образом, дающим право на получение дворянского достоинства; в третьих, даже и при этих данных принималось во внимание классовое положение сословия; безземельный дворянин вообще в собрании не присутствовал, малоземельный обладал в нем ограниченной правоспособностью, лишен был пассивного избирательного права; полнота сословных корпоративных прав была достоянием дворян определенного классового положения,—средне-и крупно-землевладельческого дворянства. Это—одно из ярких доказательств той первостепенной важности, какую имеет классовая основа сословных отношений и сословного строя общества.

Каково было ведомство, компетенция дворянских собраний? Оно отличалось большой широтой, глубиной и важностью.

---

[1]) Там же, п. 62, 63, 64.

Дворянское собрание обладало прежде всего весьма обширными избирательными правами. Оно обладало, как увидим точнее потом, правом выбора в ряд должностей по суду и управлению [1]). Но, кроме того, ему принадлежал выбор органов дворянского сословного самоуправления. Здесь прежде всего действовало дворянство отдельных уездов губернии, оно выбирало закрытой баллотировкой на три года одного уездного предводителя дворянства и одного депутата [2]). Затем губернское дворянское собрание выбирало из числа уездных предводителей двух кандидатов, из которых один утверждался в качестве губернского предводителя дворянства государевым наместником или правителем, генерал-губернатором или губернатором [3]).

Кроме выборных функций, собрание дворянства имело еще ряд других не менее важных. Главным из них было право делать представления и приносить жалобы через депутатов сенату и верховной власти [4]), причем не оговорены предметы представлений и жалоб, а так как кроме того указано, что дворянское собрание имеет право представлять генерал-губернатору или губернатору „о своих общественных нуждах и пользах“ [5]), т.-е. о делах сословных, то, очевидно, представления и жалобы верховной власти и сенату касались и нужд и вопросов общегосударственных. Этим ярко подчеркивалось правительствующее, господствующее положение землевладельческого дворянства при старом порядке в России. Затем собрание выполняло предложения, делавшиеся генерал-губернатором или губернатором дворянству [6]) и ведало вполне самостоятельно сословные финансы, обладало правом самообложения и расходования средств, полученных самообложением; могло „составить свою казну добровольными складками и употребить ее по общему согласию“ [7]). Дворянское собрание могло исключить из своего состава

---

[1]) П. С. З., № 16187, пункты 41—43.
[2]) Там же, п. 40 и 67.
[3]) Там же, п. 39.
[4]) Там же, п. 48.
[5]) Там же, п. 47.
[6]) Там же, п. 46.
[7]) Там же, п. 54.

дворянина, опороченного судом или „с явным бесчестным пороком, пока не оправдается“ [1]). Дворянское депутатское собрание под председательством губернского предводителя составляло дворянскую родословную книгу губернии, которая читалась в дворянском собрании [2]). Наконец, дворянское собрание считалось юридическим лицом и государственным учреждением и в качестве такового имело дом для собраний, архив, печать, своего секретаря, не было ответственно перед судом и ни в каком случае не подлежало страже [3]).

Высокие и серьезные функции дворянского собрания определяли его отношение к администрации, а также контроль его действий и ответственность. Генерал-губернатор или губернатор, правда, делал предложения для исполнения, разрешал созыв собрания, утверждал одного из двух кандидатов в губернские предводители [4]), но он не был начальником дворянского собрания и, открывая его, затем на нем не присутствовал и не имел права отменять или даже только контролировать его решения. Надзор и контроль ведал губернский стряпчий, да и то ему принадлежало право наблюдать лишь за формальным соблюдением закона, нарушение которого собранием каралось штрафом в 200 р. с отменой незаконного постановления [5]), вмешиваться же в существо дел стряпчий не мог.

Корпоративные права дворянства, установленные Жалованной грамотой 21 апреля 1785 года, имеют своим корнем те дворянские корпорации, которые составлялись еще в XVI веке для организации отбывания дворянством его служебной повинности. Позднее попытки Петра составить дворянские коллегии при губернаторах и воеводах были второй подготовительной ступенью в том же направлении [6]). Участие дворянства в законодательных комиссиях XVIII века имело то же значение. В особен-

---

[1]) Там же, п. 65.
[2]) Там же, п. 67 и 88.
[3]) Там же, п. 50—53, 56, 57.
[4]) Там же, п. 38, 39, 46.
[5]) Там же, п. 49.
[6]) Там, же п. 49.
[7]) *Романович-Славатинский*, Дворянство в России, стр. 403.

ности важно здесь то, что в 1766 г., когда созывалась Комиссия 1767 года, выбраны были предводители дворянства. Насколько назрела к тому времени потребность в дворянском сословном самоуправлении,—видно из того, что многие дворянские наказы содержали в себе требования сохранения предводительской должности, как постоянной и вообще развития корпоративных прав дворянства; это находим, напр., в наказах ростовского, клинского, коломенского, перемышльского и воротынского дворянских обществ [1]) и в заявлении депутата ростовского дворянства Языкова [2]). „Проект прав благородных“, составленный частной комиссией 60-ти годов служил также главным подготовительным моментом всего, что вошло в грамоту 1785 г.

Мы видим таким образом в Жалованной грамоте дворянству развитой и планомерно составленный, а также и исторически подговленный законодательный акт, ясно и определенно устанавливающий правящее положение дворянства в России XVIII века. То было историческое резюме развития дворянства и смены им у власти старого боярства, феодальной аристократии. Дворянство было сословием свободным и правительствующим, правящим, господствующим: вот, что с совершенной непреложностью установлено грамотой 1785 года.

Но вполне установившиеся торгово-капиталистические отношения требовали точной юридической формулировки и положения городского сословия, игравшего важную роль в народном хозяйстве. Отсюда произошла вторая Жалованная грамота—городам, изданная в один день с дворянской,— 21 апреля 1785 года под заглавием „Грамота на права и выгоды городам Российской империи“. Она делится при этом на две части—городовое положение и ремесленный устав.

Грамота городам устанавливает деление городского общества на разряды. Таких разрядов признается шесть: 1) настоящие городские обыватели, т.-е. лица, имеющие в городе дом, строение или землю; фактически сюда принадлежали главным образом дворяне и чиновники,

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. IV, стр. 255, 329, 355, 436.
[2]) Там же, т. XIV, стр. 65.

имевшие городскую недвижимость; 2) гильдейское купечество, причем к первой гильдии принадлежали лица с капиталом от 10-ти до 50-ти тысяч руб., ко второй — от пяти до 10-ти тыс., к третьей от 1.000 до 5.000 р.; 3) цеховые или ремесленники; 4) иногородние и иностранные гости; 5) именитые граждане, к которым причислялись, во-первых, те, кто, „проходя по порядку службы городские и получив уже название степенных, вторично по выборе отправляли службы мещанских заседателей совестного суда или губернского магистрата или бургомистра или городского головы с похвалою", во-вторых, ученые, в третьих, художники (архитекторы, живописцы, скульпторы, „музыкосочинители"), в четвертых, капиталисты, имеющие 50 тыс. руб. и более, в пятых, банкиры с капиталом от 100 до 200 тыс. руб., в шестых, оптовые торговцы, в седьмых, кораблехозяева; можно таким образом сказать, что именитые граждане — это богатейшая буржуазия и интеллигенция; 6) посадские — старожилы, „в городе или поселившиеся или родившиеся", которые к другим разрядам не принадлежат и занимаются в городе промыслом, ремеслом или работой [1]).

Это деление в значительной своей части было подготовлено предшествующей историей посадской общины в России, в частности ее историей в XVIII столетии. Нам уже известно, напр., что гильдии и цехи установлены были при Петре, имея исторические прецеденты в старинных сотнях и слободах. Посадские и иногородние и иностранные гости тоже не были новостью в русской посадской общине. Новыми разрядами были только именитые граждане и настоящие городские обыватели [2]). Откуда они взялись, какими условиями были подготовлены и созданы?

Исследование истории выработки екатерининского городового положения дает в этом отношении такие результаты: здесь повлиял, во-первых, „проект прав среднего рода людей", выработанный специальной комиссией, во-вторых, образец деления, установленного грамо-

---

[1]) П. С. З., № 16188, пункты 63—68.

[2]) *Кизеветтер*, Городовое положение Екатерины II, 1785 г. М. 1909, стр. 337.

той дворянству, в третьих, остзейские и немецкие образцы, в четвертых, наконец, проекты депутата города Нарвы Стральборна и депутата от дворян Бахмутского полка Рашкевича. Этим двум последним прожектерам, как и остзейскому и немецкому городскому праву, принадлежит и идея имущественного ценза—недвижимости в городах, как основы понятия о настоящих городских обывателях [1]).

Но, конечно, это формальное происхождение текста грамоты не решает еще всей проблемы. Несомненно, введение новых разрядов городского общества было подготовлено жизнью: с одной стороны, надо было дать в нем место проживавшему в городах и имевшему городскую недвижимость дворянству и чиновничеству,—отсюда вышли „настоящие городские обыватели",—с другой—необходимо было выделить представителей крупного капитала и в элементах своих зарождавшуюся интеллигенцию. Развитие торгового капитализма во всех этих отношениях сыграло решающую роль.

Жалованная грамота городам формулировала также личные и имущественные права, прежде всего вообще всех городских обывателей, среднего рода людей или мещан, а затем и отдельных разрядов городского общества.

Все городские обыватели прежде всего имели право передавать свое сословное положение по наследству детям и сообщать его жене, если она была низшего происхождения. Затем без суда мещанин не мог быть лишен доброго имени, жизни и имения, причем лишение доброго имени могло последовать лишь за определенные преступления, именно: за нарушение присяги, измену, разбой, воровство, лживые поступки, преступления, влекущие за собой телесные наказания, и за подговор по всем этим преступлениям. Далее, всем городским обывателям принадлежало право неограниченного отчуждения благоприобретенного имения и распоряжения по закону имением наследственным. Они имели также право заниматься ремеслом („заводить станы и рукоделия") без особого разрешения, право получать вознаграждение за личные обиды [2]).

---

[1]) Там же, стр. 282, 286—287, 297, 299.
[2]) П. С. З., № 16188, п. 83—90.

Что касается отдельных разрядов городских обывателей, то прежде всего формулируются личные права гильдейского купечества. Это, во-первых, право записываться в установленный срок в гильдии по капиталу, объявляемому по совести, во-вторых, право при рекрутском наборе или при наряде работников вместо наличного рекрута или работника платить деньгами, в третьих, право вступать в казенные подряды и брать откупа. Сверх того, у каждой гильдии есть свои особенные личные права: только купцы первой и второй гильдии имеют право внешней и внутренней оптовой и розничной торговли, право заводить фабрики и заводы и свободу от телесных наказаний; купцы первой гильдий могут заводить и морские и речные суда, а второй—только речные, купцы третьей гильдии обладают правом лишь мелочного торга, правом иметь мелкие речные суда, трактиры, торговые бани и постоялые дворы [1]).

Цеховые или ремесленники, сохраняя общее право заниматься ремеслом, могли и записываться в гильдии и получать от цеха денежную поддержку при болезни и похороны на цеховой счет при смерти [2]).

Иногородние и иностранные гости имели свободу вероисповедания, могли заводить фабрики и заводы и выехать из города, заплатив долги и трехгодичную городскую подать; там, где их было более 500 семей, они получали особое специальное представительство в органах городского самоуправления и в суде при таможне [3]).

Именитые граждане были свободны от телесного наказания, могли иметь загородные дворы и сады, заводить фабрики, заводы, морские и речные суда, наконец, в известных случаях получали дворянское достоинство: именно, старший внук именитого гражданина, будучи беспорочной жизни, по достижении тридцатилетнего возраста мог просить дворянства, если его отец и дед также отличались беспорочной жизнью [4]).

---

[1]) Там же, п. 92—118.
[2]) Там же, п. 120—122.
[3]) Там же, п. 124—131.
[4]) Там же, п. 132—137.

Наконец, посадские могли иметь в домах, где жили, мелочные лавки с собственными изделиями, держать трактиры, торговые бани, харчевни и постоялые дворы, брать казенные подряды и откупа и торговать плодами и овощами [1]).

В личном положении городских обывателей заметны уже признаки раскрепощения: они все имели в XVIII веке право свободного перехода из города в город, а гильдейское купечество, настоящие городские обыватели и именитые граждане были свободны от подушной подати.

В изложенной разверстке личных и имущественных прав разных разрядов городских обывателей сказалось влияние старого сословного принципа, по которому в смысле занятий каждая группа населения индивидуализировалась, имела известную монополию. Мы уже указывали, когда речь шла о хозяйстве, что в 60-х годах особенно среди купечества этот принцип пользовался признанием очень часто, но что жизнь постепенно уничтожала его значение. Разверстка прав личных и имущественных таким образом вся была исторически подготовлена [2]).

Исторически подготовлены были и зародыши раскрепощения городского сословия. Еще указом Петра Великого 26 ноября 1721 г. купцы, записанные в гильдии, были освобождены от личной рекрутской повинности с обязательством уплачивать в казну по 100 руб. с человека. Этот указ был подтвержден в 1722, 1723 и 1724 годах [3]). 18 декабря 1739 г. в ответ на сообщение сената последовала резолюция кабинет-министров, по которой купечеству позволено вместо денежного платежа взамен личной рекрутской повинности покупать людей и крестьян специально для отдачи вместо себя в рекруты [4]). 3 мая 1783 г. состоялся указ, освобождавший купечество от личной рекрутской повинности и дозволявший ему вместо этого вносить в казну по 500 р. за

---

[1]) Там же, п. 138—144.

[2]) Ср., напр., *Плошинский*, Городское или среднее состояние русского народа, Спб. 1852, стр. 169—205.

[3]) П. С. З., №№ 3056, 3983, 3996, 4312, 4550, 4587.

[4]) *Плошинский*, Городское или среднее сост., стр. 200.

каждого рекрута [1]). Наконец, манифестом 17 марта 1775 г. купечество было освобождено от подушной подати [2]).

Освободительные начала, проникшие в городовое положение Екатерины II и вообще сравнительно более обеспеченное правовое положение городских обывателей по этому положению привели к образованию корпоративных прав городского общества. Городское общество признано было юридическим лицом, имевшим собственные герб и печать [3]), права собственности, право самообложения и определенных доходов и свободного распоряжения получаемых этими путями сумм.

Права собственности формулированы были в Жалованной грамоте городам следующим образом: городское общество имеет право владеть землями, садами, полями, пастбищами, лугами, рыбными ловлями, лесами, мельницами и пустыми местами; оно также имело право заводить харчевни, корчмы и трактиры, иметь гостиный двор и лавки, дом для собрания городского общества; выморочные имущества мещан поступали также в собственность городского общества [4]).

Доходы городского общества слагались из сумм, получаемых путем самообложения, из доходов с городской недвижимости и доли в государственных доходах: там, где были таможни город получал 2% пошлин с провозных товаров и 1% с вывозных; где была казенная продажа питей,—1% с дохода от нее шел городу; сверх того, в городскую казну поступали штрафные деньги от купцов и мещан, только им дано было специальное назначение: они поступали на расходы приказа общественного призрения [5]).

Осуществлять корпоративные права городского общества должны были городские учреждения.

Первое из них—собрание городского общества. Постановления Жалованной грамоты городам о собрании городского общества представляют собою повторение

---

[1]) П. С. З., № 15721.
[2]) Там же, № 14275.
[3]) Там же, № 16188, п. 40.
[4]) Там же, № 16188, п. 2, 18—20.
[5] Там же, № 16188, п. 146, 147, 150.

постановлений Жалованной грамоты дворянству о дворянском собрании с соответствующими изменениями. Городское общество должно собираться, как и дворянское, раз в три года зимой. Членами городского общества были все городские обыватели, но пассивным избирательным правом пользовались только те из них, которые достигли 25 лет и имеют доход не ниже 50 р. в год; только эти же мещане имели и право голоса в собрании, остальные могли присутствовать, но без права голоса и без права быть избираемыми в какие-либо должности [1]). В литературе поэтому высказано мнение, что полноправными членами собрания городского общества фактически были только более богатые городские обыватели,—именно, крупная буржуазия из числа именитых граждан и купцы первых двух гильдий [2]). Предположение это опирается в сущности только на практику остзейских провинций и на соображение, что 50 р. составляли 1% с капитала. Но это последнее соображение ни на чем не основано, а первое—остзейская практика—имеет лишь местное значение и не может быть расширено на всю Россию. 50 рублей годового дохода—на самом деле небольшая сумма, и очень многие городские обыватели, не принадлежавшие к числу именитых граждан и купцов 1-й и 2-й гильдии, могли его иметь. При всем том несомненны, как консерватизм законодателя, устранившего от активной роли молодежь, хотя бы и совершеннолетнюю, так и стремление лишить действительного влияния городскую бедноту.

Собрание городского общества, опять-таки как и дворянское собрание, имело выборные функции—выбирало разных должностных лиц по сословному суду на основании Учреждения о губерниях, а также городского голову, старост и депутатов для ведения городской обывательской книги [3]).

Кроме выборов, собрание городского общества ведало и другие дела: оно выслушивало и исполняло предложения генерал-губернатора или губернатора, предста-

---

[1]) Там же, пп. 30, 49, 50.
[2]) *Кизеветтер*, Город. полож. Ек. II, стр. 348.
[3]) П. С. З., № 16188, пп. 31—34, 54.

вляло губернатору о своих общественных нуждах и пользах, устанавливало самообложение и расходовало собранные суммы, слушало чтение городской обывательской книги и могло исключать из состава городского общества лиц, опороченных судом или „с явным и доверие нарушающим пороком“ [1]).

Рассматривая ведомство собрания городского общества, необходимо констатировать, что оно было гораздо более узким, чем ведомство дворянского собрания: особенно важно здесь то, что собрание городского общества не имело права заявлений и жалоб сенату и верховной власти по общегосударственным вопросам. Городское сословие не имело того правительственного, господствующего значения, каким отличалось землевладельческое дворянство.

Тем не менее собрание городского общества, за указанным сейчас первостепенно важным исключением, занимало в отношении администрации, контроля, надзора и ответственности такое же положение, как и дворянское собрание. Генерал-губернатор или губернатор делал ему предложения для исполнения, разрешал созыв собрания, но контроль и надзор ведал не он, а губернский стряпчий, наблюдавший только за формальным соблюдением закона, нарушение которого собранием каралось штрафом в 200 р. с отменой незаконного постановления [2]).

Во всех постановлениях городской грамоты, касающихся собрания городского общества, ни слова не сказано о председателе собрания, способе подачи голосов и проч. Поэтому полагают [3]), что в этих отношениях действовал обряд выборов в Комиссию 1767 г.; голоса поэтому подавались поголовно, а не посословно, а председательствовал городской голова.

Но, кроме собрания городского общества, было еще два других собрания—городская общая дума и городская шестигласная дума.

Городская общая дума состояла из городского головы и гласных—по одному голосу от каждого из шести раз-

---

[1]) Там же, пп. 36, 52.

[2]) Там же, п. 37.

[3]) *Дитятин*, Устройство и управление городов России, т. I, Спб 1875, стр. 432.

рядов городского населения, т.-е. от настоящих городских обывателей, гильдий, цехов, иногородних и иностранных гостей, именитых граждан и посадских [1]); значит, голоса подавались по группам, но это не значит, что каждая группа представлена была в городской общей думе одним гласным. Напротив, от каждой группы выбиралось несколько гласных: настоящие городские обыватели и посадские выбирали по одному гласному в каждой части города, каждая из гильдий по одному, по одному же каждый цех, каждый народ из иногородних и иностранных гостей и каждая из семи групп именитых граждан. Все гласные выбирались на три года [2]). Очевидно, таким образом, что гласные городской общей думы выбирались не собранием городского общества, а особыми собраниями отдельных групп городского населения в порядке, сейчас указанном [3]).

Ведомство городской общей думы состояло, во-первых, в выборе гласных шестигласной думы из своей среды, во-вторых, в удовлетворении разных потребностей городского населения: в заботе о его прокормлении, охране города от ссор и тяжб с соседними городами и селениями, в охране порядка, тишины и благочиния, в наблюдении за добросовестностью торговли и прочностью публичных зданий, в устройстве пристаней, площадей, амбаров и магазинов, в заботе об увеличении доходов и об учреждениях медицинских и школьных, подведомственных приказу общественного призрения, в разрешении сомнений и недоумений по ремеслам и гильдиям и в охране ремесленного положения от нарушений. На постановления городской общей думы можно было жаловаться в губернский магистрат [4]).

Теми же самыми словами Жалованная грамота городам определяет и ведомство городской шестигласной думы, состоящей из городского головы и шести гласных—по одному от каждого разряда городских обывателей, выбираемых городской общей думой [5]). Спраши-

---

[1]) П. С. З., № 16188, п. 157.
[2]) Там же, п.п. 158—163.
[3]) *Кизеветтер*, Город. Пол. Ек. II, стр. 349.
[4]) П. С. З., № 16188, п. п. 164, 166.
[5]) Там же, п.п. 164, 166.

вается: как же распределялись между общей и шестигласной думами эти одинаковые функции? Можно ли считать общую думу распорядительным учреждением, а шестигласную — исполнительным, предполагать между ними те же отношения, какие позднее были между городскими думами и городскими управами?

Повидимому, эта идея не была чужда законодателю, но практика определяла взаимоотношения обеих дум не всегда согласно с нею.

Уже давно высказано мнение, что в компетенции общей думы единственно реальным был выбор гласных шестигласной думы, все же остальное на деле вершилось шестигласной думой [1]). Оно, однако, опровергается новейшими исследованиями. Оказывается, что и общая дума обсуждала вопросы городского управления и хозяйства, хотя она контролировала деятельность шестигласной думы большею частью задним числом и за целый год разом. Фактически создавалось все-таки такое положение, что шестигласная дума была не исполнительным органом при общей думе, а более тесным и непрерывно действующим советом, направляемым общей думой, но в текущих обычных делах вполне ее заменяющим. Иногда шестигласная дума даже игнорировала общую и занимала по отношению к гласным общей думы начальственное положение, требуя от них помощи по городскому хозяйству [2]).

Обращает также на себя внимание вопрос о взаимоотношениях дум, с одной стороны, и городского и губернского магистратов—с другой. Как мы в свое время увидим, по Учреждению о губерниях 1775 года городской и губернский магистраты были учреждениями судебными. Но грамота 1785 года дает им ряд функций по городскому хозяйству и управлению: они заведуют еженедельными торгами, ведают по торгу и промыслу иногородних торговцев и промышленников, заставляют их платить долги при отъезде, ведут книгу с описанием домов и земель в городе для выдачи справок покупателям и нанимателям, учреждают цехи, утверждают цеховых стар-

---

[1]) *Дитятин*, Устройство и упр. городов, I, стр. 445.
[2]) *Кизеветтер*, Гор. Пол. Ек. II, стр. 367—379.

шин, их товарищей и ремесленного голову, ведают вес, меру и пробы, взыскивают пени с ремесленников, следят за деятельностью цехового управления [1]). Понятно, что в результате оказывалась на практике большая путаница и происходили постоянные столкновения магистратов с думами [2]). Откуда же произошло такое запутанное положение?

По этому поводу высказаны в литературе мнения, которые требуют еще дальнейшей поверки и разработки. Одни исследователи думают, что сотрудникам Екатерины, главным образом князю Вяземскому, свойственно было желание восстановить административные функции магистратов [3]). Другие объясняют дело тем, что грамота городам вырабатывалась еще до Учреждения о губерниях, когда не было еще мысли сделать магистраты судебными учреждениями, да и составители ремесленного положения имели под руками регламент и инструкции Петра Великого, которыми цехи подчинялись магистратам [4]).

В отношении к общей администрации — генерал-губернатору, губернатору, губернскому правлению—городские думы в действительности на практике занимали не самостоятельное, а совершенно подчиненное положение: думы лишены были возможности принимать какие бы то ни было самостоятельные решения, на деле имели только совещательный голос по городскому хозяйству, ни один расход не могли произвести без разрешения губернской власти, на все требовалось утверждение губернатора [5]).

Слабые, несамостоятельные по ведомству, городские думы, как мы видели, и по составу представляли не все городское население в целом, а отдельные его разряды. Какие же из этих разрядов фактически в них преобладали?

Ответ на этот вопрос получается на основании относящегося сюда материала, совершенно определенный:

---

1) Там же, стр. 395—396.
2) Там же, стр. 404.
3) Там же, стр. 397.
4) *Дитятин,* Устр. и упр. городов, I, стр. 457.
5) *Кизеветтер,* Гор. Пол. Ек. II, стр. 407, 432, 439.

думы были главным образом выразителями интересов городских купцов и ремесленников; так, в городских общих думах Петербурга и Москвы в 1786 г. купцы и ремесленники составляли от 60-ти до 77% [1]).

Основные черты корпоративной организации городского населения по Жалованной грамоте городам были вполне подготовлены той эволюцией, какую переживало городское общество в России XVIII века.

Так, посадский сход XVIII века был предшественником и собрания городского общества и городской общей думы. Он состоял не из выборных людей, а из всех городских обывателей, и в ведомство его входили регулирование состава городского общества, ведение городского хозяйства, выборы должностных лиц и поверка их деятельности, представление властям о местных пользах и нуждах [2]). По всем делам сходы подчинялись магистратам и администрации [3]). Преобладание богатого купечества и тогда было несомненным; в 1731 г. по специальному именному указу предписано было выбирать в бургомистры только из первостатейных и среднестатейных [4]); и хотя на сходах первостатейные составляли обычно 10 — 20% всего числа присутствующих, но фактически они руководили всем делом, приводя на сходы группы своих сторонников из малоимущей массы, от них экономически зависевших [5]). В жизни задолго до Жалованной грамоты установился обычай при выборах разделяться на группы по сословному положению [6]).

Чтобы закончить рассмотрение городского устройства по Жалованной грамоте городам 1785 г., нам остается еще остановиться на самоуправлении отдельных групп городского населения. Такое самоуправление свойственно было гильдейскому купечеству и ремесленникам.

Что касается гильдий и их управления, то Жалованная грамота сюда не внесла ничего нового. Здесь, по-

---

1) Там же, стр, 354, 356.
2) *Кизеветтер,* Посадск. община в России XVIII ст., стр. 644, 648.
3) Там же, стр. 656.
4) Там же, стр. 665.
5) Там же, стр. 775, 779.
6) Там же, стр. 683.

видимому, действовала „Инструкция московского купечества старшинам и старостам“, изданная в 1742 г. в царствование Елизаветы. По этой инструкции в каждой гильдии избирались старшина, староста и товарищ на один год, причем старшины 2-й и 3-й гильдии подчинились старшине первой гильдии, а старосты с товарищами каждой гильдии подчинены были соответствующему старшине [1]).

Жалованная грамота городам подробно разработала вопрос об организации ремесленников в особом отделе, носящем название „Ремесленное положение“. По этому Положению, цеховое или ремесленное общество состоит из ремесленников, которые делятся на цехи, причем для образования самостоятельного цеха необходимо, чтобы в городе было не менее пяти мастеров данного ремесла. В составе цеха главную роль играют мастера, хозяева ремесленных мастерских. Они имеют подмастерьев и учеников, могут их принимать и удалять от себя при наличии законного к тому повода и должны содержать их по договору. Как хозяева, они имеют право наказывать подмастерьев и учеников, но должны обращаться с ними справедливо и кротко, не требовать от них излишней работы, платить подмастерьям аккуратно и кормить их и учеников хорошо. Подмастерье за три года усердной работы у мастера имеет право получить от него соответствующее свидетельство и по представлении работы, одобренной комиссией из мастеров, может по достижении 24-летнего возраста получить звание мастера. Подмастерье не может уходить от мастера до срока найма, не имеет права ночевать вне дома без разрешения мастера, обязан повиноваться мастеру, не должен обижать учеников и сманивать их в трактиры. Ученики получают звание подмастерья по истечении срока работы от 3-х до 5-ти лет [2]).

Во главе цехового управления поставлен был ремесленный голова, избиравшийся на один год всеми ремесленными управами и утверждавшийся городовым магистратом. Ему подчинены были во всем, касающемся

---

[1]) *Дитятин*, Устр. и упр. городов, I, стр. 493.
[2]) П. С. З., № 16188, п. 123.

Ремесленного положения, управские старшины и их товарищи, подмастерские выборный и его товарищи. Он решал и примирял ссоры между управами разных ремесл и приводил к присяге членов цеховых управ. Без разрешения ремесленного головы нельзя было никого исключить из цеха [1]). Во главе каждого отдельного цеха стоял управский старшина и его два товарища, выбиравшиеся на год собранием ремесленников данного ремесла и утверждавшиеся магистратом. Как ремесленный голова, так и управские старшины заседали в городской думе на управной старшинской лавке и делали предложения, касающиеся ремесленных нужд. Старшины с товарищами следили за выполнением Ремесленного положения, наблюдали за порядком между ремесленниками и судили по делам, касающимся ремесла, ценностью не свыше 25 р. под апелляциею магистрата. Они также вели все финансовые, денежные дела данного цеха, находясь под контролем схода. Отслужившие свой срок старшины и товарищи попеременно в течение четырех месяцев каждый следили за порядком в подмастерской управе [2]).

Распорядительная власть в цехах принадлежала ремесленному сходу, собиравшемуся раз в четыре месяца. На сходе устанавливались на год размеры штрафов за отказ от цеховой службы, нарушение порядка на сходе, подкуп, подпаиванье и проч. и срок заключения в смирительном доме после троекратного наказания штрафом за эти проступки. Сход определял также годовой взнос ремесленников в ремесленную казну, разрешал производство расходов и выбирал старширу и его товарищей [3]).

В каждом цехе существовала также подмастерская управа, состоявшая из выборного и двух поверенных, выбиравшихся на собрании подмастерьев каждого ремесла и утверждавшихся ремесленной управой. Эта подмастерская управа делала заявления ремесленной управе во всех ремесленных делах, касающихся подмастерьев и

---

[1]) Там же, п. 123.
[2]) Там же, п. 123.
[3]) Там же, п. 123.

учеников, ведала финансы и судила по ремесленным делам подмастерьев и учеников. Во всех своих действиях она подчинена была надзору прошлогодних управных старшин с товарищами данного цеха [1]).

Это развитое законодательство о цехах отвечало отчасти и русским ремесленным традициями, и потому, особенно в отношении ремесленного головы, было оригинально, отчасти не явилось результатом довольно самостоятельной и своеобразной переделки и применения к русским условиям постановлений остзейских, шведского и прусского ремесленных уставов. Оно носит на себе печать тех ослабленных сравнительно с эпохой феодализма цеховых порядков, которые отличали организацию ремесла именно в эпоху торгового капитализма.

Третьим сословием русского общества в XVIII веке было крепостное крестьянство. XVIII век был временем, когда крепостное право в России достигло своего высшего развития. Некоторые освободительные тенденции, находившие себе выражение в Комиссии 1767 г. и отчасти также в деятельности Вольного Экономического Общества так и остались без приложения к жизни, и о них поэтому удобнее говорить в отделе о духовной культуре, чем об устройстве общества. Здесь остается только отметить те основные этапы, в которых выразилось это развитие крепостных отношений.

Личные права крестьян подверглись полному уничтожению в законодательстве XVIII в. Окончательно утвердилась и развилась помещичья полиция и юстиция. Правда, по именному указу 18 октября 1770 г., писанному Екатериной II собственноручно, дела о побегах, воровстве, „и подобное“ не подлежали домашнему наказанию, а были подсудны государственным учреждениям [2]), но еще в 1736 г. поставлен был в зависимость от воли помещиков выбор наказания крестьянам за побег [3]), в 1758 г. специально повелено, чтобы „помещики за людьми своими надлежащее смотрение имели, не до

---

[1]) Там же, п. 123.
[2]) П. С. З., № 13516.
[3]) Там же, № 6951.

пуская их до ссор, драк, всякого насилия и своевольств" [1]), и Екатерина сама свидетельствовала, что „землевладельцы делают в своих имениях все, что им заблагорассудится, кроме смертной казни, которая им запрещена [2]). И не чем иным, как именно расширением до крайности вотчинной юстиции и полиции, надо объяснять два глубоко-крепостнических указа 1760 и 1765 годов: по первому из них, имевшему в виду колонизацию Сибири, предлагалось помещикам ссылать крепостных крестьян и крестьянок, виновных в дурном поведении, воровстве и пьянстве, на поселение с зачетом их в рекруты, при непременном условии их работоспособности и возраста не старше 45 лет, причем не разрешалось разлучать мужей с женами, но детей с родителями можно было разлучить [3]); второй указ шел еще дальше,—допускал, чтобы помещики отдавали в каторжную работу своих крепостных, „по продерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание", на срок, зависящий всецело от усмотрения помещиков [4]). При Петре Великом, по указу 7 марта 1721 г., разрешалось еще крестьянам поступать в военную службу, но при Елизавете указом 2 июня 1742 г. это право было окончательно у крестьян отнято [5]).

Так постепенно аннулировались личные права крестьян, и пресекался всякий выход из крепостного состояния. В то же время уничтожались и их имущественные права. 25 октября 1730 г. запрещено было крепостным крестьянам и монастырским слугам покупать и брать в заклад „вотчины, дворы, лавки, погреба, людей и крестьян"; те из них, кто имеет эту собственность, должны были продать ее тем, кто ею владеть имеет право, в полугодичный срок под страхом конфискации [6]). Регламент каммер-коллегии 1731 г. лишил крестьян права брать подряды и откупа [7]). 12 марта 1734 г. кре-

---

[1]) Там же, № 10832.

[2]) *Флоровский*, Из истории екатерининской законодательной Комиссии 1767 г., Одесса, 1910, стр. V.

[3]) П. С. З., № 11166.

[4]) Там же, № 12811.

[5]) Там же, № 8577.

[6]) Там же, № 5633.

[7]) *Беляев*, Крестьяне на Руси, стр. 279—280.

стьянам было запрещено заводить суконные фабрики [1]). Указом 18 декабря 1739 г. отнято было у них право покупать людей в услужение и для поставки вместо себя в рекруты [2]). 14 февраля 1761 г. крестьянам было запрещено обязываться векселями и вступать в поручительство; только с разрешения владельцев им дозволялось занимать деньги под заемные письма, выданные от имени владельцев [3]).

Может быть, самым выразительным свидетельством о полном господстве крепостного права является сенатский указ 22 августа 1767 года, который, ссылаясь на „разглашения злонамеренных людей, рассевающих вымышленные ими слухи о перемене законов“ и на происходящие отсюда обращения крестьян с жалобами на помещиков на имя самой императрицы, предписывал крестьянам „подобным сему ложным разглашениям ни под каким видом не верить“, „иметь к помещикам своим должное повиновение и беспрекословное во всем послушание“ и не подавать на помещиков челобитных вообще, а особенно в собственные руки императрицы под страхом наказания кнутом и ссылки в вечную работу в Нерчинск [4]). Путь для жалоб властям для крепостных крестьян был окончательно закрыт.

Мало того: круг помещичьего крепостного крестьянства постепенно все расширялся не путем одного естественного прироста крепостного населения, а посредством пожалования государственных земель и крестьян в частную собственность дворян, а также посредством распространения крепостного права на Малороссию и Новороссию в 1783 и 1786 годах [5]) и, наконец, путем приписки к крепостному состоянию старых вольных гулящих людей [6]) и излишних церковников [7]).

Единственными остатками свободного сельского населения в XVIII веке оказались таким образом половники

---

[1]) Там же, стр. 280.
[2]) Там же, стр. 281.
[3]) П. С. З., № 11204.
[4]) Там же, № 12966.
[5]) Там же, №№ 15724 и 17638.
[6]) Там же, № 5441.
[7]) Там же, № 9977.

на севере, во многом, однако, как мы видели, приближавшиеся по своему положению к крепостному крестьянству, и однодворцы на юге—состояние переходное от тяглого к служилому, пополнявшее собою низы дворянства.

Результатом всего этого были крестьянские волнения, не раз повторявшиеся во второй и третьей четвертях XVIII века и вылившиеся, наконец, в колоссальный бунт Пугачева. В исторической литературе хорошо выяснено, в какой тесной связи пугачевщина стояла с развитием крепостного права и хозяйства земледельческой России, а также на Урале, где фактически закрепощалось „приписное" к заводам горнозаводское рабочее население [1]). Но эта крепостная обстановка была почвой, материалом, на котором мог разгореться пожар, а начался он на казацком Яике и возник там из противоречия интересов казацкой старшины и рядового казачества: старшина фактически взяла на откуп рыбные ловли и соляные промысла и эксплоатировала казацкую массу [2]). Прежней казацкой вольности как не бывало: нельзя было вольно, свободно пользоваться землей, исчезли и те прелести первоначальной вольной демократии, которые связаны с представлениями крестьянства о золотом веке в далеком прошлом и выражались в казацком устройстве. Старшина опиралась на дворянскую государственность, которая присылала своих специальных военных комиссаров—генералов для разрешения распрей старшины с казачеством, причем, само собой разумеется, эти комиссары были в подавляющем большинстве случаев на старшинской стороне и пытались, кроме того, часть казацкого войска перевести в рекруты для превращения в регулярную армию [3]). Возмущение яицких казаков, вызванное всем этим было подавлено жестокими мерами, но искры мятежа были разбросаны по заволжским и оренбургским степям, куда разбежались наиболее активные элементы из бунтовавшего казачества. Отсюда вы-

---

[1]) *Соловьев*, История России; *Дубровин*, Пугачев и его сообщники; *Семевский*, Крестьяне в царст. Ек. II; *Покровский*, Рус. история

[2]) *Покровский*, Рус. ист., т. IV, стр. 135—136.

[3]) Там же, IV, стр. 136—137.

шел и Пугачев, назвавшийся Петром III по традиции, установившейся уже за несколько лет до него [1]).

Снабженные с уральских заводов хорошей артиллерией и артиллеристами, поддерживаемые живой энергией рабочего заводского населения и башкир [2]), пугачевцы одержали ряд быстрых успехов. Дела их пошли плохо только после того как сначала усмирен был заводский Урал, потом башкиры. Оставшись без настоящих активных сил, Пугачев был разбит, выдан своими сторонниками и казнен. Бунт был прекращен.

Почему дело пугачевцев кончилось неудачей? Сколько бы ни объясняли их успехи и поражения военно-техническими и стратегическими причинами, центр тяжести решения этого вопроса лежит не здесь. Пугачевщина была продолжением разинщины и еще раньше бывшего движения Болотникова в смысле тех положительных идеалов, какие выставлялись восставшими. К чему сводились эти идеалы? Во-первых, к освобождению от крепостного права и крепостного хозяйства путем истребления дворян, купцов и вообще представителей торгового капитализма; во-вторых, в уничтожении всех денежных податей, особенно подушной и рекрутской повинности, в третьих, в установлении вольного пользования землями, рыбными ловлями, соляными озерами и казацкого строя [3]). Другими словами, пугачевцы, как и разинцы и болотниковцы, желали смести дворянскую государственность, крепостное право и торговый капитализм и насадить те хозяйственные, социальные и государственные порядки и отношения, какие существовали на заре русской истории. Повернуть колесо истории назад—совершеннейшая утопия, типичная, однако, для крестьян и казаков. Утопия не может повести к победе, она чревата неизбежным поражением. И это выражается в том, что утописты на деле вынуждаются воспринимать и даже утрироивать те начала, которые составляют душу строя, против которого идет борьба: так и Пугачев, по справедливому указанию Покровского [4]), фактически проводил свое самодержа-

---

[1]) *Дубровин*, Пугачев и его сообщники; *Покровский* Рус. ист.

[2]) *Покровский*, Рус. ист., т. IV, стр. 141—144.

[3]) Там же, IV, стр. 152.

[4]) Там же, IV, стр. 152.

вие, практиковал большие денежные поборы, а рекрутские наборы производил более беспощадно чем дворянская государственность. Утопия таким образом вырождалась естественно в каррикатуру старого порядка. Поражение было при таких условиях совершенно неизбежно.

В результате того сочетания общественных сил, какое получилось в конце XVIII в., получилась первая в России мера, пытавшаяся хоть в какой-либо степени регулировать крепостную барщину,—известный манифест Павла I от 5 апреля 1797 года о трехдневной барщине [1]. Этот манифест правильно оценен в специальной литературе: он не имел практического значения ни при Павле, ни после него; его не применяли ни к дворовым, ни к крестьянам - месячникам; ни сенат, ни суды, ни власти не видели в нем законодательного установления трехдневной барщины, тем более, что и высказано было в нем не приказание, а „как бы пожелание“ [2], притом выраженное попутно, при повелении соблюдать обязательно свободу от барщины лишь в воскресенья: „повелеваем всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских издельев остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их, в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям“ [3], строго говоря, тут даже и пожелания нет, а просто констатируется обычный факт барщинной работы крестьян в течение трех дней в неделю.

---

[1]) П. С. З., № 17909.

[2]) *Клочков*, Манифест 1797 г. о трехдневной барщине: „Сборник статей в честь Платонова“, стр. 144, 147, 170, 172 и сл.

[3]) П. С. З., № 17909.

III.

Верховная власть и высшее управление с 1725 по 1775 год.

Переходя к изучению истории политического строя России XVIII века, приходится на первую очередь выдвинуть одну из частных, но очень важных тем, сюда относящихся,—именно вопрос о верховной власти и высшем управлении. Но то значение, какое имела для высшего управления губернская реформа Екатерины II— Учреждение о губерниях 1775 года,—заставляет пока хронологически ограничить историю верховной власти и высшего управления первыми пятьюдесятью годами изучаемого времени.

В истории верховной власти важное место занимает прежде всего вопрос о ее преемстве. Хорошо известно, каковы относящиеся сюда факты, и как необходимо поставить их в связь с историей высшего управления. По смерти Петра Великого в 1725 г. не осталось завещания, которым, по его установлению, должна была передаваться верховная власть. И сразу выдвинулась роль дворянской по составу гвардии: она, вместе с незнатными сотрудниками Петра, во главе с Меншиковым, возвела на престол вдову Петра Екатерину. Вскоре затем произошли перемены и в высшем управлении. Поводы к этому были личные, мелочные, в лучшем случае групповые, интересы тех подклассов, на которые делилось землевладельческое дворянство, но были здесь и причины административно-технические. Остановимся прежде всего на них.

Правительствующий сенат Петра Великого после его преобразования в 1721—22 годах был учреждением с весьма широкой компетенцией: мы видели, что он тогда стал высшим или верховным учреждением—адми-

нистративным, судебным, контролирующим центральные и областные учреждения и заменяющим монарха в его отсутствие, т.-е. и законодательным. Необходимо было разделить эти разнообразные функции, выделить то, что относится собственно к учреждению, непосредственно содействующему верховной власти в ее функциях, и поручить это особому совету, оставив сенату контроль и надзор за администрацией и положение верховного суда. В этом заключалась административно-техническая причина образования верховного тайного совета и других высших учреждений, явившихся его историческими преемниками [1]).

Но помимо этой административно-технической причины действовала еще борьба интересов отдельных дворянских групп. Противоположность этих интересов сказалась уже при восшествии на престол Екатерины I. Старая знать—князья Голицыны, Долгорукие, Репнины—уже тогда резко отделилась от нового, незнатного, выслужившегося дворянства—Меншикова, Толстого, Апраксина, Головкина, Бутурлина, Остермана. Старая родовитая аристократия имела тогда кандидатом на престол великого князя Петра Алексеевича, внука Петра Великого, а незнатное новое дворянство выдвинуло кандидатуру Екатерины. Екатерина, Меншиков, Толстой сделали все, чтобы склонить гвардию на свою сторону; ей обещано было выдать невыдававшееся $1^1/_2$ года жалованье, специальную награду по 30 р. на человека, и гвардейские офицеры поклялись стоять за Екатерину. Сторонники великого князя Петра не смели поставить его кандидатуру с отстранением Екатерины и предложили компромисс: Петр будет императором, а до совершеннолетия его править будут Екатерина и сенат. Но гвардейские офицеры резко высказались против этого и были поддержаны всей гвардией, явившейся ко дворцу по приказанию командира Семеновского полка Бутурлина [2]). Новое дворянство победило, Екатерина I стала царствующей императрицей.

---

[1]) *Филиппов*, История сената в правление верховного тайного совета и кабинета; *Щеглов*, Государственный совет в России, т. II, в. I, стр. 4 *Алексеев*, Легенда об олигархических тенд., стр. 8.

[2]) *Соловьев*, История России, т. XVIII; *Ключевский*, Курс. р. ист., IV.

Но этим дело не кончилось и не могло кончиться. Старая аристократия желала олигархического правления и тяготилась всевластием Меншикова. Это всевластие не было особенно по душе и новому дворянству, и видный и энергичный его представитель Толстой употребил все усилия для заключения соглашения, для компромиссного решения вопроса. Результатом и было появление нового учреждения—верховного тайного совета. Факты, сюда относящиеся и характеризующие весь описанный процесс сочетания действовавших тогда общественных сил и его результаты, переданы нам французским посланником того времени в Петербурге Кампредоном. По его словам, в последние дни 1725 г. строитель Ладожского канала Миних потребовал 15 тысяч солдат для окончания работ по каналу; за это высказались Толстой и Апраксин, против—Меншиков; в сенате возник спор, который был прекращен Меншиковым, сказавшим, что императрица приказала солдат Миниху не посылать; сенаторы, недовольные поведением Меншикова, хотели прекратить посещение сената; в начале 1726 г. возник слух, что недовольные вельможи хотят возвести на престол великого князя Петра с ограничением его власти, опираясь на украинскую армию, находившуюся под предводительством князя Михаила Михайловича Голицына; тогда Толстой, видя грозящую опасность аристократической реакции, поехал к Меншикову и Апраксину, с одной стороны, и к вождю старой знати князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, с другой, и устроил компромисс, результатом которого в феврале 1726 г. явился верховный тайный совет [1]).

Оффициальный акт об учреждении верховного тайного совета—именной указ 8 февраля 1726 года—мотивирует появление нового высшего учреждения административно-техническими соображениями: главные из сенаторов и без того призывались, „как министры“, для совета о важных делах внешней и внутренней политики и сверх того были заняты заведыванием коллегиями—военной, морской и иностранных дел, почему „за многоделством“ дела и в тайном совете и в сенате шли

---

[1]) *Соловьев*, История России, кн. IV, т. 18-й, стр. 878—879.

медленно. Поэтому и необходим был верховный тайный совет. В состав его введены были шесть членов: князь Меншиков, граф Апраксин, граф Толстой, граф Головкин, князь Голицын, барон Остерман. Скреплять указы исходившие от верховного тайного совета, должен был состоявший при нем Степанов [1]).

Указ 8 февраля 1726 г. заканчивался предписанием верховному тайному совету „сочинить явственное и обстоятельное определение“ о функциях и положении совета для доклада императрице. Во исполнение этого члены совета представили „мнение не в указ о новом учрежденном тайном совете“. Существенное содержание этого „мнения не в указ“ сводилось к следующему: верховный тайный совет—не особая коллегия, а „ее величеству ко облегчению в тяжком ее правительства бремени служит“, состоит под председательством императрицы и в нем даются от ее имени указы; верховному тайному совету подведомственны иностранные дела по донесениям коллегии иностранных дел и все те дела, „которые до ее императорского величества собственного высочайшего решения касаются“; сенат и коллегии „в делах вящшей важности, и о чем уставу и определения не имеется, или которые собственному ее имп. величества решению подлежат“, подают свои мнения в верховный тайный совет; в совете же устанавливаются новые подати и новые учреждения; верховный тайный совет ведает апелляцию на сенат и три первейшие коллегии (военную, морскую и иностранных дел), под страхом смертной казни за неосновательную жалобу; самым важным пунктом „мнения не в указ“ был третий, который гласил: „никаким указам прежде не выходить, пока оные в тайном совете совершенно не состоялись, протоколы не закреплены и ее величеству для всемилостивейшей аппробации прочтены не будут“ [2]). Этот последний пункт, исключавший возможность издания именных указов без верховного тайного совета и тем ограничивавший императорскую власть, не был утвержден императрицей, все прочее ею было одобрено и вошло в силу.

---

[1]) Полное Собр. Зак., № 4830.
[2]) Сборник Имп. Рус. Ист. Общ., т. LV, стр. 93—97.

Согласно тому же „мнению не в указ“ 14 марта 1726 г. был издан указ, объявленный из верховного тайного совета, о переименовании сената из правительствующего в высокий [1]) и 28 марта такой же указ о форме сношений верховного тайного совета с сенатом и коллегиями [2]), а еще 7 марта был издан именной указ о должности сената; по этому указу, сенат обязан, если „такое дело случится, на которое нет ясных указов, или какое новое и весьма важное, которое собственному нашему решению подлежит, о таком доносить нам в верховном тайном совете, представя свое мнение, и требовать резолюции“; сенат должен был также представить на утверждение в верховный тайный совет кандидатов в президенты, вице-президенты и советники коллегий и в губернаторы, вице-губернаторы, обер-коменданты и коменданты; на неправильные действия сенаторов генерал-прокурор или обер-прокурор должен доносить также „нам в верховном тайном совете“ [3]).

17 марта 1726 г. верховный тайный совет был пополнен еще одним членом, Карлом-Фридрихом, герцогом голштинским, мужем Анны Петровны, дочери Петра Великого и Екатерины I [4]). Екатерина хотела противопоставить его Меншикову, и Меншиков, напрасно пытавшийся устранить его кандидатуру в совет [5]), удовлетворился тем, что военная коллегия совету подчинена не была, и по ее делам он, как ее президент, делал доклады лично императрице [6]).

Наконец, 1 января 1727 г. был издан еще один указ учредительного характера, касающийся верховного тайного совета. Он гласил, что „мы сей совет учинили верховным и при боку нашем не для чего иного, только дабы оной в сем тяжком бремени правительства во всех государственных делах верными своими советами и бесстрастным объявлением мнений своих нам споможение и облегчение учинил“; при этом был признан

---

[1]) П. С. З., № 4853.
[2]) Там же, № 4862.
[3]) Там же, № 4847.
[4]) *Соловьев*, История России, кн. IV, т. 18-й, стр. 883.
[5]) Там же, стр. 883.
[6]) Там же, стр. 885.

принцип обсуждения советом всех законодательных дел, но рядом с этим вставлена и оговорка: „разве от нас кому партикулярно и особливо что учинить повелено будет [1]).

Осмысливая весь этот материал, необходимо признать, что верховный тайный совет при Екатерине I не ограничивал юридически императорской власти, вопреки мнению некоторых исследователей [2]), а только представлял эту власть, действуя ее именем [3]). Может быть, и неправилен тот взгляд, что ни одно решение совета не приводилось в исполнение без утверждения императрицы [4]), но во всяком случае важно, кроме приведенных выше текстов, недвусмысленно свидетельствующих о совещательном значении верховного тайного совета при самодержавной императорской власти, что издавались именные указы и без совета [5]) и, с другой стороны, в случае неединогласного мнения членов совета императрице представлялись мнения всех его членов, и меньшинства и большинства, и отдельных лиц, и от нее зависело окончательное решение дела [6]).

Таким образом и фактически верховный тайный совет едва ли ограничивал императорскую власть при Екатерине I. Важно здесь было только то, что верховный тайный совет был действительно учреждением верховным, не подчиненным, и что сенат стал подчиненным учреждением, потерял функции учреждения верховного [7]).

Екатерина I умерла в 1727 году, процарствовав всего два года. Приближение ее смерти снова поставило вопрос о наследовании престола. Было ясно, что трудно, почти невозможно противопоставить с надеждой на успех чью-либо кандидатуру кандидатуре великого князя Петра. Тогда Меншиков выработал и привел

---

[1]) П. С. З., № 4945.

[2]) *Корсаков*, Воцарение императрицы Анны Иоанновны; *Филиппов*, Ист. сената, т. I, стр. 46—47, 50.

[3]) *Коркунов*, Рецензия на книгу Филиппова: „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1895 г., сент., стр. 135.

[4]) *Алексеев*, Легенда об олигарх. тенд., стр. 60—61.

[5]) Там же, стр. 64.

[6]) Там же, стр. 85, 86.

[7]) Там же, стр. 66 и след.

в исполнение новый план. Он, опираясь на закон Петра Великого о наследовании престола по завещанию, составил от имени умирающей императрицы завещание, подписанное за нее ее дочерью Елизаветой и замечательное как первая в XVIII веке попытка установить законную общую норму преемства верховной власти [1]). По этому завещанию наследником объявлялся Петр с его потомством, а в случае смерти его без потомства последовательно цесаревны Анна, Елизавета и сестра Петра великая княгиня Наталья с их потомками. Себя Меншиков обеспечил в завещании Екатерины обязательством Петра жениться на его дочери Марии. Регентство было поручено в том же завещании верховному тайному совету [2]). Воцарение Петра II было одобрено собранием, состоявшим из верховного тайного совета, сената, синода, президентов коллегий и полковников и майоров гвардии [3]).

Юридически верховный тайный совет, став носителем регентской власти, вовсе не сделался учреждением, ограничивающим императорское самодержавие: он, как регент, тоже только представлял верховную власть, а не ограничивал ее. Соответственно его новому положению его решения уже не требовали санкции императора, так как он был несовершеннолетен и должен был, по плану его воспитателя Остермана, только с педагогическими целями, для получения политического воспитания, посещать заседания совета. Изменен был и состав совета: в него вошли обе цесаревны [4]).

Но все это оказалось временным, эфемерным. Почему?

Сначала вследствие самовластия Меншикова, который распоряжался и в совете и помимо совета. Под влиянием Меншикова прекратилось участие в совете цесаревен, потом стал мало посещать совет герцог голштинский [5]). Потом, когда Меншиков был удален и сослан, Долгорукие отступили от олигархических планов

---

[1]) *Ключевский*, Курс русс. ист., IV, стр. 336—337.

[2]) Там же, IV, стр. 336.

[3]) *Соловьев*, Ист. Росс., т. XIX.

[4]) Там же.

[5]) *Алексеев*, Сильные персоны в верх. совете Петра II, М. 1898, стр. 14—15.

и заняли позицию фаворитов, т.-е. встали на позицию нового дворянства; когда класс теряет былое господство, то разлагается и его политическая идеология. Верен старой идеологии остался один князь Д. М. Голицын.

Петр II попытался было сам править, отменить регентство верховного тайного совета [1]), но его не надолго стало на это: фаворитизм Долгоруких отвлек императора-мальчика от государственных дел. Долгорукие провели в совет двоих своих родичей — Василия Лукича и Алексея Григорьевича, объявили дочь последнего невестой императора [2]). Личный фаворитизм — типичное явление русского дворянского самодержавия XVIII века, века „случайных", „припадочных" людей,—одержал победу. Фактически верховный тайный совет ведал все дела как верховное учреждение, но рост его административно-технического значения не сопровождался увеличением его политической роли. Таково было положение, когда в 1730 г. умер от оспы 15-летний император.

План фавора Долгоруких рушился. Они, по крайней мере Алексей Григорьевич, попробовали было пуститься на безнадежную авантюру вроде составления подложного завещания Петра II с передачей престола его невесте, княгине Долгорукой, но скоро потом пошли с повинной к Голицыну, который счел момент удобным для осуществления своей заветной цели — ограничения самодержавия „верховными господами", верховным тайным советом, где теперь, с примирением с ним Долгоруких, преобладала старая аристократия. Первым делом этой аристократии в совете было усиление, укрепление в нем своего преобладания: с этою целью в совет были введены тотчас после смерти Петра II, собственным постановлением совета, еще один Голицын и один Долгорукий. Таким образом верховный тайный совет стал состоять из восьми членов: Головкина, Остермана, двоих Голициных и четверых Долгоруких. В тот же день, 19 января 1730 г., верховный тайный совет обсудил вопрос о замещении престола, и князь Д. М. Голицын, отвергнув завещание Екатерины I, первый высказался

---

[1]) П. С. З., № 5150.
[2]) *Соловьев*, Ист России, т. XIX.

за кандидатуру дочери царя Ивана V Анны, герцогини курляндской [1]). Верховники утвердили эту кандидатуру. Вместе с тем Голицын предложил ограничение ее власти верховным тайным советом, формулированное им в особых „пунктах“ или „кондициях“ следующего содержания: иностранные дела, объявление войны и заключение мира, назначение новых податей, назначение в чины выше полковничьего, на важные должности гражданские, военные и придворные, пожалование земель производится императрицей не иначе, как по решению верховного тайного совета, состоящего из несменяемых восьми лиц; императрица обязывается также не лишать дворян жизни, имения и чести без суда. Неисполнение „кондиций“ должно повлечь за собою лишение Анны престола.

Этот олигархический конституционный проект носит на себе несомненные следы шведского влияния — того ограничительного акта, который проведен был шведским аристократическим сенатом при избрании на престол по смерти Карла XII в 1718 году его сестры Ульрики-Элеоноры [2]).

Выработав „кондиции“, верховники ни слова о них не сказали собранию сената, синода и генералитета, созванному в тот же день 19 января, а доложили этому собранию только о выборе Анны, который и был утвержден этим собранием от имени „всего отечества“. Но слух об ограничении самодержавия верховным тайным советом распространился очень быстро и, по единогласному свидетельству современников,—Феофана Прокоповича, секретаря французского посольства Маньяна, прусского посла Мардефельда и испанского посла де-Лириа, вызвали среди съехавшегося тогда в Москву на предполагавшуюся свадьбу Петра II дворянства большое возбуждение, ряд толков о конституции и негодование сторонников самодержавия, которых было большинство. Ягужинский послал в Митаву предупредить Анну, чтобы она не подписывала кондиций, дворянина П. С. Сума-

---

[1]) *Соловьев*, Ист. Рос., кн. IV, т. 19-й, стр. 1146.

[2]) *Градовский*, Высшее управление в России XVIII в. и генерал-прокуроры; *Корсаков*, Воцарение имп. Анны.

рокова, но Сумароков был там арестован отправленным к Анне с кондициями князем В. Л. Долгоруким, а вслед затем аресту в Москве подвергнут был и сам Ягужинский. Анна подписала условия.

2 февраля созвано было новое собрание верховного тайного совета, сената, синода, генералитета, президентов коллегий и других высших чинов, где объявлены были кондиции и письмо Анны с согласием на них, причем князь Д. М. Голицын предложил благодарить императрицу и подписать протокол собрания. Предложение принято было, однако, холодно и подпись протокола отложена. Князь Черкасский предложил предоставить дворянству право подать проекты необходимых с его точки зрения преобразований. Верховники вынуждены были на это согласиться. Тогда составлено было до 13-ти различных дворянских проектов.

Важнейшим из этих проектов был проект кн. Черкасского, фактически составленный Татищевым и подписанный 4 февраля 288 лицами. Он исходит из положения, что законодательная власть принадлежит только самодержавному государю, почему кондиции верховников неприемлемы, и что самодержавие — единственная форма правления, полезная для России; только на время, пока власть находится в руках женщины, необходимо дать ей благоразумных и искусных советников; для этого надо учредить сенат из 21 члена и „нижнее правительство“ двух составов—полного, из 100 человек, и неполного, из 33 человек; сенат должен ведать составление законов, нижнее правительство в полном составе — важные дела внутренней политики, а в неполном составе — текущие дела внутренней политики; в исключительных случаях собираются и сенат и нижнее правительство; этому же собранию с присоединением генералитета принадлежит право выбора во все военные должности, а с присоединением президентов коллегий — право выбора во все должности гражданские [1]).

Другие проекты в значительной степени вращались в кругу тех же идей и настроений. Определенных и

---

[1]) *Попов*, „Татищев и его время“; *Милюков*, „Из истории русской интеллигенции“; *Алексеев*. „Сильные персоны в в. т. совете Петра II“.

развитых конституционных построений в сущности было мало. Все проекты были насквозь пропитаны сословным дворянским духом и соответственно этому стояли за выборный и исключительно-дворянский состав высшего управления, за участие только дворянства в делах законодательных, за совещательное значение духовенства и купечества в их сословных делах, за льготы дворянства по службе и землевладению, наконец, за облегчение податей для крестьян, т.-е. в сущности платежной ответственности за крепостную податную массу того же дворянства [1]).

Князь Голицын понял, что его олигархический проект ограничения императорской власти верховным тайным советом из восьми лиц с подавляющим преобладанием старой аристократии потерпел крушение. Тогда он переменил тактику: решил предложить свой конституционный проект, заинтересовав его содержанием и широкую дворянскую массу. Напрасно некоторые исследователи отрицают этот факт, ссылаясь на то, что новый проект Голицына—результат мозаичной работы исследователей, составивших целое из отдельных сообщений иностранных дипломатов, причем эти сообщения будто бы являлись просто неверной передачей смутных слухов о кондициях [2]). Это мнение не может быть принято уже по той причине, что после 2 февраля никаких „смутных слухов“ о кондициях быть уже не могло: кондиции стали тогда точно и определенно известными, так как были оглашены в обширном собрании. А между тем иностранные дипломаты сообщают о новых планах Голицына 2, 7, и 17 февраля [3]). Самое большее, что можно признать справедливым в критике того цельного конституционного построения, которое приписывают некоторые исследователи князю Голицыну [4]), — это исключение тех пунктов, о которых дипломаты говорят до 2-го февраля [5]): тогда еще нового проекта Голицын не составлял и составить

---

[1]) См. там же и *Ключевский*, Курс, IV, стр. 364—365.

[2]) *Алексеев*, „Сильные персоны в в. т. совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны“. М. 1898, стр.153, 155.

[3]) „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.“, т. LXXV, стр. 134, 476, 484.

[4]) *Милюков*. „Из истории русской интеллигенции“.

[5]) Напр., де Лирия: *Бартенев*, XVIII в., стр. 34.

не мог,—он лелеял мысль об олигархии верховного тайного совета. Если исключить эти пункты, то вот к чему сводится второй проект кн. Голицына: 1) императрица может лично и бесконтрольно распоряжаться лишь 50-ю тысячами рублей ежегодно, отпускаемыми в ее личное распоряжение [1]); 2) она может начальствовать лично над личной охраной, состоящей из гвардейских частей [2]); 3) в верховном тайном совете императрице принадлежит 2 или 3 голоса [3]); 4) верховный тайный совет ведает иностранные дела, назначения на важные должности и начальствует над военными силами [4]); 5) дворяне за преступления наказываются по закону, но наказание не распространяется на их семейства [5]); 6) для охраны прав других сословий существуют две палаты—палата низшего шляхетства из 200 человек и палата городских представителей—по два от каждого города [6]). Этот план имеет все признаки достоверности и по своему характеру и содержанию: в сущности ведь власть оставалась и тут за знатным дворянством в верховном тайном совете: дело сводилось к тому, что „знатнейшие фамилии правят, а шляхетские представители наравне с купеческими обороняются и обороняют народ от этого правления“ [7]).

Все было, однако, напрасно: в дворянстве властно заговорил классовый интерес, диктовавший необходимость самодержавия. Выразительницей его явилась дворянская гвардия, агитаторами за восстановление самодержавия стали Феофан Прокопович, Остерман; к ним примкнули и князь Черкасский и те, кто шли с ним, Анна, еще остановившись в селе Всесвятском под Москвой, поняла положение и сразу стала нарушать кондиции: она назначила себя подполковником Преображенского гвардейского полка и капитаном кавалергардов. 25 февраля гвардия прямо высказалась за самодержавие, а вслед

---

[1]) Маньян 17 февр., Рондо 2 февр.: „Сб.“, LXXV, стр. 484, 134.
[2]) Маньян 7 февр., Рондо 2 февр.: „Сб.“, LXXV, стр. 476, 134.
[3]) Маньян 7 февр.: „Сб.“, LXXV, стр. 476.
[4]) Маньян 7 февр.: там же.
[5]) Маньян 7 февр.: там же.
[6]) Маньян и Рондо 2 февр.: там же, стр. 468, 134.
[7]) *Ключевский*. „Курс русс. истор.“, IV, стр. 366

затем в тот же день, за обедом у императрицы, 150 дворян подали петицию об уничтожении кондиций и восстановлении самодержавной власти. Тогда Анна велела принести бумагу с подписанными ею „пунктами" и тут же на глазах у всех разорвала ее [1]).

Верховный тайный совет был уничтожен, а сенат восстановлен в положении верховного учреждения, с возвратом ему наименования „правительствующий". Но административно-техническая потребность, бывшая основной причиной появления верховного тайного совета, была слишком настоятельна, чтобы можно было вернуться к старому положению, и потому в 1731 г. в октябре был учрежден и в ноябре объявлен во всеобщее сведение кабинет из трех лиц, — канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана и князя Черкасского. В обоих указах — и об учреждении кабинета [2]), и об объявлении о нем во всеобщее сведение [3]) задача кабинета была определена одинаково: он назначен „для лучшего и порядочнейшего отправления всех государственных дел, к собственному нашему решению подлежащих". Таким образом кабинету было предназначено играть такую же роль верховного учреждения [4]), какая принадлежала верховному тайному совету без того ограничительного значения, какое пытался ему придать в 1730 г. кн. Голицын. В чрезвычайные заседания кабинета часто приглашались сенаторы и другие лица, ведавшие отдельными отраслями управления [5]). В компетенцию кабинета входили, правда, некоторые частные дела императрицы — о присылке императорской обезьяны из Москвы в Петербург, о выписке дискантов и теноров из Малороссии, о присылке персидских тканей, об устройстве конюшен для лошадей неаполитанской породы, о ледяном доме — но эти дела были все же редким исключением [6]). Главное были дела государственные: доклад

---

[1]) *Соловьев.* „Ист. России", т. XIX; *Корсаков.* „Воцарение императрицы Анны Иоанновны"; *Ключевский.* Курс., IV.

[2]) Сборн. Имп. Русск. Ист., т. CIV.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 5871.

[4]) *Филиппов,* Новые данные о кабинете министров: „Русская Мысль" за 1901 г., янв., стр. 6.

[5]) Там же, стр. 7, прим.

[6]) Там же, апрель, стр. 26—28.

и объявление именных указов, иностранные дела, законодательство, назначения и увольнения со службы, контроль учреждений, финансы, военные дела, полиция [1]). С 1735 года значение кабинета увеличивается. В этом году устанавливается, что указ, подписанный тремя кабинет-министрами, равняется именному указу [2]). По позднейшему свидетельству князя Щербатова, дворянство было довольно правительственной деятельностью кабинета [3]).

Но в то же время возникает другая правительственная тенденция, представленная Бироном. О роли Бирона в нашей исторической литературе высказаны разные взгляды — и все они неверны. Одни — большинство — видят причину ненависти, которую русское дворянство XVIII века питало к Бирону и бироновщине, в том, что Бирон был проводником влияния немцев на русскую государственность [4]), другие отрицают эту национальную черту, но не выставляют вместо нее ничего другого [5]), третьи видят влияние иностранной дипломатии, подкупавшей русских сановников и заставлявшей, напр., немцев служить английским интересам [6]). Мы думаем, что есть достаточно оснований утверждать, что Бирон во вторую половину царствования Анны и в свое регентство дал первый в истории русского самодержавия пример понимания его не в смысле служения самодержца интересам дворянства, а в смысле личного самовластия. Еще будучи в Курляндии, он в достаточной мере зарекомендовал себя именно с этой стороны: он был там предан лично герцогам, которые стремились обуздать дворянство [7]). Той же политики чистого самовластия держался он и как герцог курляндский. И в России он хотел вести такую же политическую линию. Волынского, а после него Бестужева он выдвинул в кабинет-ми-

---

[1]) Там же, январь, стр. 18—20.

[2]) *Строев*, Бироновщина и кабинет министров, ч. I я. М., 1909, стр. 151.

[3]) *Валишевский*, Царство женщин. М., 1911, стр. 234.

[4]) См. напр., *Соловьев*. „Ист. России", т. XIX; *Ключевский*. Курс русской истории, IV.

[5]) *Строев*, Бироновщина и кабинет министров.

[6]) *Покровский*, Русская История, т. IV.

[7]) *Строев*, Бироновщина, I, стр. 45.

нистры, чтобы через них вести политику чистого самовластия, наперекор Остерману [1]). В Волынском он ошибся: Волынский оказался сторонником дворянского самодержавия [2]), был связан с такими людьми, участвовавшими в движении 1730 г., как Татищев и Сойманов [3]), которые, составляя и подписывая дворянские проекты, по существу, как мы видели, отстаивали дворянское самодержавие. Обманувшись в Волынском, Бирон без колебаний погубил его: напрасны здесь оправдания, теперь выдвигаемые в пользу Бирона [4]). При Анне Бирон пытался всячески ограничить кабинет. По закону 6 сентября 1740 г. регентство после смерти Анны при малолетнем ее двоюродном внуке Иване Антоновиче, назначенном ею наследовать престол, должно было перейти к Бирону, причем участие в высших государственных делах на-ряду с регентом должен был получить и кабинет [5]). Но фактически Бирон-регент распоряжался самовластно. Не доверяя гвардии, он призвал в Петербург шесть армейских батальонов и 200 драгун [6]). Бирон хотел преобразовать гвардию, лишить ее дворянского состава, рядовых гвардейцев из дворян перевести офицерами в армию, а солдат в гвардию набрать из людей простого происхождения [7]). Это больно ударило бы по дворянским интересам, лишило бы дворянство специальной его военной опоры. С другой стороны, Бирон старался обеспечить себя в финансовом отношении и с этою целью усиленно собирал недоимки. Дело тут было вовсе не в одной жадности, как обыкновенно думают [8]), а в весьма здравом политическом расчете: сильна только та власть, которая материально обеспечена. Но усиленные сборы недоимок ударили ведь не только по крестьянству, но через его посредство и по дворянству. Понятно, как ненавидело дворянство Бирона. И нена-

---

[1]) *Соловьев*, Ист. России, т. XX.
[2]) Там же, кн. IV, стр. 1197.
[3]) *Строев*, Бироновщина, II, стр. 54.
[4]) Там же, II, стр. 46 и след.
[5]) Там же, II, стр. 58.
[6]) *Соловьев*, Ист. России, ч. V, т. XXI, стр. 18.
[7]) Там же, стр. 19.
[8]) *Ключевский*, Курс русск. ист., IV, стр. 380.

висть свою оно выражало в ожесточенной националистической агитации против немцев.

И дворянская гвардия выступила на защиту сословных интересов: сначала она свергла Бирона руками Миниха, причем регентшей сделана была мать Ивана VI Анна Леопольдовна, чего раньше желали гвардейцы [1]). Но это повело фактически только к увеличению власти кабинета, который был при этом разделен на департаменты: в департамент Миниха входили дела, касающиеся сухопутной армии, в департамент Остермана—иностранные дела и флот, а князь Черкасский и граф Головкин ведали внутренние дела [2]). Позднее шведский конституционалист Никита Панин видел в этом делении на департаменты гарантию от фаворитов, „случайных", „припадочных" людей [3]), но именно поэтому такой порядок вызывал недовольство дворянства, и орган этого дворянства—гвардия—произвела новый переворот, возведя на престол в 1741 г. Елизавету. Новое царствование было могилой кабинету. Восстановлен был 12 декабря 1741 г. в прежнем значении сенат, в который назначено 14 сенаторов [4]). Но административно-техническая необходимость особого высшего учреждения, непосредственно участвующего в правительственной деятельности верховной власти, сказалось и при Елизавете в учрежденной конференции сначала только для важных дел внешней политики, а потом, с 1757 г. и для других важных дел [5]).

Елизавете наследовал в 1761 г. ее племянник, сын герцога Голштинского и ее старшей сестры Анны, Петр III. Хорошо известно и бесспорно, что его шестимесячное царствование было второй после бироновщины попыткой установить в России не дворянское самодержавие, а личное самовластие. Это засвидетельствовано и в манифесте Екатерины II 6 июля 1762 г., где „самодержавию" противопоставляется „самовластие",—„зло, которое многим па-

---

[1]) *Соловьев*, Ист. Рос., V, т. XXI, стр. 11—12

[2]) Там же, стр. 19.

[3]) *Строев*, Бироновщина, II, стр. 61.

[4]) П. С. Зак., № 8480.

[5]) *Щеглов*, Государственный Совет в России, т. II, вып. 1, Яросл. 1895, стр. 12.

губным следствиям непосредственно бывает причиною“ и приводит „верных сынов отечества“ (т.-е. дворянство) „в уныние и оскорбление“ [1]).

Переворот, произведенный при помощи гвардии Екатериной II в конце июня 1762 г., потому и увенчался так легко успехом, что он произведен был под лозунгом дворянского самодержавия. Граф Никита Панин при восшествии Екатерины на престол попытался было еще раз создать олигархический ограничительный совет с законодательными функциями, оставив за сенатом значение лишь высшего судебного и наблюдающего за соблюдением законов высшего административного учреждения [2]). Но план Панина не удался, и если некоторые исследователи и предполагают, что совет тогда все-таки возник и действовал как совещательное учреждение [3]), то надо думать, что они ошибаются, принимая за постоянное учреждение временные, периодически созываемые Екатериной совещания. Совет при высочайшем дворе в царствование Екатерины II был учрежден только в связи с первой турецкой войной, 17 января 1769 г. из семи лиц [4]). По наказу, данному этого совету, его ведению подлежали дела иностранной политики, военные и связанные с теми и другими дела внутренние, в частности и финансовые [5]). Этот совет существовал все царствование Екатерины II, и мы можем судить о его деятельности по подлинным документам. Из них видно, что первоначально—с 4 ноября 1768 г.—совет созывали не как оффициально-установленное учреждение в составе девяти лиц с целями военными и финансовыми, поскольку финансы были необходимы для войны [6]). В том же году и особенно позднее, после указа 17 января 1769 г., в компетенцию совета вошла вся иностранная политика [7]). Но уже 19 февраля 1769 г. входят на деле в ведомство совета и внутренние

---

[1]) *Ключевский*, Курс. рус. ист., IV, стр. 456, 457.

[2]) „Русский Архив“ за 1871 г., кн. IX; Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. VII, стр. 202—209.

[3]) *Щеглов*, Гос. Совет в Рос., II, вып. I, стр. 22.

[4]) П. С. З., № 13232.

[5]) Там же, № 13233.

[6]) Архив Государственного Совета, т. I, ч. I, Спб. 1869, столб. 1—2.

[7]) Там же, столб. 5—7, 18—19.

дела—об управлении Малороссией [1]), а 26 февраля 1769 г. совет устанавливает плату за работу крестьянам, приписным к заводам [2]). Позднее дела внутренние естественно стали занимать в деятельности совета более видное место.

Чтобы закончить рассмотрение истории высшего управления России в XVIII веке до 1775 года, остается только еще остановиться на специальных законодательных комиссиях того времени, особенно на екатерининской комиссии 1767 года.

Опыт XVIII века показал, что важные, законодательные меры, напр., кодификация, составление Свода Законов, нового Уложения, не говоря уже о перестройке общества и государства, о глубоких социальных и политических реформах, о которых тогда вопросы почти и не ставились,—не могут быть проведены через обычные законосовещательные учреждения, неспособные их выработать. Именно выработка нового Уложения, необходимость которого сознавалась, привела к образованию особых законодательных комиссий с участием выборных от тех сословий, которые имели в своей природе хоть некоторые элементы свободы.

Первый тому пример был дан при Петре Великом: выработка инструкций магистратом была поручена в 20-х годах XVIII века особо созванному съезду выборных представителей посадского населения [3]). Затем в 1725 г. Екатерина I составила комиссию для выработки проекта нового Уложения, причем в эту комиссию были призваны выборные от некоторых учреждений,—пока еще не от сословий [4]). В 1730 г., при Анне, составлена была новая кодификационная комиссия, и одному из ее отделений велено было поручить собирание указов депутатам из провинций от дворянства, духовенства и купечества, причем компетенция депутатов духовенства и купечества была ограничена указами, непосредственно касающимися нужд одних только этих сословий [5]). В 1740 г. снова

---

[1]) Там же, столб. 20.

[2]) Там же, ч. 2-я, столб. 387.

[3]) *Кизеветтер*, Исторические очерки, М., 1912, стр. 56.

[4]) *Латкин*, Законодательные комиссии в России XVIII в., стр. 42.

[5]) Там же, стр. 56; *Лаппо-Данилевский*, Собрание и свод законов Росс. Имп., составленные в царств. Екатерины II: „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1897 г., март, стр. 139.

предполагали учредить выборную комиссию для той же цели, но проект этот не осуществился [1]). 28 июля 1754 г., при Елизавете, была учреждена комиссия общая и ряд частных комиссий (до 35-ти), образованных по отдельным ведомствам. Эти комиссии работали до 1766 г. и выработали три части Уложения—судную, криминальную и о состоянии подданных вообще [2]), причем в 1761 г. сенат пригласил в общую комиссию выборных от дворянства и купечества [3]).

Весь этот процесс завершился выборами в комиссию 1767 года. По манифесту 14 декабря 1766 г. в эту комиссию должны были быть выбраны депутаты от дворян, городских жителей, однодворцев, пехотных солдат и служилых людей старых служб, государственных черносошных и ясачных крестьян, некочующих инородцев и казачьих войск. Не получили представительства духовенство, так как правительство не желало вызвать протесты против секуляризации церковных земель, помещичьи и экономические крестьяне, как состояния не свободные, и крестьяне приписные к фабрикам и заводам, которые, впрочем, иногда участвовали в выборах как черносошные, а духовенство иногда выбирало среди горожан [4]). Из крестьянского населения России была представлена в комиссии едва одна четверть [5]). Кроме выборных от сословий, в комиссии участвовали губернаторы, приезжавшие из провинций, и представители центральных учреждений. Дворянство было представлено уездное: по одному депутату от каждого уезда. В городах купечество и мещанство с цеховыми составляли одно избирательное собрание, причем выборы были двухстепенные, и право участия в них обусловливалось имущественным цензом — владением домом, занятием ремеслом и промыслом. Города, в которых было менее 50 домов, в комиссию не выбирали. Однодворцы вы-

---

[1]) *Лаппо-Данилевский*, в „Журн. Мин. Нар. Пр." за 1897 г., март, стр. 139.

[2]) Там же, стр. 139—142.

[3]) *Латкин*, Законодат. комиссии, стр. 98.

[4]) *Флоровский*, Состав законодательной комиссии 1767—74 г.г., Одесса, 1915, стр. 55—82.

[5]) *Семеновский*, Крестьяне в царст. Ек. II, I, стр. VII—VIII.

бирали по одному депутату на каждую провинцию. Для сельского населения установлены были трехстепенные выборы; первая степень—в погосте (фактически в волости, стане, селе), вторая—в уезде, третья—в провинции; в конце-концов от них выбирался один депутат на провинцию. От некочующих инородцев было по одному депутату от каждого народа в каждой провинции, где таковые были [1]).

Как отнеслось население к выборам? Процент участия дворян в выборах не превышал 25% всего наличного состава дворянства, причем участвовали в выборах главным образом дворяне-военнослужащие, и выбирались в депутаты главным образом чиновные и сановитые люди из числа крупных землевладельцев [2]). В значительном числе городов выбирало только купечество [3]), но часто участвовали и другие слои городского населения—мало дворяне [4]), больше приказные, посадские и цеховые [5]). В депутаты выбирались также большею частью люди первостатейные [6]). Свыше 85% городских депутатов принадлежали к торгово-промышленному классу [7]). В отдельных случаях было равнодушное отношение к выборам и взгляд на них, как на тяжелую повинность, заставлявший выбирать в депутаты самых ненавистных для местного населения людей [8]).

Если взять численное соотношение между депутатами от разных сословий в сентябре 1767 г., то получится такая картина: дворянство было представлено 154 депутатами, горожане 211-ю, однодворцы 17-ю, служилые люди старых служб 17-ю, черносошные крестьяне 22-мя, а с прибавкой 1 депутата от раскольничьих слобод и 5-ти депутатов от войсковых обывателей Слободской

---

[1]) *Флоровский*, Состав законод. ком., стр. 94, 111, 119—120, 136—147.

[2]) Там же, стр. 267, 273, 310.

[3]) Там же, стр. 338.

[4]) Там же, стр. 343; *Вознесенский*, Городские депутатские наказы в Екатерин. комиссию: „Жур. М. Нар. Пр." за 1909 г., № 11, стр. 102—111.

[5]) *Флоровский*, стр. 343; *Вознесенский*, стр. 113 и след.

[6]) *Флоровский*, Состав зак. ком., стр. 390

[7]) Там же, стр. 421.

[8]) *Кизеветтер*, Историч. очерки

Украины 28-ю, от инородцев было 52 депутата и от казацких войск 46 [1]). Но, конечно, дворянство было представлено сильнее: свыше 5% депутатов от городов были дворяне [2]), представители государственных учреждений все сплошь должны быть причислены также к дворянству.

Давления на выборах со стороны власти в центральной России почти не было, на окраинах, особенно в Малороссии, оно было очень сильно.

Большая комиссия была распущена в 1769 г., частные комиссии в конце 1774 года. Известно, что нового Уложения комиссия 1767 года не составила, но она дала правительству материал для важнейших реформ екатерининского времени—для известных уже нам Жалованных грамот дворянству и городам и для Учреждения о губерниях 1775 года.

Сводя воедино наблюдения и выводы, полученные из исследования истории верховной власти и высших учреждений между 1725 и 1775 годом, мы видим, что и то и другое—и верховная власть и высшее управление за эти 50 лет строились в соответствии с интересами господствовавшего при торговом капитализме землевладельческого дворянства, крупного и среднего; дворянство в лице гвардии распоряжалось преемством престола, оно поддерживало и укрепляло самодержавие, служащее интересам дворянства, и пресекало попытки личного самовластия, делавшееся в изучаемое время два раза; дворянство же строило и новые высшие учреждения, принимавшие участие в непосредственной государственной работе верховной власти.

Так было в центре, в высших сферах; посмотрим теперь, как строилось управление на местах, в области, в провинции.

---

[1]) *Флоровский*, Состав зак. ком., стр. 311, 421, 455—456, 469, 484.
[2]) Там же. стр. 21.

IV.

Областное управление XVIII века.

Нам уже известно [1]; что реформа 1719—21 годов установила в России четыре вида областных делений,— губернии, провинции, уезды и дистрикты, причем иногда уезд и дистрикт совпадали друг с другом,—и что всех губерний тогда было установлено 11. Затем в 1726 году была учреждена 12-я губерния—смоленская [2]. В 1727 г. от петербургской губернии была отделена особая новгородская губерния, причем верховный тайный совет, вводя новую губернию, ясно и отчетливо мотивировал эту меру классовыми интересам и землевладельческого дворянства: он находил, что „тамошним помещикам для своих поместных дел“ ездить в Петербург было тяжело и далеко [3]. Тогда же белгородская провинция сделана была губернией [4]. В 1744 г. были образованы новые две губернии—финляндская (выборгская) и оренбургская [5]. Еще в 1736 г. иркутская провинция в Сибири приобрела значение самостоятельной областной единицы, отдельной от сибирской губернии, а в 1775 г. ей и присвоено название иркутской губернии [6]. В 1764 г., с уничтожением гетманства появилась малороссийская губерния [7], в 1765 г. слободско-украинская и новороссийская [8]. В 1772 г. первый раздел Польши повел

---

[1]) См. том V, стр. 193 и след.

[2]) *Готье*, История областного управления в России от Петра Великого до Екатерины II, М. 1913, стр. 103.

[3]) Там же, стр. 105.

[4]) Там же, стр. 107.

[5]) Там же, стр. 111, 114.

[6]) Там же, стр. 115, 122.

[7]) *Романович-Славатинский*, Исторический очерк губернского управления, Киев, 1859, стр. 43.

[8]) *Готье*, Ист. об. упр. в Рос., стр. 119, 120.

к образованию двух губерний — псковской и могилевской [1]). Наконец, в 1775 г. появилась Азовская губерния [2]). Таким образом, перед изданием Учреждения о губерниях в России было 23 губернии [3]).

Таковы были перемены в высших областных делениях — губерниях. Но этим дело не ограничилось. Еще до реформы 1775 г. подготовлено было новое деление на уезды: в основу уездной территории в 1764 г. положено было количество населения в 30 тысяч человек [4]). В 1766 г. генеральным межеванием введено было деление на станы [5]). С половины 30-х годов стало отмирать деление на дистрикты: земские комиссары 2-го типа, ведавшие подушный сбор в дистриктах, уже с Екатерины I были подчинены воеводам и губернаторам, исполняли только их повеления, а с половины 30-х годов и окладные книги подушного сбора стали составляться не по дистриктам, а по уездам [6]).

Так подготовлялось историей XVIII века областное деление по Учреждению о губерниях 1775 г. Это деление было подготовлено и теоретически в проекте московского генерал-губернатора князя Волконского [7]). В результате по Учреждению о губерниях основными делениями явилась губерния с 300—400 тыс. жителей, уезд или округ с 20—30 тыс. и стан. Всех губерний было 50. Учреждение допускало, в случае нужды, деление губернии на провинции или области [8]).

Умножение числа губерний, уездов, станов отвечало той потребности в увеличении числа должностных лиц по областному управлению, на котором настаивали дворянские депутаты в комиссии 1767 г. [9]), и которое диктовалось необходимостью с дворянской точки зрения

[1]) Там же, стр. 121.

[2]) Там же, стр. 120.

[3]) *Романович-Славатинский*, Ист. оч., стр. 43; Готье (стр. 122) считает 20 губ.

[4]) *Соловьев*, Ист. Рос., том 27-й, М. 1877, стр. 70.

[5]) *Романович-Славатинский*, Ист. оч. губ. упр., стр. 52.

[6]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 424.

[7]) *Григорьев*, Реформа местного управления при Екатерине II, Спб. 1910, стр. 182.

[8]) Учр. о губ., стр. 15.

[9]) *Григорьев*, Реформа мест. упр. при Ек. II, стр. 308

усилить административную власть на местах. Окончательный толчек этому дал несомненно пугачевский бунт [1]): надо было спасать крепостнические устои дворянского общества, сильно потрясенные движением в Поволжье, на Яике и Урале и подвергавшиеся опасности дальнейших потрясений.

Эта основная тенденция сказывается во всех частных постановлениях, во всей организации областного управления по Учреждению о губерниях 1775 года. И вся история областного управления за 50 лет, предшествовавших 1775 году, подготовляет то, что окончательно сложилось в Учреждении о губерниях.

Дело началось с контр-реформы, с прямой, неприкрытой реакции. Мы видели, что еще при Петре, под влиянием старых традиций, примитивной привычки смешивать суд с администрацией и вследствие дороговизны новых учреждений отделение суда от администрации стало с 1722 г. фикцией [2]). Но хотя губернаторы стали тогда председателями надворных судов, а воеводы—судов провинциальных, все же при Петре еще оставалась форма, тень некоторой особности, если не самостоятельности, суда; 24 февраля 1727 г. и эта форма исчезла: надворные и провинциальные суды были совершенно уничтожены [3]). По наказу 1728 г. суд стал простым придатком администрации: низшую судебную инстанцию по гражданским и уголовным делам составляли воеводы провинциальные и городовые, высшую губернаторы [4]). То же случилось и с финансовой администрацией: 15 июля 1726 г. отменены рентмейстеры, а 15 марта 1727 г. камериры [5]), и по наказу 1728 г. вся финансовая деятельность стала достоянием губернаторов и воевод только при содействии выборных земских комиссаров в их дистриктах; воеводы и губернаторы ведали сбор подушной подати, таможенных и кабацких денег, канцелярские и мелкие сборы, взыскание недоимок и пр. [6]).

---

[1]) Там же, стр. 201.
[2]) См. том V, стр. 197.
[3]) *Романович-Славатинский*, Ист. оч. губ. упр., стр. 97.
[4]) Там же, стр. 97.
[5]) *Вицын*, Краткий оч. управления в России, Казань 1855, стр. 245
[6]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 423—439.

Результаты не заставили себя ждать: они очень скоро выразились в финансовых злоупотреблениях и насилиях и в страшной судебной волоките, в медленности решения дел. Вот почему в 1730 г. пробовали изъять подушный сбор из ведения губернаторов и воевод и передать его полковникам с подчиненными им офицерами [1]). Пришлось также хотя бы частично восстановлять особые судебные учреждения: так, в 1730 г. в Москве учреждены были судный и сыскной приказы для решения судебных дел — первый гражданских, второй — уголовных [2]); в 1772 г. появились губернские земские суды и провинциальные суды в могилевской и псковской губерниях [3]). Так самой жизнью подготовлялось разделение властей, необходимость которого ярко подчеркнута была в мотивах для введения областных учреждений 1775 года [4]).

В „наставлении", изданном для областной администрации 21 апреля 1764 г., видны уже в губернаторской должности основные черты будущего наместника или генерал-губернатора: его контролю и надзору подлежат все губернские учреждения, он делает представления о местных пользах и нуждах и о необходимости новых узаконений [5]).

Понятно, что при порядках или, вернее, беспорядочности, столь характерной для второй и третьей четверти XVIII века в областном управлении, злоупотребления были не исключением, а общим правилом. Вот наиболее яркие примеры из далеко неполного дошедшего до нас и зарегистрированного исследователями перечня злоупотреблений.

В 1726 г. сенатор Матвеев, ревизовавший московскую губернию, нашел злоупотребления камерира, комиссаров и подьячих в Переяславле-Залесском, подвергал их тюремному заключению, налагал штрафы; в Суздале он повесил кописта земской (камерирской) конторы и пи-

---

[1]) *Соловьев*, Ист. Рос., т. XIX, М. 1869, стр. 283.
[2]) Там же, т. XIX, стр. 281—282.
[3]) *Романович-Славатинский*, Ист. оч. губ. упр., стр. 99.
[4]) См. вступление к Учр. о губ.
[5]) П. С. З., № 12137; *Соловьев*, Ист. Рос., т XXVI, стр. 31—33.

щика—за похищение казенных денег [1]). В 1727 г. были повешены комиссары новгородской провинции Арцыбашев и Баринов за расхищение казны взятки и лишние сборы с населения [2]). Воевода ярославской провинции Вельяминов-Зернов, держа в заключении местных купцов, вымучивал у них в свою пользу по 600 р. с каждого. Состоявший при сборах с кружечных дворов майор Архаров с нижними чинами не могли у него получить жалованье, не дав взятки в 200 р. [3]). Волынский, будучи казанским губернатором, собрал в свою пользу с инородцев 14 тысяч руб. [4]). Смоленский вице-губернатор Козловский дошел до убийства, чтобы скрыть свои кражи и взятки [5]). 24 августа 1758 г. вышел именной указ императрицы Елизаветы, предписывавший сенату расследовать злоупотребления и лихоимство воронежского губернатора Пушкина и белгородского Салтыкова [6]). В 1763 г. возникло дело о взятках по подрядам калужского воеводы Мясоедова, причем в результате он и его товарищ были лишены чинов и сосланы в деревни [7]). Тогда же был обвинен во взяточничестве смоленский губернатор Аршеневский [8]). Князь Вяземский, посланный для усмирения волновавшихся горнозаводских крестьян, доносил о злоупотреблениях администрации в казанской губернии [9]). В 1766 г. распубликованы были вины и наказания 39-ти человек, причастных к делу о взятках по винокурению в белгородской губернии; в том числе были губернатор князь Шаховской и вице-губернатор Безобразов. Шаховской был сослан за это в деревни на 4 года с воспрещением въезда в столицы[10]). Вообще, как видно отчасти и из приведенных примеров, наказания, особенно когда они касались высших чинов губернской администрации, были мягки и часто за ними

---

[1]) *Соловьев*, Ист. Рос., т. XVIII, М. 1868, стр. 293—300.
[2]) Там же, т. XVIII, стр. 300.
[3]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 239.
[4]) Там же, стр. 240.
[5]) Там же, стр. 241.
[6]) *Соловьев*, Ист. Рос., т. XXIV, М. 1874, стр. 353.
[7]) Там же, т. XXV, М. 1875, стр. 265.
[8]) Там же, т. XXV, стр. 265.
[9]) Там же, т. XXV, стр. 268.
[10]) Там же, т. XXVII, стр. 11—12.

следовало полное прощение [1]). Более действительной, но, конечно, также не пресекавшей в корне злоупотреблений, была мера 15 декабря 1764 г.—новые штаты коллегиям, канцеляриям, губерниям, провинциям и городам [2]), значительно по тому времени увеличившие оклады жалованья [3]).

Из совокупности всех тех влияний и обстоятельств, о которых сейчас шла речь, и вышла губернская реформа 1775 г. Нужды и потребности дворянства в областной администрации были хорошо освещены в дворянских наказах 1767 г. [4]). Необходимость разделения властей и выборного рода отстаивалась в особом проекте ученого юриста екатерининского времени Десницкого, составленном в 1768 г. [5]). Проект Учреждения о губерниях был составлен самою Екатериной II, причем значительно было и ясно сказалось шведское влияние, а также влияние остзейского права [6]).

Во главе губернии был поставлен наместник или генерал-губернатор. По смыслу этой должности наместник был действительно представитель верховной императорской власти на месте, в области. В качестве такового он мог участвовать в делах по подготовке и проведению в жизнь новых законов: приезжая в столицу, он заседал в сенате—в общем собрании и в том департаменте, где ведомы были дела его ведомства, и в делах, касающихся его губернии, имел голос сенатора; кроме того, по получении нового закона, если он считал его неудобоприменимым, он мог созвать общее собрание всех высших губернских присутственных мест и по единогласному их решению приостанавливать введение нового закона и представлять в сенат о полной его отмене; наместник, наконец, мог представлять высшим властям об открытии новых присутственных мест и об изменении существующих. Точно так же в качестве высшего представителя власти в губернии наместник начальствовал над войсками, находи-

---

[1]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 252—253.
[2]) *Соловьев*, Ист. Рос., т. XXV, стр. 239.
[3]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 187—188.
[4]) *Григорьев*, Реформа мест. упр. при Ек. II, стр. 128 и сл.
[5]) Там же, стр. 179.
[6]) Там же, стр. 224, 244.

вшимися в его губернии и наблюдал за правильным действием всех губернских учреждений—административных, судебных и финансовых, а также и сословных. Он мог предавать суду всех виновных по службе должностных лиц. Ему же принадлежало право утверждения приговоров уголовной палаты, а в делах особоважных право останавливать исполнение приговора, донося сенату и даже в некоторых случаях—„о времени не терпящих делах“—самой верховной власти.

Под надзором, наблюдением и общим высшим руководством наместника или генерал-губернатора действовали три ряда губернских учреждений: во-первых, учреждения административные, во-вторых, судебные и, в третьих, финансовые.

Высшим административным учреждением в губернии являлось губернское правление, состоявшее из назначаемого верховной властью председателя—губернатора и двух советников, назначаемых сенатом. Когда впоследствии генерал-губернатора заменил губернатор, то председательствовал в губернском правлении вице-губернатор. Советники, несогласные с мнением председателя письменно излагали свои мнения, которые пересылались председателем в сенат. Губернское правление ведало обнародование законов, указов и повелений императорской власти, сената и высших властей, наблюдение за исполнением законов и все полицейские дела в губернии: охрану порядка и спокойствия, исполнение судебных приговоров и проч. По значению своему в общей системе государственных учреждений губернское правление занимало положение, равное коллегиям.

В каждом уезде административно-полицейские дела ведал подчиненный губернскому правлению нижний земский суд, состоявший из выбираемых дворянством на три года и утверждаемых генерал-губернатором или губернатором: земский исправник или капитан и два или три (смотря по размерам уезда) заседателя. В городах полицейская и административная власть принадлежали городничим.

Высшей судебной инстанцией в губернии были две палаты—палата гражданского суда и палата уголовного суда. Каждая из них состояла из назначаемого верхов-

ной властью председателя и из назначаемых сенатом двух советников и двух ассесоров. Палата гражданского суда по своему положению представляла собою соединенный департамент юстиц-коллегии и вотчинной коллегии и ведала в апелляционном порядке все гражданские дела, решавшиеся в верхнем земском суде, губернском магистрате и верхней расправе, причем дела ценностью не выше 500 р. решались палатой окончательно, без апелляции в сенат. Палата уголовного суда приравнивалась и департаменту юстиц-коллегии и ведала: 1) обыкновенные уголовные дела, подсудные верхнему земскому суду, губернскому магистрату и верхней расправе, по апелляции на их решения, т.-е. по жалобе сторон на несправедливость приговора по существу дела, 2) важнейшие уголовные дела—те именно, которые подвергают виновных лишению политической или физической жизни,—в ревизионном порядке, т.-е. по таким делам верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя расправа производили только следствие и весь материал присылали в палату уголовного суда, а та уже постановляла приговор; 3) должностные преступления, по которым палата уголовного суда была судом первой инстанции.

Ниже палат стояли три сословных суда в губернии: верхний земский суд для дворянства, губернский магистрат для городских обывателей и верхняя расправа для государственных крестья и свободных сельских обывателей. Каждое из этих учреждений делилось на два департамента—гражданский и уголовный,—и каждый департамент имел председателя, назначаемого сенатом, и заседателей, выбираемых подсудным сословием на три года, причем дворянские заседатели (их было пять в каждом из двух департаментов верхнего земского суда) не нуждались в утверждении, а городские (их три) и сельские (их 5) нуждались в утверждении губернатора. Все три суда были высшей инстанцией для дел, решавшихся в низших судах и низшей по отношению к палатам.

Низших судов—в уездах—было также три, и они тоже были сословные. То были: уездный или окружной суд, городовой магистрат и нижняя расправа. Уездный

суд состоял из уездного или окружного судьи и двух заседателей; все они выбирались на 3 года дворянством и утверждались генерал-губернатором или губернатором. Городовой магистрат состоял из двух бургомистров и четырех ритманов, выбиравшихся пожизненно городским обществом. Нижняя расправа имела в своем составе расправного судью и восемь заседателей, выбираемых на три года подсудным сословием и утверждаемых высшей губернской властью. При уездном суде была еще дворянская опека для ограждения положения дворянских сирот, в составе председателя—уездного предводителя дворянства и членов—уездного судьи и двух заседателей уездного суда. Ей соотвествовал состоявший при городовом магистрате городской сиротский суд, ведавший сирот из горожан, в составе председателя—городского головы и двух членов городского магистрата и городского старосты.

Высшим финансовым учреждением губернии была казенная палата, председателем которой является вице-губернатор, а членами—директор экономии или домоводства, губернский казначей, один советник и два ассесора, назначавшиеся сенатом по предложению губернского правления. Казенная палата ведала все финансовые и хозяйственные дела: исчисление населения, доходы и расходы, ревизию счетов, откупа и подряды, казенные и публичные строения и их содержание. Когда вице-губернатор заменял генерал-губернатора или губернатора, в казенной палате председательствовал директор экономии. По своему положению казенная палата была соединенным департаментом камер-коллегии и ревизион-коллегии.

В уезде казенной палате подчинялся уездный казначей.

Особое положение во всей этой сложной системе местного управления занимали два совершенно новых в России учреждения—совестный суд и приказ общественного призрения. Совестный суд состоял из совестного судьи, назначавшегося губернатором из кандидатов, представленных губернскими судебными учреждениями, каждым по одному, и из шести заседателей,—по два от дворян, горожан и поселян. В ведомство совестного суда

входили: подача помощи несправедливо обиженным, суд по преступлениям душевнобольных и малолетних, а также по делам о колдовстве, наконец, примирение тяжущихся в гражданских делах, если они за этим обращались. Что касается приказа общественного призрения, то он был по компетенции своей предшественником позднейших земских учреждений: он ведал учебную и медицинскую часть и состоял под председательством губернатора из шести членов: двух заседателей дворянского верхнего земского суда, двух заседателей городского губернского магистрата и двух заседателей сельской верхней расправы.

Надзор за законностью действий всех этих учреждений принадлежал прокуратуре: в губернии главным ее представителем, подчиненным генерал-прокурору, был губернский прокурор, состоявший при губернском правлении; в судебных палатах были губернский стряпчий казенных дел и губернский стряпчий уголовных дел. Сверх того, при верхнем земском суде, губернском магистрате и верхней расправе было по прокурору, стряпчему казенных дел и стряпчему уголовных дел, а в уезде имелся уездный стряпчий.

Общий характер реформы областного управления при Екатерине II выражается в следующих отличительных ее чертах: во-первых, в ней проведены были формально с большой последовательностью в управление русской провинции настоящие учреждения или органические должности, с самостоятельным кругом их ведомства и с подчинением их деятельности закону [1]); во-вторых, в связи с этим получила выражение идея формального разделения властей; в третьих, ярко сказалась сословность областных учреждений в сословной организации суда двух низших инстанций и в выборном дворянском элементе областной администрации; в четвертых, наконец,—и это самая оригинальная черта Учреждения о губерниях,—стремясь усилить власть на местах в интересах охраны господства дворянства и крепостного пра-

---

[1]) *Градовский*, История местн. управления в России; *Его же*, Русское государственное право.

ва, сделали попытку перенесения центральных подчиненных учреждений из столицы в провинцию [1]).

Общая цель вновь введенных учреждений понималась при Екатерине II в духе современной ей политической идеологии Западной Европы. Соответственно этому подчеркивалось общее благо как цель государственного союза и его деятельности; по выражению Учреждения о о губерниях, „все правила в сих учреждениях поспешествуют правосудию и вообще порядку дел, а из оных замыкающие в себе должности приказа общественного призрения и совестного суда суть аки два источника, на веки лиющие благодеяния несчастным и бедствующим в роде человеческом и сопрягающие милость и суд воедино". Но, конечно, это ни мало не исключало классового понимания идеи общего блага. Это понимание выражалось и в побудительных мотивах к реформе, о которых не раз уже говорилось выше, и в сословных формах ее и в частности в огромной правительственной деятельности дворянства. Это же, на-ряду с стремлением создать систему органических учреждений и в соответствии с этим и органической политики в разных сферах государственной деятельности, нашло себе ясное отражение в финансовой и судебной деятельности государственных учреждений, а также и во внешней политике. Но так как это касается уже не одних областных учреждений, то удобнее говорить об этом уже после изучения всех перемен, происшедших в управлении России XVIII века.

---

[1]) Там же; *Милюков*, Очерки по ист. русск. культуры.

V.

Верховная власть, высшее и центральное управление России в последней четверти XVIII и в начале XIX века.

Екатерина II и еще раньше ее Елизавета, отчасти также Анна, были типическими дворянскими монархинями в России XVIII в., представительницами дворянского самодержавия. Разница между ними—разница эпох: грубая, примитивная и жестокая Анна—представительница элементарного крепостнического самодурства, понимавшая, однако, что надо угождать дворянству; умная, но легкомысленная и мало образованная Елизавета еще лучше понимала это и выражала второй момент дворянской крепостнической государственности и культуры; Екатерина—просветительная абсолютистка в дворянском духе последней формации, умная и по своему времени образованная.

Ее преемник Павел I сделал третью после Бирона и Петра III попытку провести в жизнь чистое личное самовластие на смену дворянскому самодержавию. Это засвидетельствовано документально, собственноручной запиской Павла[1]). Еще будучи великим князем, Павел обнаруживал деспотические инстинкты[2]). Преувеличенный этикет, поклоны, обязательство выходить из экипажей и кланяться на улице при проезде императора, говорят также о преувеличенном представлении Павла о своей власти. Характерны в этом же смысле некоторые его изречения, передаваемые современниками. Так, он сказал однажды князю Репнину: „фельдмаршал, видите вы этот гвардейский отряд? Он состоит из 400-

---

[1]) Сборник Имп. Рус. Ист. Общ., т. XC, стр. 1—4.

[2]) *Моран*, Павел I до восшествия на престол, М. 1912, стр. 390.

человек, и мне стоит сказать одно слово, и все они будут фельдмаршалами". Ему же он заявил однажды на приеме: „знайте, что в России вельможи—лишь те лица, с которыми я говорю, и лишь на время, пока я удостаиваю их этой чести" [1]). Павел считал себя и обладателем духовной власти, служил однажды сам литургию и причастился в алтаре [2]). Он градом сыпал чинами, орденами, милостями всякого рода и с головокружительной быстротой сменял гнев на милость и наоборот. Своего камердинера, крещенного турка Кутайсова Павел, став императором, возвел в графское достоинство [3]). В тех мероприятиях его царствования, в которых видна его личная воля, резко выражались антидворянские тенденции. Отмена Жалованной грамоты дворянству, в особенности почти полное на деле уничтожение дворянского сословного самоуправления здесь особенно характерны. Разрыв с Англией и Австрией и готовность вступить в союз с Францией являлись также признаками антидворянской политики. При Павле гвардия перестала быть дворянской по составу, и издан был закон о престолонаследии, лишивший дворянство возможности распоряжаться престолом: наследовать императору должен обязательно его старший сын, а за отсутствием сыновей брат; только по пресечении мужского поколения императорского дома престолонаследие переходило в женскую линию. На содержание членов императорской фамилии назначены были особые удельные земли и крестьяне. Несомненно, этот закон о престолонаследии делал верховную власть в отношении ее преемства более упорядоченной, чем прежде, придавал ей характер организованного учреждения. Тем не менее в нем видны и антидворянские тенденции, и преувеличенное представление об императорской власти и царствующем доме: члены этого дома получали на счет государства и огромные земли, и дворцы, и денежные капиталы. Личное самовластие и здесь сказалось совершенно определенно. Понятно, почему составился дворянский заговор во

---

[1]) La cour et le régne de Paul I-er, — отрывки из мемуаров графа Ф. Г. Головкина.

[2]) Там же.

[3]) *Кобеко*, Цесаревич Павел Петрович, Спб. 1883, стр. 380, 393.

главе с Паленым и Паниным, и Павел был задушен в построенном им укрепленном дворце,—теперь называющемся Инженерным замком.

Реакционер по натуре и сознательному стремлению, Павел думал объединить все реакционные, старорежимные элементы в мире для борьбы против революции—в Мальтийский орден, звание гроссмейстера которого он принял [1]). Попытки реабилитировать, даже идеализировать отчасти Павла [2]) не имеют под собой почвы. Конечно, он был довольно благожелательным помещиком-крепостником в Гатчине [3]), входил в частную жизнь и нужды своих гатчинских офицеров и солдат [4]). Правда и то, что гвардейские солдаты после убийства Павла спрашивали—„где отец наш?“ [5]) и чуть было не расправились с убийцами. Но здесь сказались просто патриархально-царистские крестьянские понятия, и делать отсюда вывод о „демократизме“ павловского самовластия нельзя. Тех же солдат он мучил муштрой, вытягиванием носков, вахтпарадами, косами и буклями, жестокими телесными наказаниями. Крестьян помещичьих он привел к присяге не по демократизму, а по ненависти к дворянству. Он то разрешал крестьянам жаловаться на помещиков, то строжайшим образом наказывал за жалобы. Закон о трехдневной барщине, как мы видели, на деле ее не предписывал. Павел в четыре года роздал 530 тыс. душ государственных крестьян помещикам, тогда как Екатерина за 34 года роздала 800 тысяч душ [6]), т.-е. относительно гораздо меньше, хотя была дворянской императрицей.

После попытки Павла I русское самодержавие окончательно приняло дворянский характер. Но это дворянское самодержавие нуждалось в хорошо организованном высшем учреждении, опыты устройства которого мы наблюдали в течение XVIII в., но эти опыты были

---

[1]) *Корнилов,* Курс истории России XIX в., ч. I-я, М. 1918, стр. 65.

[2]) *Клочков,* Очерки правительственной деятельности времен Павла I, Петр., 1916.

[3]) *Кобеко,* Цесар. Павел Петр., стр. 280, 282.

[4]) Там же, стр. 401—402.

[5]) Мемуары графини Головиной, М. 1911, стр. 260.

[6]) *Семевский,* Крест. вопрос в Рос.

еще не закончены. Сверх того, губернская реформа 1775 года, сопровождавшаяся перенесением на места, в областное управление функций управления центрального—подчиненного, повела к фактическому закрытию всех коллегий, кроме трех—военной, морской и иностранной. Старое центральное петровское управление было уничтожено. Надо было его заменить новым.

Обе задачи были разрешены при Александре I учреждением сначала непременного, потом государственного совета и учреждением министерств.

Нам уже знакомы верховные законосовещательные учреждения в России XVIII в. от Екатерины I до Екатерины II. Совет Екатерины II продолжал существовать и при Павле. При Александре I он был заменен прежде всего, по указу 30 марта 1801 года, непременным советом.

Непременный совет был учрежден по проекту старого екатерининского дельца Трощинского—„для рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений“, в состав его были назначены 12 сановников [1]). В руководство непременному совету издан был особый наказ, который подчеркивал законодательное или, точнее, законосовещательное положение сената и различал законодательные постановления коренные—законы в собственном смысле этого слова, и временные—тарифы, пошлины и проч. Наказ подчеркивал, что главное назначение совета—установление законности в управлении. Инициатива возбуждения дел в совете, помимо верховной власти, принадлежала и членам совета. На окончательное решение императора представлялись и мнения большинства, и мнения меньшинства, чем особо подчеркивалось совещательное значение совета. Канцелярия непременного совета, правителем которой был назначен член совета Трощинский, делилась на четыре отделения: 1) иностранное и коммерческое, 2) военных дел, 3) гражданских и духовных, 4) государственного хозяйства [2]).

Почти месяц спустя после этого законодательного акта, в конце апреля 1801 г., граф П. А. Строганов

---

[1]) Полное Собр. Зак., № 19806.

[2]) *Щеглов,* Госуд. совет в России; т. II, вып. 1, стр. 164—166.

имел большой разговор с Александром I о необходимости коренных преобразований в государственном строе России. На основании этого разговора в мае Строганов представил записку об образовании негласного комитета с целью устранить „безобразное (informe, бесформенное, беспорядочное) состояние империи. Работы негласного комитета начались 24 июня 1801 года [1]). В состав комитета, кроме самого императора, входили граф Строганов, Новосильцев, граф Кочубей и князь Чарторыйский. Несомненно, этот кружок молодых друзей императора Александра хотел руководить правительственной деятельностью, но в его составе совершенно определенные убеждения—и притом якобинские—имел один только Строганов [2]). Кое-какие конституционные планы имел также Чарторыйский. Негласный комитет занимался и делами внешней политики, и конституционными проектами, но главными результатами его работы, фактически закончившейся в мае 1802 года [3]), были два указа 8 сентября 1802 года—один о правах и обязанностях сената, другой об учреждении министерств.

Сенат был признан „хранителем законов“ и „верховным судом“; ему предоставлено право представлять верховной власти об указах, которые неудобны для исполнения, несогласны с прочими узаконениями или неясны [4]).

Что касается министерств, то прежде чем анализировать их организацию по манифесту 8 сентября 1802 г., необходимо осветить вопрос об их исторической подготовке русской административной действительностью XVIII века.

В этой подготовке, по общему признанию исследователей, важное значение имеет должность генерал-прокурора. Разногласия заключаются лишь в том, что, по мнению одних исследователей [5]), генерал-прокурор

---

[1]) *Вел. князь Николай Михайлович*, граф П. А. Строганов; *Шильдер*, Император Александр I, т. I; *Богданович*, История царствования Императора Александра I, т. I.

[2]) *Покровский*, Рус. история, т. V.

[3]) Он собирался и в конце 1803 г., но по частным вопросам; *Корнилов*, Кур. ист. Рос. XIX в., I. стр. 109.

[4]) П. С. З., № 20405.

[5]) *Градовский*, Высшая администрация XVIII в. и генерал-прокуроры, Спб. 1866.

стал усваивать министерские функции только при Екатерине II, а по взгляду других [1]), это подготовлялось и раньше, хотя и не предполагалось должностью генерал-прокурора при Петре Великом.

Что министерские функции довольно рано стали входить в практику деятельности генерал-прокуроров и обер-прокуроров сената в XVIII веке,—это теперь не подлежит сомнению: генерал-прокуроры входили в сенат с самостоятельными предложениями о сокращении расходов, о взыскании недоимок, о поверке финансовых действий областной администрации [2]); верховная власть часто еще с 30-х годов давала генерал-прокурорам специальные поручения чисто исполнительно-административного характера [3]); при Елизавете генерал-прокурор фактически становится во главе межевого дела, частью также дорожного и заведует подготовкой чиновничьих кадров в виде „юнкеров“, состоявших для этой подготовки при разных учреждениях [4]).

Нельзя, однако, сказать, чтобы министерские функции были совершенно чужды петровскому генерал-прокурору: они касались тогда не только сенатской канцелярии, как некоторые думают [5]), но на деле и действий сената: недаром признается, что все сенатские дела и при Петре докладывались верховной власти именно генерал-прокурором, что генерал-прокурор направлял сенат к решению, угодному главе государства [6]).

Если сопоставить с этим тот уже известный нам факт, что президенты коллегий скоро из председателей, имеющих в них только один голос, превратились во всевластных начальников, что иногда начальствовали над коллегиями, как при Анне над берг-коллегией, особые генерал-обер-директоры [7]), то будет ясно, что ми-

---

[1]) *Веретенников*, Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени, Харьков, 1915.

[2]) *Веретенников*, Очерки истории ген.-прок., стр. 96, 97, 114, 172, 177 и др.

[3]) Там же, стр. 176, 183—184.

[4]) Там же, стр. 380.

[5]) Там же, стр. 381.

[6]) См. нашу „Рус. ист. в сравн.-ист. осв.“, т. V, стр. 192.

[7]) *Щеглов*, Гос. совет в Рос., II, 1, стр. 80

нистерские функции генерал-прокуроров выросли на почве необходимости заведывания отдельными отраслями управления в том же порядке, в каком строилась сама верховная власть: самодержавие наверху приводило к единовластию и в исполнительных органах. Этого требовала государственная система.

При Екатерине II это сказалось особенно ясно. По общему признанию, генерал-прокурор князь Вяземский был на деле министром юстиции, финансов, внутренних дел, государственным казначеем и государственным контролером [1]). Но, кроме того, министерские функции становятся свойственны и другим лицам: так, Безбородко делал доклады Екатерине по внутренним делам и по тяжебным делам о имениях, доклады по важным делам делали Зубов и секретари императрицы—Храповицкий, Грибовский, Олсуфьев, Теплов, Елагин [2]). При Павле был составлен проект учреждения семи департаментов с министрами во главе, сохранены были широкие министерские права генерал-прокурора, учреждена была должность государственного казначея, в 1797 г. образованы департамент уделов—первое министерство в собственном смысле этого слова—и экспедиция или департамент водяных коммуникаций (водных путей сообщения) с главным директором на правах министра во главе, наконец, в 1800 г. появилось министерство коммерции [3]).

Таким образом, учреждение министерств было вполне подготовлено историей центрального управления в XVIII веке. По манифесту 8 сентября 1802 года и были учреждены восемь министерств: военное, морское, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Все министры были признаны членами непременного совета по должности и получили право также присутствовать в сенате. Непременный совет не имеет права приступать к рассмотрению дел

---

[1]) *Градовский*, Высш. адм. XVIII в., стр. 241—250; *Щеглов*, Гос. совет в Рос., II, 1, стр. 89; *Веретенников*, Очерки истории ген.-прок., стр. 386.

[2]) *Щеглов*, Гос. совет в Рос., II, 1, стр. 91—92.

[3]) Там же, стр. 93—94.

иначе, как в присутствии пяти министров, в числе которых должен находиться и тот, к ведомству которого относится обсуждаемое дело. Дела обыкновенные министры одни обсуждают в комитете министров, и только по обсуждении там делаются отдельными министрами доклады императору [1]).

Изданием этих законодательных актов—о сенате и министерствах—закончилось влияние негласного комитета. Вне этого влияния прошли другие законодательные меры по высшему управлению, принятые в царствование Александра I.

Учреждение непременного совета и министерств не завершило системы государственных установлений старого порядка в России. Необходимо было привести в окончательную согласованность новые высшие и центральные подчиненные учреждения. Это и было коренной причиной издания еще двух важных законов—образования государственного совета 1 января 1810 г. и общего учреждения министерств 25 июня 1811 года. Но оба эти закона, особенно первый, имели еще особые поводы к своему появлению. Они заключались в отношении верховной власти к правящему классу—землевладельческому дворянству.

Мы уже видели, что политическая действительность XVIII в. воочию показала тремя неудачными попытками личного самовластия — попытками Бирона, Петра III и Павла I — необходимость дворянского самодержавия в России. Александр I очень хорошо понимал это и боялся недовольства дворянства. Между тем, обстоятельства так сложились, что пути его внешней политики разошлись с дворянскими интересами. Двукратное поражение России в борьбе с Наполеоном I—в 1805 и в 1806—1807 годах — заставило Александра не только заключить мир, но и вступить в союз с Наполеоном и принять континентальную блокаду, т. е. прекратить торговлю с Англией, иными словами, лишить русское дворянство вывоза сырья в эту страну. Недовольство дворянства надо было как-нибудь смягчить. Александр с этою целью и поручил Сперанскому составить проект

---

[1]) Полное Собр. Зак., № 24064.

дворянской конституции [1]). Проект был составлен в следующем виде:

Законодательная власть должна была принадлежать государственной думе, члены которой выбирались членами губернских дум, члены губернских дум выбирались уездными думами, уездные думы—думами волостными, а в выборах в волостные думы участвовали землевладельцы средние и крупные и крупные фабриканты. Таким образом представительство было цензовое, по преимуществу землевладельческое, т.-е. дворянские, а выборы непрямые, а в государственную думу четырехстепенные, члены думы, кроме того, не имели права законодательной инициативы, исполнительная власть не была перед ними ответственна, и даже за нарушение министрами конституции дума не могла предавать их суду, а только могла обвинять их в этом нарушении. Председатель думы должен был назначаться императором.

Одинаковое с государственной думой положение должны были в своей сфере компетенции занимать два других учреждения, ведавшие исполнительную власть министерства, причем министры назначались императором и им одним сменялись и предавались суду, и высший суд—сенат; сенаторы выбирались губернскими думами и утверждались императором.

Выше этих трех учреждений должен был стоять государственный совет, члены которого назначались императорской властью, и который являлся посредствующим звеном между думой, министрами и сенатом, с одной стороны, и верховной властью—с другой. Без его согласия и без утверждения верховной власти ни один закон не должен был получать силу; он толковал законы; он утверждал важнейшие меры в порядке исполнительном и министерские отчеты; без него не решались вопросы войны и мира; он ведал и утверждение бюджета [2]).

Из всего этого плана осуществлен был только один—государственный совет: нужда в дворянской конституции миновала, так как готовился разрыв с Наполеоном,

---

[1]) Первым, кто обосновал это освещение вопроса, был М. Н. Покровский в „Истории России XIX в.“ изд. бр. Гранат и потом в „Рус. ист. с древн. времен“. Теперь это кажется уже общепринято.

[2]) План государственного преобразования России, М. 1906.

возобновлялась торговля с Англией, и русское дворянство и его самодержец помирились, тем более, что ни тот, ни другой и не хотели в сущности никакой конституции. Но изданное 1 января 1810 г. „Образование государственного совета“ носило на себе несомненные следы своего конституционного происхождения: все законы, уставы и учреждения должны рассматриваться в государственном совете прежде представления их на утверждение верховной власти; ведению совета подлежат „предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений“; ему принадлежит право разъяснять, толковать законы, принимать важнейшие меры по внутреннему управлению; совет обсуждает вопросы войны и мира и вообще внешней политики; он ведает бюджет и рассматривает отчеты всех министерств; наконец, форма утверждения решений совета — „вняв мнению государственного совета“ [1])—тоже свидетельствует о конституционном происхождении этого учреждения.

Но самодержавие внесло фактические поправки в законодательный акт о государственном совете; применение этого акта поэтому совершенно не соответствовало его содержанию. Мы увидим впоследствии, что многие законы издавались без участия государственного совета путем указов императорской власти и посредством высочайше утвержденных положений комитета министров; формула „вняв мнению государственного совета“ тоже скоро вышла из употребления; высшие исполнительные дела стал ведать на деле комитет министров; вопросы внешней политики, войны и мира также на деле не входили в компетенцию совета. Совет сохранялся как второстепенный придаток к самодержавной государственности, как уступка обстоятельствам, как следствие того факта, что самодержавие в России держалось непомерно долго, обнаружило большую гибкость, живучесть и приспособляемость. Впрочем, многие черты в организации государственного совета совершенно соответствуют духу и даже букве самодержавной государственности: он являлся учреждением совещательным, члены

---

[1]) П. С. З., № 24064.

его назначались верховной властью, председатель общего собрания утверждался ею на год, а председатели департаментов, которых было четыре—законов, военных дел, дел гражданских и духовных и государственной экономии—на полгода [1]).

Некоторым остатком плана Сперанского, значительно, однако, измененным, явилось общее учреждение министерств 25 июня 1811 г.—последнее серьезное проявление административного творчества старого режима в России в полном его развитии. По этому учреждению установлено было 12 министерств и главных управлений в России: министерства—иностранных дел, военное, морское, финансов, внутренних дел, народного просвещения, юстиции, полиции, главные управления путей сообщения, ревизии государственных счетов, казначейства и духовных дел разных исповеданий. Определены были предметы ведения каждого министерства. В министерствах установлен совет министра, департаменты, определено, что министры и их товарищи назначаются и увольняются самой верховной властью непосредственно, директоры департаментов и канцелярий министров назначаются и увольняются верховной властью по представлению министра, начальники отделений — по представлении директора министру, а через него верховной власти, а прочие чины назначаются и увольняются министрами по представлению директоров. Точно определены также порядок производства дел в министерствах, отчетность. Во второй части учреждения министерств, представляющей собою наказ министерствам, власть министров определяется как чисто-исполнительная, лишенная законодательных функций. Министрам предоставлено право законодательной инициативы. Сделана, наконец, попытка установления министерской ответственности за превышение и бездействие власти, но эта ответственность фактически являлась фиктивной, так как поставлена была всецело в зависимость от усмотрения императора [2]).

Административно-бюрократическое строительство старого порядка в России XVIII и начала XIX века в общем

---

[1]) Там же.
[2]) П. С. З., № 24686.

несомненно создало довольно стройную систему высших учреждений, непосредственно участвующих в деятельности верховной власти, и учреждений подчиненных— центральных и областных. Учреждения эти должны были по закону действовать настолько самостоятельно и закономерно, насколько это возможно при самодержавном режиме. Мы должны теперь посмотреть, как реально претворялась в жизнь их деятельность, каким интересам они в действительности служили. Изучив формы, необходимо исследовать содержание правительственной работы.

VI.

Реальное содержание государственной работы правительства в XVIII веке.

В предшествующем изложении мы не раз отмечали тот факт, что русское самодержавно-дворянское правительство XVIII в., особенно при Екатерине II, признавало и провозглашало принцип всеобщего блага, как цель государственного союза. Это же постоянно утверждало и правительство Александра I в рассмотренных выше законодательных актах.

Но этот принцип, отличающий государство от феодальной вотчины, преломлялся в действительности, понимался или реализовался в определенном смысле под влиянием тех хозяйственных и социальных условий, которые выше уже исследованы и установлены, а также и вследствие действия тех формальных рамок государственности, о которых только что шла речь и которые ближайшим образом зависели от той же хозяйственной и социальной среды.

Посмотрим, каковы были результаты этого в области прежде всего государственного хозяйства.

Государственное хозяйство России во второй и даже отчасти в третьей четверти XVIII в.—до 60-х годов—велось так же неряшливо и беспорядочно, как велось тогда крепостное хозяйство в больших помещичьих вотчинах. „Источники казенного дохода были крайне истощены, платежные силы народа изнемогли: в 1732 г. по смете ожидалось дохода от таможенных и других косвенных налогов $2^1/_2$ милл. руб., а собрано было всего лишь 187 тыс. [1]). Елизавета в 1752 г. вынуждена была

---

[1]) *Ключевский*, Курс рус. ист., IV, стр. 380.

сложить $2\frac{1}{2}$ милл. руб. недоимки по подушному сбору [1]). Правительство не знало, сколько у него денег и где их найти [2]). Елизавета забирала лично для себя все казенные доходы [3]). Оклад подушного сбора нельзя было увеличивать, его пришлось даже уменьшить. Тогда при Елизавете граф Петр Шувалов предложил увеличить продажную цену соли и вина при казенных соляной и винной монополиях и прибег к порче монеты [4]). Отмена внутренних таможен повела к увеличению таможенного обложения заграничной торговли — ввозных и вывозных товаров — на 160% — вместо 5 коп. с рубля до 13 коп. с рубля [5]). Поэтому при Екатерине II кабацкие сборы давали казне 30% всех доходов, от 5 до 10% давали мелкие канцелярские сборы [6]), бо́льшую часть остальных доходов давала подушная подать. Крепостнический характер доходного бюджета не подлежит таким образом сомнению. Общее благо, так торжественно и громко провозглашавшееся, не было во всяком случае благом крепостного плательщика налогов. Высокая цена на соль,— вшестеро превышавшая цену начала XX века,—типична также для крепостной эпохи, как налог на предмет массового потребления и первой необходимости. Огромный рост кабацкого дохода не нуждается в комментариях.

В полном соответствии с этим строился и расходный бюджет: огромны были расходы на двор: в 60-х и 70-х годах они составляли 10,7% всех расходов, а в 80-х и 90-х даже 11,2%, армия и флот поглощали 50% расходного бюджета и даже больше того, росли, особенно после губернской реформы 1775 г., расходы по внутреннему управлению, т.-е. по полицейской и судебной защите крепостного режима, а расходы на просвещение составляли немногим более $1\frac{1}{2}$% расходного бюджета [7]).

---

[1]) Там же, стр. 398.
[2]) Там же, стр. 393—394.
[3]) Там же, стр. 394.
[4]) Там же, стр. 395.
[5]) Там же, стр. 396.
[6]) *Готье*, Ист. обл. упр., стр. 432, 434.
[7]) *Чечулин*, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II: „Жур. Мин. Нар. Пр." за 1906 г., март, стр. 116.

Когда в XVIII веке заходила речь о просвещении, то, конечно, всегда почти исключительно имелось в виду дворянское просвещение. Сухопутный корпус, основанный при Анне, был не даром шляхетским, т.-е. специально-дворянским, Московский университет, основанный в 1755 г. при Елизавете, являлся учебным заведением если не исключительно, то преимущественно дворянским. Такой же характер имели и женские институты и во главе их Смольный, созданные Екатериной II по плану Бецкого. Тот же Бецкой преобразовал и шляхетский корпус на основе устава, сходного с выработанным им уставом Смольного института [1]). Определенным классовым интересам, столь естественным при развитии торгового капитализма, соответствовало и коммерческое училище, устроенное в Москве Демидовым при содействии того же Бецкого [2]).

Суд, гражданское и уголовное право насквозь были проникнуты принципом сословной, по преимуществу дворянской, привилегии. Дворяне только по гражданским делам судились в областных судах первой инстанции, особенно в первой половине века, когда сословных дворянских судов, установленных Учреждением о губерниях, еще не было. По уголовным делам дворяне тогда судились в тех учреждениях, где служили, а гвардейцы специально подсудны были юстиц-коллегии. Общим судам подсудны были только неслужащие дворяне, которых было мало в первой половине XVIII века, да и те умели скрыть преступление в своей вотчине и задарить администрацию, в редких же случаях, когда дело до суда доходило, суд обычно им мирволил [3]). Преступления дворян в отношении их крепостных наказывались мягко даже при Екатерине II. В начале 70-х годов дворянка Морина убила свою крепостную; за это Екатерина велела посадить ее на шесть недель на хлеб и воду и послать в монастырь на год на работу [4]). По решению той же императрицы белозерские помещики Савины за убийство крестьянина были заключены

---

[1]) *П. Майков,* И. И. Бецкой, Спб. 1904, стр. 256, 262 и сл., 307 и сл

[2]) Там же, стр. 397 и след.

[3]) *Готье,* История обл. упр., стр. 411—412.

[4]) *Соловьев,* Ист. Рос., компакт. изд., т. XXIX, стр. 1015.

в тюрьму на полгода и подвергнуты церковному покаянию [1]). Но в подавляющем большинстве случаев убийства и тем более мучения помещиками своих крепостных оставались совершенно безнаказанными. В уголовном праве установлено было, что жена имеет право не следовать за мужем в ссылку, но жены крестьян, ссылаемых помещиками на поселение, обязаны были следовать за своими мужьями [2]).

Во внешней политике XVIII века личные вкусы, склонности, капризы и расчеты власть имущих, конечно, играли известную роль: война с Данией из-за Шлезвига, который надо было завоевать для Голштинии, была, конечно, личным делом Петра III, капризы и изгибы павловской внешней политики тоже носили на себе печать личности, в происхождении участия России в Семилетней войне кое-какое значение имели и любезное письмо маркизы Помпадур императрице Елизавете, и насмешки над Елизаветой Фридриха II, русские дипломаты, в том числе такие, как Бестужев-Рюмин при Елизавете, были доступны подкупу и меняли фронт внешней политики по личным мотивам, как тот же Бестужев, внушивший Апраксину отступление после победы во время болезни Елизаветы из желания угодить ее наследнику—пруссофику. Все это естественно и понятно в крепостническом дворянском обществе, психология которого была основана на самодурстве. Но все же не эти личные причины были основными, движущими силами русской внешней политики XVIII века: недаром война с Данией при Петре III не состоялась и была одной из причин его низложения; павловские капризы также не были на деле причиной поворота внешней политики; участие России в Семилетней войне, как скоро увидим, тоже имело свои серьезные причины, из которых не все были, может быть, в то время и осознаны; подкупы и личные соображения дипломатов тоже в конце-концов существенного значения не имели и когда сопровождались реальными последствиями, то шли большею частью по линии, на кото-

---

[1]) Там же, стр. 1018 и след.

[2]) *Владимирский-Буданов,* Обзор истории русского права, изд. 7-е, 1915, стр. 447.

рую русскую внешнюю политику ставили дворянские интересы.

В самом деле: два основных вопроса стояли перед русской политикой в XVIII веке — польский и турецкий. Посмотрим, как шло и какими силами направлялось их решение.

Польский вопрос обострился в первый раз по смерти Петра Великого в 1733 г., когда умер Август II, и выступил в противовес его сыну старый кандидат Карла XII Станислав Лещинский, поддерживаемый теперь Францией. Занятие им польского престола ввело бы Польшу в орбиту французской политики, что вооружало против кандидатуры Лещинского Австрию. Австрия естественно искала в данном случае союза с Россией. Непосредственно интересы русского дворянства с интересами дворянства французского не сталкивались: дело было не в специально-французском влиянии в Польше, дело было в том, что русскому дворянству предстояло решить вопрос об экономической гегемонии на востоке Европы, стоявший остро уже со Смутного времени, и потому нельзя было допускать никакого иностранного влияния в Польше, кроме русского. Надо было сохранить формальную самостоятельность Польши, но сделать ее вечной союзницей России. Эта объективная причина, делавшая польский вопрос важным для России, быть может и не сознавалась во всей глубине в то время, но она реально сказывалась и повела к тому, что русские войска осадили Лещинского в Данциге и пришли на помощь Австрии, когда ей угрожала война с Францией. России и Австрии удалось устранить Лещинского и посадить Августа III на престоле.

В октябре 1763 г. умер король Август III. Еще до его смерти, которой ожидали, снова остро поставлен был польский вопрос. Иностранными делами в России тогда ведал официально граф Никита Иванович Панин, сторонник так-называемого „северного аккорда“ или „северной системы“, т.-е. союза России, Англии, Пруссии, Швеции и Дании с целью играть руководящую роль в Европе. Позднее лучший русский дипломат XVIII века Безбородко довольно справедливо именовал политику Панина „спекулятивной“, т.-е. умозрительной, „в словах

только заключающимся планом, на досуге и в праздности выдуманным" [1]). Но и самой Екатерине улыбалась заманчивая роль „третейского судьи Европы" (un arbitre de l' Europe", как она выражалась) [2]). Поэтому основными мотивами польской политики России выставлялись не только безопасность границ, но и „знатное участие в политической системе всей Европы и в ее генеральных делах" [3]), и так как северная система требовала союза с Пруссией, которого домогался и Фридрих II, то повели переговоры именно с Пруссией о кандидатуре „Пяста", т.-е. природного поляка, и именно графа Станислава Понятовского, родственника и единомышленника князей Чарторыйских, Понятовский и был избран в 1764 г. Русская кандидатура снова восторжествовала. Конвокационный сейм 1764 г. выполнил и два требования России—о признании императорского титула и о признании Бирона герцогом курляндским.

Но сразу же выдвинуты были некоторые дополнительные вопросы: два из них—по инициативе Пруссии, имевшей в виду поживиться насчет Польши и заинтересованной поэтому в ее слабости, третий возник в самой России. Пруссия возбудила вопрос о диссидентах, т.-е. о положении некатоликов (протестантов и православных) в Польше, причем Пруссия с Россией представили польскому сейму декларацию о правах диссидентов, оставшуюся, впрочем, бесплодной, и вопрос о сохранении старой польской конституции, на что согласилась и Россия [4]). В России возник территориальный вопрос: граф Захар Чернышов предложил воспользоваться моментом и кое-где округлить со стратегическими целями границы России с Польшей. Это, однако, было пока признано несвоевременным и опасным и отклонено [5]). Но как зерно будущих разделов этот факт важен.

---

[1]) Письма А. А. Безбородко к гр. П. А. Румянцеву: „Старина и Новизна", кн. III, Спб. 1900, стр. 241, 243.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLVIII, № 574.

[3]) Наставление Кейзерлингу и Репнину в ноябре 1763 г.: „Сбор Имп. Рус. Истор. Общ.", т. LI, № 784.

[4]) *Соловьев,* История падения Польши, М. 1863, стр. 22 и сл.

[5]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. LI, стр. 8, № 662.

Время с избрания Станислава-Августа до 1767 года посвящено было двум вопросам—о диссидентах и о сохранении старого политического строя Польши или о его изменениях. Союзники—Россия и Пруссия—неодинаково относились к обоим вопросам. Хотя Пруссия, как мы видели, сама первая возбудила вопрос о диссидентах, но она не стояла за его разрешение, была против насильственных мер, боялась войны с Австрией и готова была совсем им поступиться [1]. Напротив, русское правительство действовало агрессивно: введены были русские войска во владения некоторых епископов, устроены протестантская и православная конфедерации, русский посланник арестовал нескольких сеймовых послов [2]. Русскому дворянству необходимо было действовать демагогически, чтобы получить прочную опору в Польше. В результате уступки для православной и протестантской шляхты были достигнуты [3].

Пруссия больше была заинтересована в том, чтобы в Польше не было реформ: она хотела слабой Польши. Но в Польше партия реформ усиливалась, сам король склонялся на ее сторону и даже Репнин находил реформы необходимыми [4]. В сущности некоторое упорядочение польской государственной жизни и не противоречило интересам русского дворянства, и поддержка его могла даже склонить на сторону России передовые элементы польского дворянства. Но панинский „северный аккорд", непременно требовавший союза с Пруссией, и здесь заставил Россию занять противодействующую позицию. В конце-концов в 1767 г. принят был частичный компромисс: в первые три недели сеймовых заседаний на очереди должны стоять экономические вопросы и решаться большинством голосов, а последние три недели посвящаются вопросам политическим, и здесь уже необходимо феодальное единогласие [5].

Следующие затем пять лет представляют собою первостепенный интерес, так как это была история происхо-

---

[1]) Там же, т. XXII, № 247, т. XXXVII, № 298 и др.
[2]) *Соловьев*, Ист. пад. Польши, стр. 52—72.
[3]) Там же, стр. 72.
[4]) Там же, стр. 73.
[5]) Там же, стр. 75.

ждения первого раздела Польши. Дело началось католической конфедерацией в Баре, направленной против уступок диссидентам, и вооруженная борьба России против этой конфедерации осложнилась первой турецкой войной и введением русских войск в Каменец и Замостье, вызвавшим резкий протест польского правительства [1]). Тогда и возник вопрос о первом разделе.

Инициатива первого раздела Польши принадлежит, несомненно, Фридриху II. Еще 2 февраля 1769 г. Фридрих писал своему посланнику в Петербурге графу Сольмсу о плане графа Линара: пусть Россия отдаст Австрии за помощь в войне против Турции Львов с окрестностями и Ципс, Пруссии—польскую Пруссию, а себе возьмет в вознаграждение за военные издержки подходящую часть Польши; считая этот план „более блестящим, чем солидным", прусский король предложил Сольмсу использовать его, как пробный шар [2]). Проба, как и предвидел Сольмс, оказалась неудачной: в России хотели быть бескорыстными и дорожили существованием Польши [3]). Панин всегда был за целость Польши: он имел в виду, что она будет членом „северного аккорда" [4]). Планы Пруссии диктовались тем, что ее владения были разорваны польской территорией, и исключительное русское влияние в Польше было опасно и нежелательно [5]). Русское правительство попрежнему стремилось удержать свое влияние в нераздельной Польше [6]) и потому сопротивлялось разделу до тех пор, пока к этому не вынудили его политика Пруссии и Австрии и сопротивление Польши русскому влиянию [7]). Австрия еще в 1768 г. заняла 13 городов Ципского староства, а в 1770 г. Бохнию и Величку. В 1770 г. в Петербург приехал принц Генрих прусский и вел специальные беседы с Екатериной о разделе, но получил отказ; Екатерина

---

[1]) Там же, стр. 76—89.

[2]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXVII, № 388.

[3]) Там же, №№ 392, 395.

[4]) Сб. Имп. Рус. Ист. Общ, т. LVII, стр. 180.

[5]) *Зибель*, История франц. револ. и ее времени, т. I.

[6]) Таково мнение Смитта, Соловьева и Калинки: *Кареев*, Падение Польши в исторической литературе.

[7]) Так объясняют дело Зибель, Смитт, Соловьев и Иловайский: *Кареев*, Пад. Польши в ист. лит.

думала, что мир с Турцией вернет России ее исключительное влияние в Польше [1]). Начиная с февраля 1771 г., Фридрих постоянно настаивает на том, чтобы Сольмс добился для Пруссии хоть кусочка Польши [2]). В конце марта он поощряет Австрию к дальнейшим захватам, уверяя, что сам будет ей подражать. В мае оказалось, что Австрия испугалась раздела и готова отдать все занятые ею области обратно. Тогда Фридрих прибег к обману и объявил, что инициатива раздела исходит от России, и Пруссия с ней солидарна. В январе Австрия согласилась вести переговоры о разделе [3]).

Еще раньше король прусский добился первых уступок от России: 2 марта 1771 г. Фридрих предписал Сольмсу предложить России вознаграждение за турецкую войну насчет Польши, тем более, что и турецкая война возникла из-за Польши,—из-за разорения Железняком и Гонтой Балты; себе Фридрих берет часть Польши за субсидии, которые он давал России во время войны. В половине мая Панин изъявил готовность договариваться об этом с Пруссией [4]).

26 июля 1772 г. проект первого раздела Польши был подписан Россией, Австрией и Пруссией. 7 (18) сентября 1772 г. русский посланник в Варшаве Штакельберг и прусский Бенуа подали польскому правительству декларацию о разделе, и когда король и его советники протестовали и просили помощи европейских держав, Штакельберг пригрозил войной и принудил короля и сейм уступить. По первому разделу Россия получила Белоруссию, гарантировала старое государственное устройство Польши и поступилась почти всеми политическими правами диссидентов: они получили право иметь лишь трех послов в сейме [5]). Эта уступчивость понятна: среди диссидентов почти не было дворян,—не за кого было и хлопотать.

Мы намеренно остановились подробно на истории первого раздела Польши, чтобы выявить с полной опре-

---

[1]) *Соловьев*, Ист. пад. Польши, стр. 129.
[2]) Там же, стр. 132 и след.
[3]) Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. XXXVII, № 517.
[4]) *Соловьев*, Ист. пад. Польши, стр. 133.
[5]) Там же, стр. 143—148.

деленностью сочетание двигавших события сил. Из сказанного видно, что русское правительство имело в виду осуществить экономическую и политическую гегемонию русского дворянства в Польше, т.-е. стремилось в своей польской политике защитить интересы русского дворянства. Но русская дворянская государственность встретила сопротивление в самой Польше и сильнейшее противодействие дворянской же государственности Австрии и особенно Пруссии. Первый раздел Польши и явился дипломатической победой именно Пруссии.

Труден был только первый шаг. Два другие дались относительно легко. После первого раздела Россия попыталась подчинить себе обрезанную со всех сторон Польшу и с этою целью даже поддерживала умеренно-реформаторские планы Станислава-Августа. Но когда началась вторая турецкая война, приковавшая к себе все внимание русского правительства, в Варшаве произошла буржуазно-демократическая революция, и провозглашена была конституция 3 мая 1791 года. Еще раньше, в 1787 г., Польша отказалась поддержать Россию в войне с Турцией. Русское влияние свелось к нулю. Устранить возможность его возврата постаралась прусская дипломатия, заключившая в 1790 г. союз Пруссии с Польшей, но втайне имевшая в виду овладеть Данцигом и Торном. В Польше возник план оторвать польских православных от подчинения русскому синоду. Россия ответила на это Тарговицкой конфедерацией сторонников старого порядка в Польше, и Гродненский сейм под угрозой русских штыков молчаливо принял второй раздел Польши. Остаток Польши оказался в полном подчинении России после второго раздела 1793 года [1]).

Затем последовало судорожное усилие, — попытка Костюшки всколыхнуть народные массы. Пруссаки, обманувшие Польшу мнимым союзом с нею перед вторым разделом, оставившие ее тогда на произвол судьбы и получившие свои Данциг и Торн, теперь взяли в тиски восставшую Польшу вместе с победоносными русскими

---

[1]) *Соловьев*, Ист. пад. Польши; *Костомаров*, Последние годы Речи Посполитой; *Иловайский*, Гродненский сейм.

войсками Ферзена и Суворова. В 1795 г. последовал третий раздел Польши и прекращение самостоятельного политического существования Речи Посполитой [1]). Европа не в состоянии была справиться с великой французской революцией. Три самодержавно-дворянские монархии центра и востока Европы оказались в силах задушить буржуазно-демократическую революцию в Польше. Помимо перевеса внешней материальной силы здесь сказалась и трудность скачка от упадочного феодализма к буржуазной монархии, хотя скачек этот и был в значительной степени подготовлен успехами экономического развития Польши при Станиславе-Августе, как это показал польский историк Корзан [2]).

Другой важный вопрос внешней политики—турецкий—в XVIII веке впервые после Петра Великого обострился также в аннинскую эпоху. Турция вмешивалась в польские дела и мешала в Польше русскому влиянию. К тому же крымские татары своими набегами тревожили попрежнему южные пределы России. Русские трижды опустошили Крым, взяли Азов, Очаков, Миних разбил турок при Ставучанах, занял Хотин и Яссы. По миру в Белграде в 1739 г. ликвидированы были последствия несчастного Прутского похода Петра Великого.

Но и центр тяжести турецкого вопроса относится к царствованию Екатерины II. Повод к первой турецкой войне был дан тем, что казаки Железняка и Гонты разорили принадлежавшее Турции местечко Балту. Но причины лежали глубже. Черноморские степи давно привлекали к себе беглых крепостных из России. Завладеть ими было необходимо для того, чтобы сдержать этот поток крепостных рабочих рук, уходивших из дворянского хозяйства. С другой стороны, благодатный черноземный юг сулил дворянству новые земельные богатства и перспективы посевов пшеницы и вывоза этого ценного хлеба через Черное море заграницу. Первая турецкая война ознаменовалась особенно победами Румянцева при Ларге и Кагуле и закончилась миром

---

[1]) *Соловьев,* Ист. пад. Польши; *Костомаров,* Последние годы Речи Посполитой.

[2]) Ср. еще *Воблый,* Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I, Киев, 1909, стр. 37 и след.

в Кучук-Кайнарджи, по которому Россия приобрела побережье Черного моря — Новороссию, кроме Крыма. Крым был объявлен независимым от Турции.

Вторая турецкая война вызвана была полным присоединением Крыма к России и ознаменовалась в особенности блестящими победами Суворова при Фокшанах и Рымнике. Она кончилась миром в Яссах, заключенным Безбородко. Было признано присоединение Крыма к России.

Остается сказать несколько слов о Семилетней войне, в которой при императрице Елизавете Россия участвовала в союзе с Австрией и Францией против Пруссии. У нас принято считать ее не вызывавшейся никакими серьезными интересами. Но если встать на точку зрения дворянской классовой внешней политики, то она, несомненно, имела свой смысл. В России в то время боялись покушения Фридриха II захватить русские остзейские провинции. Сверх того, завоевание восточной Пруссии, если бы оно совершилось,—а Фридрих готов был уступить России эту провинцию, — поставило бы Польшу в тиски русских владений не только с востока, но и с северо-запада и помогло бы успешному разрешению той задачи экономической и политической гегемонии России в Польше, которую пыталось разрешить русское дворянское правительство екатерининского времени. Безрезультатность Семилетней войны предвещала разделы Польши и дипломатическое торжество Пруссии.

Во внешней политике екатерининского царствования был один очень эффектный факт, признаваемый обыкновенно блестящей победой русской дипломатии, — это акт так-называемого вооруженного нейтралитета 28 февраля 1780 г., которым Россия объявила, что она будет вооруженной рукой, военными судами защищать торговые суда, идущие в русские порты и выходящие из них, от английских судов, занимавшихся каперством во время войны Англии с ее американскими колониями. Вопреки мнению некоторых исследователей [1]), этот акт был делом самой императрицы [2]), против воли Панина.

---

[1]) *Никольский*, Происхождение системы вооруженного нейтралитета; „Жур. Мин. Нар. Просв." за 1893 г., февраль, стр. 475—477.

[2]) Письма Безбородко к графу Румянцову: „Старина и Новизна", книга III, стр. 221.

Но при всем его внешнем блеске, дававшем Екатерине столь желанную для нее популярность в Европе, он мало полезен был русской внешней торговле: она ведь велась главным образом с Англией и на английских судах.

Таким образом, изучая реальное содержание государственной работы русского правительства в XVIII веке в сфере финансов, просвещения, суда, внешней политики, мы видим, что общее благо в то время в действительности понималось как интересы землевладельческого дворянства, и эти интересы являлись главной движущей силой правительственной деятельности. Мы видели в свое время, что и экономическая и социальная политика правительства направлялась тою же основной движущей силой. Материальная культура России XVIII века была поэтому культурой полного господства дворянства, старого порядка. Ту же окраску имела естественно и культура духовная.

VII.

Духовная культура России в XVIII веке.

Уже в предшествующих томах нашего труда мы изучали психологию и духовную культуру общества в классовом и подклассовом разрезе. Это становится тем более необходимым, чем дальше подвигаемся мы вперед, чем больше торжествует капитализм, пока еще главным образом только торговый, так как новые хозяйственные порядки и отношения, смыкая, как мы видели, общество в сословия, в то же время дробили, делили эти сословия, имевшие классовую основу, на подклассы, на более мелкие экономические группы. Сказывались в этом групповом делении и традиции прошлого, все еше живучие, обнаруживавшие силу инерции.

С этих традиций и приходится начать, характеризуя дворянскую психологию и культуру XVIII века. Две характерные фигуры защитников феодальных традиций выступают здесь перед нами—князь Дмитрий Михайлович Голицын, вождь верховников, и Арсений Мацеевич, противник секуляризации церковных земель.

Психологическую характеристику князя Голицина—верную и довольно яркую—оставил нам английский резидент Рондо. Он отмечает колоссальное его честолюбие, самолюбие, высокомерие, гордость, аристократическую спесь, уменье устроить свое материальное благосостояние, большие ум и энергию, широкую образованность. Князь Голицын недаром прошел школу Петра Великого: он имел богатую библиотеку в 6 тысяч книг на иностранных языках и в русском переводе по истории, политике и философии [1]). Но, не чуждаясь европейской образованности, Голицын не поступался старо-

[1]) *Ключевский*, Курс рус. ист., IV, стр. 350.

русскими аристократическими, княжеско - боярскими взглядами на власть: он оставался противником не только личного самовластия, но и дворянского самодержавия и сторонником аристократической олигархии. Эта сторона его личности и деятельности, впрочем, уже известна нам из предшествующего изложения.

Князь Голицын был защитником феодальной старины в государственном строе, в светском обществе. Арсений Мацеевич защищал феодальные традиции в устройстве церкви—одного из крепчайших столпов феодализма.

Мацеевич происходил из западно-русской шляхетской фамилии. И семейные традиции, и школа, которую он проходил, дали ему традиционно-религиозный закал, внушили предпочтение церковного авторитета свободе исследования и высокое мнение о значении церковной иерархии [1]). Будучи митрополитом тобольским, как и позднее, Арсений хотел „объединить духовенство около себя, заставить его выбиться из под угнетения светскими командирами и слушать одного своего архиерея“ [2]). Перед ним рисовался идеал феодального князя церкви: он стоял за независимость духовного сословия, архиерейского суда и администрации [3]), а также за права церкви на ее земли [4]), будучи ростовским митрополитом, старался умножить монашество [5]). И хозяйство он вел по-феодальному—обширное и сложное [6]), раздавал из архиерейских земель поместья как настоящий феодальный владыка [7]). В личной жизни Арсений Мацеевич не доходил до таких крайностей, напоминавших феодальную роскошь духовенства, до которых доходили в его время монахи Троицкой Лавры: „Лавра славилась своиму медами, пивами и квасами, виноградные вина выпивались бочками; архимандрит ездил в баню шестерней в карете, на каменку поддавали венгерским вином, ко-

---

[1]) *М. С. Попов,* Арсений Мацеевич и его дело, Спб. 1912, стр. 8—9.

[2]) Там же, стр. 65.

[3]) Там же, стр. 66, 88.

[4]) Там же, стр. 70.

[5]) Там же, стр. 156.

[6]) Там же, стр. 269.

[7]) Там же, стр. 270 и след.

торым окачивался высокопреподобный“ [1]). Однако, Арсений имел конские заводы, на которых держал до 600 лошадей и сам присутствовал при случке [2]). Екатерининская секуляризация вызвала со стороны Арсения проклятие, произнесенное им в ростовском соборе против всех, кто отнимает у монастырей и церквей им данное [3]), и протестующее доношение в синод [4]). За все это он был судим и отправлен в Николаевский Карельский монастырь с лишением архиерейского сана. Но там он неосторожно говорил о правах на престол Ивана Антоновича, и, по повелению Екатерины, был заключен в ревельскую крепость под именем Андрея Враля, где и умер [5]).

Арсений Мацеевич был также русским церковным писателем и проповедником и в обоих отношениях представляет собою опять-таки несомненный обломок прошлого. Его духовно-политические сочинения представляют собою защиту старой церковной традиции с резкими обличениями старообрядцев, уподобляемых им еретикам, и лютеран. Насилие и казни он считает нормальными мерами борьбы за традиционное православие. Проповеди Мацеевича не откликаются на запросы жизни, а носят схолистическую окраску — догматическую, нравственную, символическую, экзегетическую [6]).

Вообще русская дворянская жизнь, особенно в первой половине века, представляла странную, беспорядочную смесь старины с новой культурой. Это сказывалось и в бытовых мелочах. По словам Манштейна [7]), в царствование Анны „часто при богатейшем кафтане парик бывал прегадко вычесан; прекрасную штофную материю неискусный портной портил дурным покроем; или, если туалет был безукоризнен, то экипаж был из рук вон плох: господин в богатом костюме ехал в дрянной ка-

---

[1]) *М. С. Попов*, Арсений Мацеевич, Спб. 1905, стр. 167.
[2]) Там же, стр. 57.
[3]) *Попов*, А. Мацеевич, и его дело, Спб. 1912, стр. 382.
[4]) Там же, стр. 400 и след.
[5]) Там же, стр. 423, 507 и след., 565 и след.
[6]) Там же, стр. 223—257.
[7]) Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 г.

рете, которую тащили одры. Тот же вкус господствовал в убранстве и чистоте русских домов: с одной стороны, обилие золота и серебра, с другой—страшная нечистоплотность. Женские наряды соответствовали мужским: на один изящный женский туалет встречаешь десять безобразно одетых женщин".

Культура воспринималась с трудом и большею частью сначала лишь внешним образом. Отсюда и произошли „петиметры" и „кокетки", щеголи и щеголихи первой половины века и „вольтерьянцы" екатерининской эпохи. И те и другие внутренно оставались людьми далекой старины, грубыми и элементарными, увлекались только модой, внешностью—первые модой на адюльтер и французскую болтовню, вторые модой на поверхностное неверие, сменявшееся перед смертью обычно полным покаянием. Были люди вроде Струйского, которые чинили суд и расправу по Беккариа, но жестоко истязали своих крепостных по старине [1]).

Как только мы от обломков старины, хотя бы частично и обновленных, переходим к сложившимся, законченным типам дворянской психологии и духовной культуры XVIII века,—так приходится различать эпохи и прежде всего остановить внимание на явлениях, характерных для первых сорока или пятидесяти лет со времени смерти Петра Великого.

Дворянская культура этого времени подготовляла екатерининскую во всех отношениях—в литературе, науке и искусстве.

В литературе это было время Третьяковского, Ломоносова и Сумарокова, — время русского классицизма в поэзии—в поэме, оде, трагедии и комедии. Слагалась русская дворянская классическая литература, первые признаки которой мы наблюдали при Петре Великом. Сюда же относятся и сатиры Кантемира, являющиеся переводом Буало.

В науке—это эпоха Байера, Миллера, Татищева, Ломоносова. Байеру принадлежит первая постановка варяжского вопроса, т.-е. вопроса о происхождении Рюрика с братьями. Он явился основателем норманнской

---

[1]) *Ключевский*, Курс рус. ист., V

теории и впервые критически рассмотрел известия о народностях, обитавших на восточно-европейской равнине до славян [1]). Несомненно, всем этим он положил первый камень научной разработки русской истории. Миллер занимался главным образом собиранием, изданием и первоначальной разработкой источников. Исторические труды Татищева могут быть поняты лишь в связи со всей его литературной деятельностью, довольно многосторонней.

Татищев, воспитанник эпохи Петра,—делец, рационалист и утилитарист до мозга костей [2]). В „Разговоре двух приятелей о пользе наук и училищ" он делит науки на „полезные" и „щегольские" [3]). В своей „Духовной" защищает самодержавие, в „Экономических записках" рисуется перед нами рачительным хозяином-крепостником [4]). В личности его наблюдается смесь индивидуализма, новых духовных стремлений и запросов со старым стяжательством, с оправданием взятки, „благодарности" за правильное решение дела, что для него является весьма характерным [5]). И историей он интересовался практически: во-первых, надо было для административных целей изучить географию России, а здесь без истории обойтись было трудно, а во-вторых, он ценил в истории средство самосознания [6]). Его „История Российская" собственно не история, а летописный свод, составленный добросовестно, но весьма своеобразно: он переводит летописные тексты по своему, исправляет собственные имена, вставляет свои дополнения и поправки, не оговаривая этого, составляет известия, подобные летописным, на основании данных, кажущихся ему достоверными, и опять-таки без оговорок вставляет эти известия в свой свод [7]).

---

[1]) *Милюков*. Главные течения рус. истор. мысли; „Р. Мысль" за 1893 г., № 9, стр. 31.

[2]) Там же, № 5, стр. 12.

[3]) Там же, № 5, стр. 12.

[4]) *Плеханов*, История рус. общ. мысли, т. II, стр. 123, 124.

[5]) *Попов*, Татищев и его время.

[6]) *Милюков*, Глав. теч. рус. ист. мысли: „Р. М." за 1893 г., № 5, стр. 15.

[7]) Там же, № 7, стр. 36.

Ломоносов происходил из северных государственных крестьян, притом из крестьян зажиточных,—тех „хороших людей“, которых сам он противополагал „крепостным помещичьим“ [1]). Природные его дарования, смелость, предприимчивость, любознательность, развиты были теми путешествиями, которые он совершал, участвуя в промысловых занятиях своего отца [2]). И он после невероятных усилий выбился в сферы, недалекие от верхов современного ему общества, служившие этим верхам не за страх, а за совесть. Умственный кругозор Ломоносова, широта его умственных интересов были очень велики [3]). Как физик и химик, он был гениален по признанию современных исследователей. В философии Ломоносов был последователем Вольфа [4]), по политическим взглядам—сторонник самодержавия [5]). Его поэзия была ученой поэзией [6]), т.-е. надуманной, искусственной—и именно в дворянском духе, восхваляющей господ положения, торжественной, приятной, „как летом вкусный лимонад“, по позднейшему выражению Державина. Патриот в духе того времени, националист, Ломоносов этой цели хотел служить и в своей „Российской истории“. Именно из патриотических побуждений он отверг норманнскую теорию и сделал варягов славянами. Его труд был ему заказан двором Елизаветы: надо было написать историю красноречивую и достойную внимания высшего общества [7]),—такую же, как его поэзия. И Ломоносов выполнил это задание в духе исторического ложноклассицизма. Понятно, как отрицательно относился Ломоносов к немцам, занимавшимся русской историей. Отмечая некоторые ошибочные замечания Шлёцера, вопрос о приглашении которого в Россию возник еще при Елизавете, Ломоносов сделал такой вывод: „из сего заключить можно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина“ [8]).

---

[1]) *Плеханов*, Ист. рус. общ. мысли, II, стр. 202.
[2]) Там же, II, стр. 198.
[3]) Там же, II, стр. 203.
[4]) Там же, II, стр. 207.
[5]) Там же, II, стр. 205.
[6]) *Тихонравов*, Собр. сочинений, т. III, стр. 5.
[7]) *Милюков*, в „Р. Мысли“ за 1893 г., № 5, стр. 20.
[8]) *Коялович*, История русского самосознания, стр. 124.

Тот же классицизм, который господствовал в литературе и науке, окрашивал в определенный дворянский цвет и искусство с 20-х до 60-х годов XVIII в. Талантливейшие художники этого времени Матвеев и Никитин были типичными классиками[1]).

Но только в эпоху Екатерины II все это литературное, научное и художественное развитие закончилось, исчерпало себя и пошло дальше,—в нем появились новообразования. Это случилось по той причине, что соответственно хозяйственным, социальным и государственным переменам, к тому времени совершившимся, и под влиянием этих перемен сложился к тому времени окончательно тип барина-крепостника. „Екатерининские орлы"—вот лучшие его представители. И между ними особенно ярок „великолепный князь Тавриды".

„Смелый ум, смелая душа, смелое сердце", писала Екатерина Гримму о Потемкине в 1791 году, когда только что умер князь Таврический. И, действительно, он проявил смелость, участвуя в перевороте 26 июня 1762 года—возведении на престол Екатерины, был беззаветно храбр при Фокшанах, Ларге и Кагуле во время первой турецкой войны, дерзок до безрассудства в 1774 году в Петербурге, когда Екатерина нашла его „одним из самых смешных и забавных оригиналов" и потому заменила им „скучного" Васильчикова, и тогда, когда строил свой „греческий проект", инсценировал, по выражению Иосифа II, „галлюцинацию", путешествие Екатерины на юг, и проектировал собор в Екатеринославе, который должен был быть на аршин длиннее, чем собор св. Петра в Риме. Потемкин смело заступался за Радищева, защищал Безбородко от Зубова, не зная соперников по влиянию на Екатерину даже тогда, когда у нее были уже другие фавориты.

И эта „смелая душа" под Очаковым проявила малодушие, трусость, так что Екатерина должна была подбодрить ее.

Потемкин был безумно щедр: в 1791 году в Петербурге в четыре месяца он истратил 850 тысяч рублей; в 1778 г. один праздник, данный им двору, стоил

---

1) *Бенуа*, История живописи в XIX в., стр. 7—8.

50 тысяч; один из его костюмов стоил 283 тысячи; он любил раздавать деньги окружающим огромными суммами.

И в то же время он нередко скупился в мелочах и не любил платить долги: имея семимиллионное состояние, он оставил два миллиона долгу

Он любил женщин, был грубо-чувствен и распущен, даже собственных своих племянниц сделал своими любовницами, сочинял мадригалы дамам—и в то же время писал канон Спасителю и помышлял итти в монахи.

Любил поэзию, философию, богословие, древние языки и литературу, ученые споры и состязания, целые ночи проводил за книгами,—и был ленив, часто целые дни проводил на диване полуодетый, проявлял удивительное легкомыслие, склонность к пустым забавам и большое увлечение орденами.

Он совершил весьма дельную военную реформу в духе более гуманного обращения с солдатами, большей свободы от муштровки, от щегольства, уничтожил косы и пудру и лишние ружейные приемы. „Занимая себя подобной дрянью", говорил он, „солдаты не знают самых важных вещей". И, однако, сам он тешился кавалерийской парадоманией.

Он был самовластен, знал, что его ненавидели и ему завидовали,—и не любил „охрану порядка"—заплечных дел мастера Шешковского, встречая которого, неизменно спрашивал с иронией: „что? кнутобойничаешь?" [1]).

Как сочетались все эти противоречивые свойства, этот жалкий и узкий эгоизм с широким и смелым индивидуализмом? И почему они не только сочетались, но органически соединились, составляли цельную, гармоническую личность?

Секрет психологического синтеза, гармонии духовной культуры екатерининского дворянства коренился в избалованном барском самодурстве—основной черте психики людей, подобных Потемкину. А это самодурство—плоть от плоти и кость от костей крепостного быта.

Потемкин и другие „екатерининские орлы" взлетали высоко, витали в сферах столичных и придворных. То

---

[1]) *Брикнер*, Потемкин, Спб. 1891, стр. 232, 12, 13, 25, 62, 81, 99, 92, 192, 110, 207, 273, 274, 252, 211, 67, 68, 69, 267.

были крупные люди, разбогатевшие дворяне. Но тот же процесс синтеза старых элементарно-эгоистических элементов с новыми индивидуалистическими совершался и в провинции, среди рядовой дворянской массы. Пример тому—Андрей Тимофеевич Болотов.

По собственному его признанию, подтвержденному рядом фактов, он был труслив [1]). В то же время он был хорошим приобретателем и хозяином-скопидомом, почему и нажил себе порядочное имение. Но еще до того он умел прожить с семьей на 480 р. [2]) в год, причем часто строился при помощи иногда наемного труда [3]). И в молодости доказал свое благоразумие и бережливость тем, что, увлекшись было во время прусского похода в Семилетнюю войну игрою в карты, проиграл 40 руб. и отказался играть дальше [4]). Скопидомчество расчетливость трусливость—все, как в старину.

Новое, однако, властно вторгалось в эту старинную психологию. Чувство новизны и любознательность дали себя знать рано. Еще будучи в пансионе, Болотов прочитал „Похождения Телемаха“ Фенелона, и оно возбудило в нем „охоту к читанию книг“, потому что его пленили и содержание этого произведения—„митологии и войны“—и „сладкий пиитический слог“ [5]). В 1750 г. Болотов прочитал „Курасово сокращение истории и историю принца Евгения“, и под влиянием этого у него развилась „охота к военному делу“ [6]). „Все, что хорошею жизнью ныне называется“, пишет Болотов в своих мемуарах, „тогда только что заводилось, тогда как входил в народе и тонкий вкус во всем. Самая нежная любовь, толико подкрепляемая нежными и любовными и в порядочных стихах сочиненными песенками, тогда получила первое только над молодыми людьми свое господствие, и помянутых песенок было не только еще очень мало, но оне были в превеликую еще диковинку“ [7]). Офицер

---

1) Жизнь и приключения Андрея Болотова, I, столб. 57, 58, 61, 265.
2) Там же, II, 629.
3) Там же, II, 803.
4) Там же, I, 636—637.
5) Там же, I, 108.
6) Там же. I, 114.
7) Там же, I, 179.

Лихарев, „человек весьма разумный и в компании веселый и шутливый“, подарил Болотову любовный роман, переведенный с французского, — „Эпаменонд и Целериана“; из него Болотов „получил понятие о любовной страсти, но со стороны весьма нежной и прямо романтической“ [1]). Потом он приобрел также „вкус и охоту к музыке“ [2]). „Жильблаза“ и „Аргениду“ читал „с жадностью и крайним удовольствием“: нравился „пиитический и героический слог“, и „описываемые приключения были крайне любопытны и увеселительны“ [3]). Заучил и декламировал сумароковского „Хорева“ [4]). В Пруссии смотрел анатомические немецкие книги, фабрику чулок, физические инструменты, картины в „перспективном ящике“ [5]), восхищался книжками Зульцера о красотах природы [6]), посещал театр и маскарады [7]), по Готшеду познакомился с философией Вольфа и чуть было не стал деистом, но, слушая лекции доцента Веймана о христианской философии Крузия в Кёнигсбергском университете, увлекся ею и победил неверие [8]).

И все это сейчас же отразилось на внешней обстановке. Мать Болотова жила совсем по старине — в одной комнате; не жилыми были двои огромные сени и холодная передняя или зала, где целая стена была занята образами; обоев не было; мебель составляли лавки, полдюжины стульев, длинный дубовый стол и маленький складной; спал Болотов в маленьком чуланчике [9]). Теперь, вернувшись из-за границы и накупив там экономических книг, особенно по садоводству, Болотов развел большой „регулярный“ сад по моде того времени, перестроил дом: устроил из сеней три хороших и веселых комнаты и обил их обоями из холста, самим им расписанными [10]). Позднее, перед женитьбой, — не по любви, а

---

[1]) Там же, I, 182.
[2]) Там же, I, 215.
[3]) Там же, I, 321, 327—328.
[4]) Там же, I, 353.
[5]) Там же, I, 640, 685—686.
[6]) Там же, I, 862.
[7]) Там же, I, 844.
[8]) Там же, I, 983, 984, 987.
[9]) Там же, I, 152—153.
[10]) Там же, II, 298, 342, 401.

по рассудку — Болотов устроил в доме целых шесть комнат [1]). Он вообще был известен как хороший хозяин и является видным писателем по крепостному хозяйству—не столько теоретиком, сколько практиком.

Жизнь не стояла таким образом на одном месте, новое неудержимо прорывалось и росло. Отцветал вместе с тем и чистый, беспримесный классицизм Сумарокова и Ломоносова. Последними могиканами его были в лирике Петров, в эпосе Херасков, в драме Княжнин. Но оды Петрова уже современников поражали своей напыщенностью, „Россиада“ Хераскова и тогда была невыносимо-скучна, и трагедии Княжнина, наиболее талантливого из всех троих, хотя и имели некоторый успех, но скоро должны были уступить место драматическим произведениям иного рода, да и успех-то имели главным образом те его пьесы, где, как в „Сорене и Замире“ вкраплены были смелые стихи против тирании или в „Вадиме“ идеализировался борец за свободу [2]). Но если Петров, Херасков и Княжнин были представителями уже старевших литературных традиций во всей их первоначальной чистоте, то первыми провозвестниками новых настроений и нового направления, которые должны были вполне отчетливо выразиться лишь в будущем, являются Державин, Дмитриев, Лукин с его последователями, Богданович, и, наконец, насадители у нас в России так-называемой мещанской комедии.

В личности Державина обычные внутренние противоречия дворянской психологии выражались довольно выпукло. Он получил скудное образование, служил в военной службе, потом был губернатором в Петрозаводске и Тамбове, не уживался там с наместниками, отличался педантизмом, формализмом, несдержанностью, заносчивостью, бестактностью. Был склонен льстить: будучи в опале, написал оду Екатерине, а потом в подобном же случае Павлу. Державин был убежденным крепостником и ярым противником Радищева. Но в то же время он имел положительный, хотя и тяжеловатый, ум

---

[1]) Там же, II, 475 и сл., 513.

[2]) *Лонгинов*, Княжнин и его трагедия „Вадим“· „Русский Вестник“ за 1860 г., февраль, кн. 2-я.

обладал хорошим знанием законов был честен и правдив, добился в Тамбове опеки над имениями жестокого, дикого и тиранившего жену помещика Сатина, точно и строго расследовал дела о растрате в Петербургском заемном банке шестисот тысяч руб. и о самодуре, взяточнике и насильнике калужском губернаторе Лопухине [1]). Его поэтическое дарование было весьма значительно. Не говоря уже о его прекрасных анакреонтических стихотворениях, он, несомненно, спустил ложноклассическую оду с прежнего безжизненного пьедестала, приблизил ее к действительности, сделал проще и, что всего важнее, внес в оду сатирический элемент со скептическим оттенком. Это было очень важным явлением не только в литературном, но и в общественном отношении, потому что отразило начинавшую чувствоваться потребность в критическом отношении к окружающим житейским условиям. Не надо только забывать, что в поэзии Державина сатирический элемент отличался чрезвычайною умеренностью: это была легкая насмешка, юмористический намек на человеческие слабости, без глубины анализа и без всякой примеси горячего обличения, едкого сарказма или бурного негодования. Это была сатира в „улыбательном" духе, столь любезном, как скоро увидим, самой императрице Екатерине.

Дмитриев, деятельность которого в значительной мере относится к началу XIX веке, и о котором поэтому у нас пойдет еще речь в свое время, известен своей знаменитой сатирой „Чужой толк", довольно едко высмеивавшей литературные приемы ложноклассических лириков, российских Пиндаров и Горациев. Но он, мы увидим это впоследствии, был одним из первых в России представителей сентиментальной поэзии, с преувеличенными приторно-нежными чувствами, поэзии, являвшейся реакцией и против напыщенного ложноклассицизма и против ничем не прикрытых грубо-эгоистических инстинктов некультурного общества.

Деятельность Лукина, писателя вообще малоталантливого, замечательна главным образом потому, что он

---

[1]) *Я. Грот*, Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам, Спб. 1880.

старался придать некоторый национальный колорит театру и драматической литературе. С этою целью он переделывал французские комедии на русские нравы и пытался создать национальную русскую бытовую драму и народный театр [1]). Лукин не остался одиноким в своем стремлении к национальному колориту: Василий Майков написал комическую поэму из народного быта „Елисей или Раздраженный Вакх“; с 70-х годов XVIII в. появляются народные песенники Чулкова, Новикова и других.

Сентиментально-романтический и юмористический, шутливый элементы нашли себе особенное выражение в знаменитой в свое время поэме Богдановича „Душенька“, представляющей собою произведение не оригинальное, а переделку повести Лафонтена, сюжет которой в свою очередь заимствован у римского писателя времен империи Апулея. Насколько соответствовала эта поэма растущему эстетическому вкусу дворянского общества и вообще новому его настроению, — это видно из громадного успеха, каким она пользовалась в то время.

Наконец, характерно появление мещанской комедии, описывающей быт и нравы мещанской, буржуазной среды. Сама Екатерина дала образцы такой комедии в некоторых своих пьесах, напр., „О время“, „Именины г-жи Ворчалкиной“. Из других писателей известны в этом отношении Попов, автор комедии „Анюта“, Аблесимов, составивший комическую оперу „Мельник—колдун, обманщик и сват“, и целый ряд других.

В русскую архитектуру Растрелли еще во времена Елизаветы принес видоизмененное прихотливым капризом классическое искусство—стиль барокко. Высшим достижением в этом отношении был его Смольный монастырь не столько в исполнении, где он сильно упрощен, сколько в роскошной модели [2]). Но как ни подходило барокко по духу к капризному крепостничеству, оно все же было слишком тонко и ухищренно для русского дворянского общества: недаром Растрелли вынужден был на практике упрощать свои творения, т.-е. приближать их

---

[1]) *Тихонравов*, Собр. соч., т. III, стр. 103.
[2]) *Грабарь*, История русского искусства, I, стр. 22.

к чистому классицизму. Ученики его и пошли по этой дороге: все более приближаются к чистому классицизму Кокоринов (здание Академии художеств), Ринальди (Гатчинский и Мраморный дворцы в стиле Людовика XVI), Старов (Таврический дворец), Кваренги (Александровский царскосельский дворец, Эрмитажный дворец, множество барских усадеб, дворец Разумовского в Батурине) [1].

В живописи второй половины XVIII века господствующее положение занимал Левицкий. Что он по существу классик,—это доказывает в особенности его помпезный, льстивый и манерный портрет Екатерины. Но у Левицкого есть и какой-то новый оттенок, подобный тому романтизму, какой имеется у английского художника Ченсборо: видна жажда простоты, легкая ирония. Отсюда вышли его смолянки в большом Петергофском дворце— Хованская и Хрущова: они изображены в какой-то пасторали, в них видны жеманство и кокетливая простота [2]. Можно сказать, что это художественная параллель литературной „Душеньке“ Богдановича.

Параллельно всему этому шло основное научное движение второй половины XVIII века. В естествознании то было время усердного собирания фактов главным образом немецкими учеными, главным из которых был Паллас. Из русских по стопам их шел Лепехин. В статистике и политической экономии центральное положение занимал также немец—Шторх. В истории, кроме Шлёцера, мы видим Болтина и Щербатова.

Князь Михаил Михайлович Щербатов был не только историком, а и политическим писателем и общественным деятелем. Некоторые исследователи считают Щербатова представителем господствовавших в его время в дворянской среде взглядов [3], отражавшим в своих политических воззрениях современную ему действительность [4]. Это верно только по отношению к одному жгучему, правда, вопросу того времени—вопросу о крепостном

---

[1]) Там же, I, стр. 24—26.

[2]) *Бенуа*, История живописи в. XIX в., стр. 9—12.

[3]) *Мякотин*, Дворянский публицист екатерининской эпохи.

[4]) *Чечулин*, Русский социальный роман XVIII в.: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1900 год, № 1, стр. 160.

праве. И в своих сочинениях, и в качестве депутата комиссии 1767 г. князь Щербатов показал себя совершенным крепостником, неустанно противившимся хотя бы малейшим попыткам ограничения крепостного права, не говоря уже об его отмене [1]). В других вопросах Щербатов не являлся представителем дворянского большинства. Так, хотя среди дворянских депутатов и дворянских обществ, их выбравших, были некоторые, которые стояли на аристократической позиции в вопросе об организации дворянского сословия, желали ограничить его состав родовитыми людьми, исключив людей выслужившихся, получивших дворянство чином или орденом, но таких было меньшинство. Щербатов представлял именно это меньшинство и как депутат и как писатель в своем „Примечании верного сына отечества на дворянские права“ [2]). Точно также в своих „Размышлениях о законодательстве вообще“, и в „Путешествии в землю Офирскую“ он не является представителем большинства дворянства, поддерживавшем самодержавие: он здесь не что иное как продолжатель князя Д. М. Голицына, сторонник олигархии, желавший ограничить императорскую власть „вышним правительством“, „хранилищем законов“, аристократически составленным из наиболее родовитых людей сенатом, и при нем будут еще, точь в точь, как в проекте князя Голицына, которым он хотел привлечь на свою сторону дворянство, выборные депутаты от дворянства, обороняющие дворянские интересы от олигархического правительства, и 15 мещанских депутатов для обсуждения с ними торговых вопросов. Ничего похожего на окружающую действительность и общедворянские идеалы тут нет.

Как историк, Щербатов предпринял смелую по тому времени попытку общего изложения русской истории и довел его до 1610 года. Он несомненно проторил этим дорогу Карамзину, который, как это доказано [3]), много пользовался в своем рассказе Щербатовым, вышивая только по его канве риторические, сентиментальные,

---

[1]) *Флоровский*, Из истории екатер. законод. ком., стр. 85, 87 и др.
[2]) Ср. *Покровский*, Рус. ист., IV., стр. 79—80.
[3]) *Милюков*, Главные течения рус. ист. мысли.

квасно-патриотические и обсолютистские узоры. Большой заслугой Щербатова надо считать то, что он ввел в пользование новые списки летописей и пользовался впервые из всех русских историков актами, документами, грамотами [1]). Историческое мировоззрение Щербатова было рационалистическое и индивидуалистическое—все в истории объяснялось у него личными побуждениями, интересами и соображениями деятелей, главным образом личным эгоизмом [2]). Основные недостатки его истории—недостаток критики, заставлявшей его предпочитать летописным первоисточникам мнения „просвещенных" польских писателей и „Синопсис" [3]), и тяжелое изложение, отпугивавшее читательскую массу [4]).

Болтин смутно сознавал несвоевременность общего изложения, держался более научных взглядов на историю как процесс закономерно развивающихся общественных явлений и предпринял ряд критических работ—критику легкомысленной и невежественной французской книги по русской истории Ленлерка и истории Щербатова. Эти работы полны глубоких и верных замечаний по ряду специальных вопросов русской истории [5]). Под конец жизни Болтин предпринял и выполнил научное издание Русской Правды [6]).

Шлёцер создал себе громкое имя своим „Нестором" („Nestor,—Russische Annalen"). Это—критическое изучение Начальной Летописи на основе приобретений европейской науки XVIII века, в высшей степени ценное и в историческом и в этнографическом отношениях [7]).

Мы изложили в главных чертах все, что представляло собою главное, основное течение дворянской культуры второй половины XVIII века. Но в истории каждого периода материальной и духовной культуры достижение кульминационного пункта развития господствующих общественных сил является вместе с тем и началом их

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) *Коялович,* История русского сомосознания.
[5]) *Милюков,* Глав. теч. рус. ист. мысл'
[6]) Там же.
[7]) Там же; *Коялович,* Ист. рус. само с

разложения, конечно, пока еще слабым, элементарным, зародышевым. Так было и в дворянской культуре в пору, казалось бы, высших достижений дворянства, полного господства его в обществе и государстве. Мы наблюдали до сих пор в дворянстве XVIII в. немногочисленных сторонников отошедшей в прошлое старины и массу господ положения, довольных существующим. Теперь надо остановиться на другом меньшинстве,— не справа, а слева стоявшем от господ положения, обращенном лицом не к прошлому, а к будущему; надо познакомиться с зародышами дворянского либерализма и радикализма в XVIII веке.

Эти зародыши прежде всего дали себя знать в журналистике. Нам известно ее начало отчасти еще в курантах XVIII века и особенно в петровских „Ведомостях". Дальнейший шаг в истории русской журналистики был сделан в 50-е годы XVIII века и в начале 60-х. В 1755—1764 годах Миллер издавал при академии наук журнал „Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие", в 1759—1760 годах кадеты сухопутного шляхетского корпуса выпустили журнал „Праздное время, в пользу употребленное", Сумароков—„Трудолюбивую Пчелу", Херасков в начале 60-х годов „Полезное увеселение" и „Свободные часы", Богданович „Невинные упражнения", Санковский „Доброе намерение". Основная тенденция всех этих журналов—мораль с целью исправления нравов. Это, при всех недостатках и при всей робости и узости мысли, все же были попытки одухотворить действительность некоторой общественной идеей: разбирались, например, вопросы о задачах общественной сатиры, есть сатирические замечания о дворянах, которые лошадей и лягавых собак ценят выше сыновей, не заботятся о воспитании и образовании детей, а лишь о внешности их; встречаются нападения на дворянскую спесь и невежество, обличения петиметров. Но все это было пока еще очень невинно и не сходило со стези, по которой шла столбовая дорога жизни и культура дворянского большинства.

Новым было то, что случилось в конце 60-х и в 70-х годах. В 1769 г. появился ряд сатирических журналов: „Всякая Всячина" Козицкого, „Трутень" Нови-

кова, „Адская Почта“ Эмина, „И то и сио“ и „Парнасский Щепетильник“ Чулкова, „Поденщина“ Тузова, „Смесь“ неизвестного издателя. В большинстве этих журналов, правда, было много пошлости и цинизма, бесцельного шутовства, неприличной брани. Но уже самый факт появления ряда сатирических журналов был знаменателен. А затем два из этих журналов—„Всякая Всячина“ и „Трутень“—обращают на себя особое внимание, „Всякой Всячиной“ руководила или, по крайней мере, принимала в ней участие сама Екатерина. Она стояла за сатиру в „улыбательном“ духе, за милую насмешку, не доходящую до горячего обличения, до сарказма и даже до серьезной иронии, боялась персимизма по отношению к современнной русской жизни. Поэтому „Всякая Всячина“ старалась не касаться общественных вопросов, говорила о семейной жизни, суевериях, неопрятности. Один только раз и притом с легким смешком этот журнал упомянул о крепостном праве—о „превеликом крике“ почти всякий день кроме воскресных дней и господских праздников у одного помещика, который наказывал своих людей на конюшне плетьми. Во „Всякой Всячине“ попросту печатали переводы английского сатирического журнала „Спектатор“, делая пропуски всего жгучего, больного и выбирая, что поневиннее [1]). Журнал Чулкова „И то и сио“ указал поэтому очень метко на характер этого журнала, сказав: „ты указала нам, что надобно обедать тогда, когда есть захочется, и что кто не имеет лошади, тот непременно пешком ходить должен [2]). „Всякая Всячина“ просто была сводом банальных, совершенно бесспорных и невинных утверждений.

Сатира „Трутня“, напротив,—общественная. Он, конечно, очень осторожно обличает придворных, вельмож: льстит Орлову, Панину, Салтыкову, обозначая инициалами их, как „не затворяющих слуха от просьб бедных“, „старающихся о благосостоянии государства больше, чем о самих себе“. Но тут же отмечается, что таких людей

---

[1]) *Солнцев*, „Всякая Всячина“ и „Спектатор“: „Ж. М. Н. Пр“. за 1892 г., январь, стр. 156.

[2]) *Боголюбов*, Н. И. Новиков и его время, М. 1916, стр. 42.

всего восемь. Вот намек, эзоповский язык, традиция позднейшей русской либеральной и радикальной публицистики. „Трутень“ обличает в лице некоего г-на Недоума дворянскую спесь и величание породой, причем не только смеется, но доходит до негодующего, ювеналовского тона; „деревья, через которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такова гнилова сучка, каков он сам, и нет такой во всех его фамильных гербах скотины, каков его превосходительство“ [1]). Редакция помещает далее следующее объявление об „образованных“ дворянах: „молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума, и который, объездив их с пользой, вернулся уже совершенной свиньей, желающие могут видеть на всех улицах“ [2]). Но всего больше внимания посвящает „Трутень“ крепостному праву. Он помещает переписку барина с крепостными, где отмечаются неурожаи, „скотское падение“, староста пишет: „неплательщиков, по указу твоему, на сходке сек нещадно, только они не заплатили: говорят, что негде взять“. А барин отвечает: высечь нещадно старосту при собрании всех крестьян; сбавки оброку не будет, и пусть платят бездоимочно; неплательщиков сечь нещадно. Безрассуд говорит: „крестьяне не суть человеки и созданы работать и платить оброк“ [3]). „Всякая Всячина“. которой такие картины были очень не по вкусу, упрекала „Трутня“ в „жестокости“ и выставила тот реакционный трафарет, которым так часто потом у нас пользовались: все дело в личном усовершенствовании, а порядки, законы хороши в России, лучше европейских, „Трутень“ объявлен был даже „злостным“ и „опасным“ и должен был прекратиться [4]).

Вместо „Трутня“ Новиков стал издавать другой журнал—„Живописец“, который говорил о „боярах“, которые „не только что со своих, да и с чужих кожи драли; и царское и дворянское и купецкое—все было их, у всех, кроме бога, отнимали“, и писал о „бедности

[1]) Там же, стр. 43—44.
[2]) Там же, стр. 46.
[3]) Там же, стр. 48—52.
[4]) Там же, стр. 57.

и рабстве“ крестьян, о их „непаханных полях, худом урожае“, находил, что „бедности крестьянской помещики виною“; „глупые помещики сих бедных рабов, изъявляют добродетель более к лошадям и собакам, а не к человекам“ [1]).

Так поднят был резко и прямо русским либералом XVIII века Новиковым вопрос о положении крестьян. Он поднимался и раньше, в комиссии 1767 г., но гораздо мягче и умереннее. И в том же умеренном духе трактовался он также в основанном при Екатерине высшими дворянскими сферами—теми же „екатерининскими орлами“—вольном экономическом обществе и еще раньше, с самого начала 60-х годов, в тех же верхах дворянства.

Вопрос в высших дворянских кругах редко ставился в смысле освобождения крестьян, отмены крепостного права. Так, ставили его при Екатерине только князь Д. А. Голицын и князь Гагарин, да и они стояли за освобождение крестьян без земли [2]). Зато в течение всего царствования Екатерины не сходил с обсуждения, хотя это обсуждение и не имело реальных последствий, вопрос об ограничении крепостного права, главным образом о предоставлении крепостным крестьянам права собственности и о регулировании оброков и барщины, иногда о замене оброками барщины. Этот вопрос ставился еще при Анне обер-прокурором Масловым, представившем тогда императрице проект созыва сенатом особой дворянской комиссии—„воинских и гражданских чинов“—для установления точной меры крестьянских оброков и работ на господ [3]).

В 1763 г. Петр Панин подал Екатерине записку, где, кроме других менее важных ограничений, предлагал составить примерное положение о крестьянских повинностях [4]). Елагин в 1766 г. высказал мнение, что необходимо дать крестьянам землю в потомственное пользование и определить законом размеры их денежных взносов и

---

[1]) Там же, стр. 69.

[2]) *Семевский*, Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в., т. I, Спб. 1888, стр. 165.

[3]) *Ключевский*, Курс рус. ист., IV, стр. 402—403.

[4]) *Семевский*, Крест. вопр., I, стр. 22.

работ [1]). Вольное экономическое общество, учрежденное в 1765 г., объявило конкурс на премию в 1.000 червонцев за сочинение на тему о том, в чем состоит собственность земледельца,—в земле или в движимости, и премию получил Беарде-де Лаббей, доказывавший необходимость полноты собственнических прав крепостных [2]). И позднее губернаторы Сиверс и Мельгунов доказывали необходимость ограничения крепостного права [3]).

Сама Екатерина в „Наказе“ стояла на той же точке зрения: она находила там необходимым определение повинностей крестьян особым законом, наказание помещиков, мучающих своих крестьян, ограждение крестьянских прав на имущество и свободу заключения браков [4]).

В виду этого представляется весьма вероятным предположение Сергеевича, что известный козловский дворянский депутат Коробьин, выступивший в комиссии 1767 года в защиту ограничения крепостного права, говорил не без внушения Екатерины, встретил ее моральную поддержку, чем объясняется и популярность Коробьина среди крепостнически-настроенных депутатов, выбравших его в частные комиссии [5]). Его поддержали, однако, в своих выступлениях всего пять депутатов, из которых трое представляли не дворянство, а пахотных солдат, черносошных крестьян и однодворцев, и только двое были дворянскими депутатами с юга, недавно присоединенного, из Екатеринослава и Бахмута, где крепостное право еще не пустило корней [6]). За определение крестьянских повинностей стояли также некоторые депутаты в заседаниях частных комиссий [7]).

К числу тех же умеренных либералов принадлежал и грешивший в юности конституционными мечтаниями и составивший тогда даже специальный проект конституции даровитый автор комедий Денис Иванович фон-Визин. Его „Бригадир“—объяснительно - сатирическая

---

[1]) Там же, I, стр. 29.
[2]) Там же, I, стр. 53 и след.
[3]) Там же, I, стр. 180, 182.
[4]) Там же, I, стр. 41.
[5]) *Флоровский*, Из истории екатер. закон. ком., стр. 102—104.
[6]) Там же, стр. 122—128.
[7]) Там же, стр. 201 и след.

комедия, направленная против столичных [1]) петиметров и кокеток, а „Недоросль“ обличает невежество дворянства провинциального. Одной из характерных черт фон-Визина является его национализм, ненависть ко всему иностранному [2]): это—зародыш тех настроений, которые впоследствии окрепли у декабристов.

Но настоящим последовательным либералом нового типа был Николай Иванович Новиков, деятельность которого как издателя сатирических журналов нам уже известна, была только первым и сравнительно еще не очень ярким проявлением его убеждений. Он, правда, всю жизнь сохранил влечение к сатирической публицистике и после „Трутня“ и „Живописца“ пытался выпускать целый ряд таких же изданий, но под влиянием неблагоприятных внешних условий предприятия его в этом направлении постепенно все бледнели, хирели и глохли, пока, наконец, он не вынужен был совсем их бросить и направить свою выдающуюся энергию в другую сторону.

Еще одновременно с изданием сатирических журналов Новиков занялся изданиями научного характера—исторического и географического, точнее гидрографического. Он издал „Опыт исторического словаря о российских писателях“, выпускал библиографический журнал „Сенктпетербургские Ученые Ведомости“ и положил этим основание русской литературной критике и научной библиографии [3]). Весьма важным является многотомное издание материалов по русской историй—первоисточников, отчасти и статей, на них основанных, предпринятое Новиковым под названием—„Древняя Российская Вивлиофика“. Знакомство с прошлым, с историей, как средство национального самосознания—вот что здесь больше всего интересовало Новикова [4]). Наконец, была издана Новиковым еще „Древняя Российская Идрография“—описание водных путей древней Руси, нечто вроде частичной русской исторической географии [5]).

---

[1]) *Тихонравов,* Сочинения, т. III, стр. 120.
[2]) Там же, III, стр. 120.
[3]) *Тихонравов,* Сочинения, III, стр. 139, 141.
[4]) Там же, III. стр. 141; *Боголюбов,* Н. И. Новиков, стр. 132 и сл.
[5]) *Боголюбов,* Н. И. Новиков, стр. 135.

Но все это были только первые этапы деятельности Новикова. Полный ее расцвет начался тогда, когда Новиков вступил в связи с масонством. Масонство было видным явлением духовной культуры русского дворянского общества XVIII века, и потому на нем необходимо теперь остановить внимание.

Масонство в Западной Европе возникло в Англии в начале XVIII века и имело там две системы—новую и древнюю. Новая английская система была просто общением светских людей между собою, некоторым подобием клуба, в который люди сходились во имя умственных интересов и для развлечения, и где масонское деление на учеников, подмастерьев и мастеров, песни и обряды служили только внешним символом взаимной связи членов, причем обрядность, ритуал были доведены до минимума. Древняя английская система масонства, на самом деле возникшая позднее новой, носила на себе печать строгой моральной дисциплины. Здесь-то и выдвинута была основная идея масонства вообще, противоположная идее просветительной философии XVIII века или „вольтерьянства“: идея, что важны не экономические и политические реформы, проповедуемые просветительной философией, а нравственная дисциплина духа, самоусовершенствование, исправление нравов, развитие нравственной личности.

С древней английской системой теснейшим образом связана шведско-немецкая система Цинцендорфа: для нее важнее всего также была строгая мораль; она не ценила ни пышного ритуала, ни сложной организации, ни мистицизма.

Были затем в западно-европейском масонстве системы, для которых главное был обряд, которые ценили обрядовую пышность, игру молитвами и клятвами и сложную многостепенную организацию. Таковы были шведская система и так-называемое французское рыцарство. Но масоны шведской системы были все же серьезнее французского рыцарства: у них была и умственная работа, и нравственные и филантропические задачи, сближавшие их с системами древ не-английской и Цинцендорфа.

Но особенно замечательны были три остальные системы масонства, из которых две потом слились в одну.

Это были возникшее в Германии „благотворное рыцарство“, образованное в юго-восточной Франции общество истинного масонства, главным идеалом которого был Сен-Мартен, и которое в 1782 г. слилось воедино с „благотворным рыцарством“, и розенкрейцерство или братство злато-розового креста. „Благотворное рыцарство“ вело свое происхождение от ордена тамплиеров или храмовников, и кроме сложного ритуала, сложной организации с высшими „теоретическими“ градусами и моральной дисциплины, отличалось еще связанным с наклоностью теоретических градусов мистицизмом. Сен-Мартен объявил положительные, научные знания совершенно ненужными, вполне заменял их мистическим откровением. Розекрейцеры были родственны по настроению благотворным рыцарям или мартинистам. У них было девять степеней: 1) юниорат, 2) теоретическая степень, 3) практик, 4) философ, 5) минор, 6) майор, 7) adeptus exemptus, 8) магистр, 9) маг. Маги оставались неизвестными братьям. Magus magorum, по учению розенкрейцеров, непосредственно видит Христа, и ему подчиняется природа. Благодаря алхимическому средству „урим“ начальники розенкрейцеров знают и видят все, что делают братья. Первой задачей розенкрейцерства, как и мартинизма было ниспровержение авторитета разума, полное отрицание рационализма, который был еще силен в ново английском масонстве. Вторая задача—отделаться от всех „елементальных“ или „стихийных“ качеств, вырваться из „брюхового мира“, чтобы приблизиться к „ментальной“ сущности человека. Корень суетных мечтаний—в „самости“, эгоизме; „самость“ и надо уничтожить укрощением страстей, аскетизмом. Тогда наступает душевное спокойствие, без которого нет счастья, сосредоточение внутри себя, общение души с богом в спокойной (не ревностной) молитве, которою человек отдается всецело на волю божию. Тогда исчезает все тленное, открывается внутренний человек, и утверждается в сердце мистическое самопознание. Но это самопознание—ступень к познанию мира, так как человек—микрокосм, в котором отражается макрокосм, „внешняя натура“. Стихии человеческой души—вера, надежда, любовь. Им во внешней натуре соответствуют соль, меркурий, сера. Соль—твердая существен-

ность, сухое первое начало вещей, меркурий—духовная жидкость, жидкое начало вещей, сера—жирное первое начало, связывающее воедино два первые начала сухое и жидкое. От этих трех начал происходят все металлы, в том числе золото—совершенный металл, в котором все стихии находятся в равенстве. Между судьбой мира и судьбой человека существует неразрывная связь. Первоначально и внешняя натура и человек созданы были чистыми и светлыми. Грехопадение Адама—микрокосма повело и к падению макрокосма—всей натуры. Спасение человека будет и очищением мира. Предшественник этого очищения--братство истинных масонов и „святой царь". Когда у всех народов будут „святые цари", приблизится, а потом и осуществится полное обновление мира, человека и человеческого общества [1]).

Масонство на Западе, начавшее в ново-английской системе рационализмом и деизмом,—принципами, свойственными и просветительной философии XVIII в., исходя из начала личного самосовершенствования человека как основы совершенства и общества и всего мира, кончило таким образом полным отрицанием разума, возвеличением мистики, веры и монархизма. Оно стало для погибающего старого порядка в Европе, для терпевшего крушение дворянства реакционной идеологией, тогда как „вольтерьянство", просветительная философия, особенно в лице энциклопедистов и Руссо, явилась идеологией стремящейся к власти революционной тогда буржуазии. Эта реакционная роль масонства на Западе вызвала и резкое ему противодействие в обществе иллюминатов, основанном баварским профессором Вейсгауптом; иллюминаты были революционеры, принявшие формы масонской организации, чтобы лучше ей противодействовать

В России вольтерьянство и масонство заняли в виду своеобразия русских условий, вследствие нашей отсталости, оригинальное положение. Наше дворянство стояло еще прочно у власти. Оно усвоило себе вольтерьянство как моду—уродливую у Струйского и ему подобных

---

[1]) *Вернадский*, Русское масонство в царствование Екатерины II. Петрогр., 1917. Ср. *Лонгинов*, Новиков и московкие мартинисты; *Пыпин*, Русское масонство; *Боголюбов*, Новиков.

невинную и практически-бесплодную, как забаву и игрушку, у Екатерины и ее „орлов“. Таких искателей правды и истины, как Новиков, русское вольтерьянство своею бесплодностью не удовлетворяло. Он попробовал найти „древние добродетели“ в русской старине, в истории. Он хотел дать в своих исторических изданиях „начертание нравов и обычаев предков, чтобы познать великость духа их, украшенного простотой“. Но простота его не утешила: ведь он нашел, что она прикрывает невежество, грубость, произвол, суеверие и нетерпимость. Новиков был добросовестным исследователем с тонким критическим чутьем и пониманием важности первоисточников, документов, которые и открыли ему глаза на прошлое, научили его понимать, что необходимо какое-то новое и глубокое просвещение, нужно цельное миросозерцание. Он и попытался найти его в масонстве, поняв по своему и расширив его задачи. Психология его здесь та же, что у сектантов: религиозная, мистическая форма протеста и ему, как и сектантам, оказалась наиболе доступной на первых порах.

Впрочем, первоначальное русское масонство, усвоившее себе ново-английскую систему, когда оно, начавшись как ряд единичных, неорганизованных явлений при Елизавете, приняло при Екатерине II в 70-х годах организованный характер [1]), носило на себе также печать моды и грубого карьеризма. Елагин, его глава в первое время, сам сознавался, что масонство „почитал совершенною игрушкою, для препровождения праздного времени вымышленной“, и испытывал „лестную надежду, не могу ли через братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастию моему“; в масонстве, говорит он, „открылась мне токмо та истина, что ни я, ни начальники лож иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить (т.-е. ломаться) и при торжественной вечери за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и насчет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится праздеством Бакху“ [2]). Ложи Ела-

---

[1]) *Вернадский*, Рус. масонство, стр. 13.
[2]) *Лонгинов*, Новиков и моск. мартинисты.

гина,—их было в 70-х годах 14, и он считался их провинциальным великим мастером,—были, как и их новоанглийские образцы, светскими клубами, где можно было хорошо поужинать и провести время с приятными знакомыми [1]).

Почти одновременно с ложами Елагина в России появились ложи системы Цинцендорфа со строгой нравственной дисциплиной. Руководителем их явился Рейхель. В 1774 г. из елагинских лож многие стали переходить в ложи Рейхеля. Тогда и Елагин стал хлопотать об объединении с Рейхелем и достиг этого в 1776 г., причем главенство осталось за Елагиным, а его помощником—наместным мастером—стал граф Никита Панин. В 1784 г. Елагин распустил ложи вследствие преследований со стороны Екатерины и снова их восстановил только в 1786 г. [2]).

Были в России и представители других масонских систем. Но важнее других было влияние Рейхеля и розенкрейцерство. С Рейхелем в связь вступил и Новиков, жаждавший цельного миросозерцания: он просил Рейхеля открыть, где истинное масонство. Рейхель был растроган исканиями Новикова, его жаждой истины, обещал открыть, и Новиков нашел в ложе Рейхеля, что „тут было все обращено на нравственность и самопознание“ [3]).

В 1778 г. два московских масона—князь Н. Н. Трубецкой и Херасков—пригласили Новикова в Москву снять в аренду университетскую типографию, и он в 1779 г. переехал из Петербурга в Москву, где и устроил на следующий год ложу по заветам Рейхеля: целями были поставлены нравственное самоусовершенствование и, что гораздо важнее, нравственно-просветительная деятельность на пользу общества. В Москве Новиков сблизился с профессором Шварцем, масоном-мистиком по настроению, членом ложи Новикова. Шварц составил и осуществил план педагогического семинария при университете, а в 1781 г. основал собрание университетских

---

1) *Вернадский*, Рус. масонство, стр. 19—21.
2) Там же, стр. 32—37.
3) *Боголюбов*, Н. И. Новиков, стр. 259.

11*

питомцев—общество ученой молодежи для самообразования и нравственного самоусовершенствования. Наконец, он составил и план Общества для распространения в России истинного просвещения для издания книг. В 1782 г. Шварц присутствовал на международном конвенте масонов и признан был там фактическим главой русского масонства—„верховным предстоятелем“, а Новиков — его помощником — „главным предстоятелем“. Шварц в это время окончательно стал розенкрейцером, особенно интересовался алхимией и магией и обратил в розенкрейцерство всех в московской ложе, в том числе и Новикова. Поэтому Новиков предпринял издание масонских журналов: сначала выходил „Утренний Свет“, потом „Московское Издание“, наконец, в 1782—1783 годах, „Вечерняя Заря“ [1]).

Но центр тяжести деятельности Новикова лежал не там, где он был у Шварца,—не в алхимии и магии,—а в просветительно-благотворительной работе. В 1779 г. он учредил „Дружеское ученое общество“, в 1781 г. переводческую семинарию при университете, причем студенты ее, как и студенты педагогического семинария, содержались на счет Дружеского общества. В 1784 г. члены Дружеского общества составили Типографическую компанию, открыли книжный магазин и первую в России публичную библиотеку. С 1780 г. для помещения статей сельскохозяйственного содержания Новиков стал издавать при „Московских Ведомостях“ особый журнал—„Экономический Магазин“ под редакцией Болотова. Во второй половине 80-х годов он издавал также журнал для детей „Детское Чтение“. Дружеское общество открыло в Москве свою аптеку, из которой бедным лекарства отпускались бесплатно, а в 1787 г., когда Россию постиг неурожай и голод, оказало первую в России общественную помощь голодающим. Душой всех этих многочисленных и новых в русской жизни предприятий, их действительным организатором был Новиков [2]). Его главная заслуга и заключается в том, что он смог и

---

[1]) *Вернадский*, Рус. масонство, стр. 207—208; *Боголюбов*, Н. И. Новиков, стр. 259 и сл.

[2]) *Боголюбов*, Н. И. Новиков, стр. 326 и след.

сумел в конце XVIII в. предпринять практическое просветительное, литературное и общественное дело и развернуть его очень широко.

С 1785 года начинаются преследования Новикова правительством. Митрополиту Платону предписано было испытать Новикова в законе божием, но Платон после испытания признал его вполне православным. В 1786 г. книги, изданные Новиковым, были признаны „наполненными новым расколом для обмана и уловления невежд". Из книг, им изданных,—их было 461—23 были признаны „сумнительными". Преследования разорили Типографическую компанию, она закрылась, и все долги ее Новиков принял на себя. В 1792 г. Новиков был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, и дело его, при участии самой Екатерины, повел Шешковский. Когда Новиков был уже в крепости, обнаружены были сношения масонов с Павлом, и это отягчило участь Новикова. Он был обвинен в „заведении новой секты" и в печатании книг против христианства и власти и осужден на заключение в крепости на 15 лет. В 1796 г. он был освобожден Павлом и до смерти своей в 1818 г. жил в бедности у себя в деревне [1]).

Много потерпел и другой русский либерал XVIII в. поручик Федор Кречетов. После ряда лет службы в мелких должностях—писца, аудитора и проч.—он в 1775 г. вышел в отставку, а в 1779 г. в чине поручика служил в герольдии сената. Он был человек очень начитанный и большой энтузиаст. Главной его мечтой было учреждение „Всенародного вольного к облагодетельствованию всех общества для открытия юридических школ и распространения юридических знаний". После появления „Наказа" Екатерины он подал прошения императрице, синоду, митрополиту, вельможам о необходимости организовать такое общество. Писал он много, но изданы были только брошюра о проектируемом им обществе под заглавием „Не всио и не ничего" и объявление в 1787 г. о новом издании „О всех и за вся или российский патриотизм". Объявление это было конфисковано

---

[1]) *Лонгинов*, Новиков и моск. март.; *Пыпин*, Рус. мас., стр. 312 и сл.; *Боголюбов*, Н. И. Новиков, стр. 383 и сл.

петербургской управой благочиния как напечатанное без ее разрешения, и в 1790 г. Нижний надворный суд запретил Кречетову печатать что-либо подобное. В 1793 г. один из собеседников Кречетова, с которыми он вел разговоры на политические темы, донес на него, что он считал возможным свержение монарха, если он не соблюдает законов, не признавал чинов и титулов, высказывался за Радищева, утверждал, что дворянство наживается, духовенство пьянствует и т. д. Кречетов был заключен в Шлиссельбургскую крепость, как и Новиков, и был освобожден лишь Александром I в 1801 г. совершенно больной и неспособный к труду [1]).

Участь Новикова и Кречетова была тяжела, хотя ничего революционного в их планах и действиях не было. Слова Кречетова в раздражении в счет не идут. Не менее тяжела была участь Александра Николаевича Радищева, по настроению своему и убеждениям несомненного русского революционера из интеллигенции.

Он получил воспитание заграницей, в Лейпциге, куда был отправлен вместе с несколькими товарищами на правительственный счет. Один из его товарищей—Ушаков,—рано умерший, оказал на него огромное влияние своими революционными убеждениями. Они с Ушаковым особенно увлеклись Гельвецием и эмпирической философией. Радищев буквально горел ненавистью к насилию и самовластию, усвоил себе революционное настроение. Ему принадлежат два произведения совершенно исключительные по проникающему их чувству негодования и по резкости тона: это—ода „Вольность“ и „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Ода „Вольность“—настоящая прокламация в стихах против царизма. Вот ее характерные места:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На грозном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея,
„По воле“, рек, „щажу злодея,
Я властию могу дарить.

---

[1]) *Корольков*, Поручик Федор Кречетов, шлиссельбургский узник XVIII ст.: „Былое“ за 1906 г., апрель, стр. 43—60.

Коль я смеюсь, то все смеется,
Нахмурюсь грозно,—все смятется,
Живет тогда, велю коль жить".

. . . .

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит:
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд ум всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя,
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя [1].

Такие речи в расцвет самодержавия в России XVIII века были совершенно невероятны.

Невероятным казалось и отношение Радищева в расцвет крепостного права к положению крестьян. Мы видели, что Новиков обличал отдельные злоупотребления крепостным правом. Но ряд картин, нарисованных Радищевым в его „Путешествии из Петербурга в Москву" и притом не придуманных, а вырванных прямо из жизни, воочию показал, что крепостное право—все в целом одно сплошное злоупотребление. Нет ничего красноречивее и убедительнее в этом отношении, чем следующие слова Радищева: „Что мы крестьянину оставляем? То, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух. Отъемлем нередко у него не токмо дар земли хлеб и воду, но и самый свет. Закон запрещает отъяти у него жизнь, но разве мгновенно. Сколько способов отъяти ее у него постепенно! С одной стороны, почти всесилие, с другой—немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и по желанию своему истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий воли в ярме" [1]).

Ода „Вольность", конечно, в свое время печати не увидела, но Радищев имел смелость напечатать свое „Путешествие" и жестоко за то поплатился. Он был

---

[1]) *Ашешов*, А. Н. Радищев, Петербург, 1920.
[2]) Путешествие из Петербурга в Москву, Спб 1790, стр 321—322.

отдан в руки Шешковского, при одном известии о чем лишился чувств, а затем был приговорен сенатом к смертной казни и „помилован" Екатериной,—послан в ссылку в восточную Сибирь, в Илимск. Оттуда он был возвращен при Павле, служил под начальством графа Завадовского при Александре I, но и тут не мог себя сдержать, однажды откровенно высказав своему начальнику такое свое мнение, что Завадовский напомнил ему о возможности снова пропутешествовать в Сибирь. Это так подействовало на Радищева, что, вернувшись домой, он кончил жизнь самоубийством.

Нам остается теперь отметить те перемены, которые совершались в течение последних трех четвертей XVIII века в настроении и духовно-культурных течениях купечества и мещанства, с одной стороны, и крестьянства—с другой.

Купечество и мещанство составляли довольно активные элементы в развитии торгового капитализма и, как мы видели, получили в значительной мере ту степень правового обеспечения, какая была возможна при самодержавном строе и господстве дворянства. Естественно, что стала слабеть и его оппозиция, выражавшаяся прежде, как нам известно, в старообрядческой поповщине и в умеренных толках беспоповщины.

Что касается поповщины в первой половине XVIII века, то она не ограничивалась принятием беглых попов господствующей церкви и перемазыванием их, а попыталась создать себе на Ветке свою собственную высшую церковную иерархию—своих архиереев. Таковые и появились в лице сначала Епифания, потом Афиногена и Анфима. По личным своим качествам эти архиереи далеко не удовлетворяли необходимым требованиям, но они поставляли старообрядческих священников, а это было главное. Но существование заграницей поповщинского иерархического центра противоречило интересам дворянской государственности: казалось, целесообразнее самое умеренное течение в старообрядчестве держать у себя под рукою. И потому в 1764 г. русские войска, посланные в Польшу для поддержки кандидатуры на престол Понятовского, разорили Ветку. Но это не означало разрыва правительства с поповщиной, а, напротив, сопрово-

ждалось смягчением отношений, сближением с ней: правительство пригласило в Саратовский край на реку Иргиз одного из виднейших расколоучителей Сергея Юршева, который и положил здесь основание монастырям, где перемазывали беглых православных священников. Поповщинский собор 1783 г. постановил ни откуда, кроме Иргиза, священников не принимать. К старообрядческой поповщине установилось таким образом терпимое отношение со стороны дворянского правительства [1]).

То же самое надо в общем повторить и по отношению к умеренному толку беспоповщины — поморцам. Правда, в 1739 г. правительство отправило на Выг под начальством Самарина комиссию для записи беглых в подушный оклад и с целью заставить молиться за царя. Но эта комиссия и разорение Ветки в отношении к поповщине повела к сближению поморцев с властями: на Выгу было принято все, чего требовал Самарин, так что противники поморцев из среды старообрядчества стали их звать даже „самарянами" [2]).

Федосеевцы были оппозиционнее, потому что действовали не на далеком севере, где дворянская конкуренция не чувствовалась, а главным образом в центре. Но и они пользовались терпимостью и это дало возможность Ковылину, богатому московскому купцу, создать федосеевский торговый и религиозный центр в Москве—так-называемое Преображенское кладбище [3]).

Мы уже видели, однако, что еще при Петре Великом крестьянство, доведенное до отчаяния дворянской государственностью и тяготами, от нее исходящими, выделило из старообрядчества настоящую секту, шедшую очень далеко в отрицании существовавшего тогда государственного и церковного строя,—нетовщину. Под знаком того же отчаяния, вызванного полным расцветом крепостного права, шли почти все оппозиционные, сектантские крестьянские движения XVIII века [4]).

Первыми из них были странники или бегуны. Когда на Выг прибыла комиссия Самарина, и выгорецкая бес-

---

[1]) *Милюков,* Очерки по истории рус. культуры, III.
[2]) Там же.
[3]) Там же; *Никольский*—в „Рус. ист." Покровского, г. IV.
[4]) *Никольский*—в „Рус. ист." Покровского, IV.

поповщинская торговая и промысловая буржуазия оказалась податливой на ее домогательства,—это вызвало протест со стороны демократических, крестьянских элементов Выгорецкой общины. Келейник Денисова Филипп, не желая подчиниться Самарину, сжег себя вместе со своими последователями. Его ученик Евфимий стал проповедывать необходимость убегать от диавола, странствовать. Странники находили приют у своих единомышленников, живших в миру до времени, но перед концом жизни считалось необходимым фактически осуществить бегунство [1]).

Тем же отчаянием продиктовано было духовное христианство, хлыстовщина или христовщина, мистическая секта, признававшая источником веры вещание духа святого, сходящего на верующих во время радения. Эта секта получила сильное распространение в первой половине XVIII в. Иногда радения принимали характер свального греха, но эти явления, несомненно, преувеличены обвинителями хлыстов из среды господствующей церкви. Самое название „хлыстовщина“ дано секте ее противниками; сами сектанты звали себя Израилем [2]). Отдельные проявления распущенности вызвали в 80-х годах противодействие в среде самих сектантов, аскетическое направление.

В одном из хлыстовских кораблей появился в орловских местах основатель новой секты, ответвившейся от них,—скопчества. То был Кондратий Селиванов. Он проповедывал во имя аскетизма оскопление и сулил скопцам в будущем царство на земле. Скопчество поэтому вобрало в себя более зажиточные, кулацкие элементы крестьянства. Хозяйственность, скопидомчество, ростовщичество — вот куда направлялась энергия скопцов. В 1774 г. Селиванов и его Иоанн Предтеча Шилов были арестованы, наказаны батогами и сосланы в Сибирь [3]).

К концу XVIII века, в последней его четверти, настроение отчаяния переставало, однако, уже всецело владеть крестьянской массой; смутно чувствовалось, что

---

[1]) Там же.

[2]) *Бонч-Бруевич*, Очерки рус. сектантства.

[3]) *Никольский*—в „Рус. ист.“ Покровского, V, стр. 177—178.

достигшее своего апогея крепостное право начина т уже разлагаться, по крайней мере разложение это уже близится. Вследствие этого появились две родственные секты—духоборы или духоборцы и молокане, первые среди казацкого населения, вторые в среде мещанства и крестьянства. Основателями духоборческой секты были Побирохин в тамбовской губ. и Колесников в екатеринославской; молокане пошли от зятя Побирохина Укпеина. Обе секты признавали источником веры не писание само по себе, но и не дух в смысле экстаза в радении, а разум человеческий, который дает возможность в писании отличить истинное от ложного. Разумная критика—это уже рационалистическое сектантство. Молокане нс отвергали ничего в традиционных верованиях, но проповедывали возврат к первоначальному христианству. Духоборы находили необходимой общественную организацию труда [1]). Полуанархические—полукоммунистические идеалы начинали таким образом слагаться в народных массах.

---

[1]) Там же, V, стр. 190 и след.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Старый порядок в Западной Европе.

I.

Старый порядок во Франции.

Расцвет старого порядка во Франции—это царствование Людовика XIV, продолжавшееся свыше семидесяти лет—с 1643 по 1715 год. Но, конечно, изучая период полного господства дворянства во Франции, придется брать много фактов и явлений также из эпохи Людовика XV (1715—1776 г.г.), особенно из первой половины XVIII века.

Территория Франции в 1743 г. простиралась до 460 тысяч кв. километров, и на ней жило тогда около 14 милл. человек [1]). К концу царствования население увеличилось до 19 миллионов, т.-е. более, чем на 26%, а территория выросла на 8% вследствие завоеваний [2]). Исследователи, впрочем, замечают, что рост населения является результатом не столько естественного прироста, сколько большой плотности населения вновь завоеванных провинций [3]). Как бы то ни было, даже с этой оговоркой, все же приходится признать увеличение населения при Людовике XIV благоприятным показателем в отношении народного хозяйства: каковы бы ни были хозяйственные частности, в общем, очевидно, надо признать, что развитие производительных сил имелось налицо. Одним из признаков этого является и то обстоя-

---

[1]) *Moreau de Jonnès*, Etat économique et social de la France depuis Henri IV juspu'a Louis XIV, P., 1867, стр. 141, 145.

[2]) Там же, стр. 242, 263.

[3]) Там же, стр. 263.

тельство, что производительность французского земледелия была при Людовике XIV выше, чем раньше и позднее: при Генрихе IV в 1684 г. она оценивалась в 900 миллионов франков, по 70 франков на жителя, при Людовике XV в 1 миллиард 647 миллионов франков, по 80 франков на жителя, а при Людовике XIV в 1700 г. общая ценность производства в земледелии доходила до 1 миллиарда 890 миллионов франков, что составляло 100 франков на жителя [1]).

Страна, как всегда при старом порядке, оставалась по преимуществу земледельческой: земледелием занято было $^3/_4$ всего населения [2]). Делала, однако, большие успехи индустрия, чему содействовал кольбертизм, тот высший вид меркантилизма, который насадил и развил министр Людовика XIV Кольбер, и который сводился к усиленному покровительству всякими способами индустрии. Заботясь о шерстяной промышленности, Кольбер основал около Каркассоны первую во Франции фабрику тонких сукон; в 1648 г. появилась в Седане суконная фабрика Кадо, в 1681 г. в Лувье фабрика сукон, подобных нидерландским. В 1669 г. во Франции считалось 34.200 мастерских для выделки сукон и приготовления одежды с ежегодным производством в 20 милл. ливров и с 60.400 человеками рабочих [3]). Как видно из сопоставления числа рабочих с числом заведений, это были большею частью мелкие мануфактуры. При этом рынок внутри страны отличался слабой покупательной способностью; крестьяне большею частью носили одежду домашнего производства [4]). Кольбер заботился также о производстве ковров в Бове и в Гобелене около Парижа [5]). Шелковые фабрики Нима в 1683 г. производили 2 миллиона кусков шелковых материй [6]). Зеркальные фабрики появились в Париже в 1665 г. и в С.-Габэне в Пикардии [7]). Для массового потребления работали за-

---

[1]) Там же, стр. 49.
[2]) Там же, стр. 277.
[3]) Там же, стр. 335—336.
[4]) Там же, стр. 337.
[5]) Там же, стр. 339.
[6]) Там же, стр. 340.
[7]) Там же, стр. 341.

воды белого железа, веревок и парусов [1]). Кольбер учредил также инспекторов промышленности, торговые палаты и консульства заграницей [2]). Внутренняя торговля, естественно, росла вследствие успешного развития индустрии, что было признаком развития торгового капитализма. Росла также и торговля внешняя: в 1715 г. вывоз Франции оценивался в 105 милл. 670 тыс. фр., а ввоз с 71 милл. фр. [3]). Меркантилистское требование благоприятного торгового баланса имелось налицо. При этом половина вывоза приходилась на продукты сельского хозяйства, около 40% — на мануфактурные изделия, остальное падало на сырье. Предметами ввоза служили главным образом фабрикаты [4]).

Техника производства была не высока: в индустрии применялся ручной труд, в сельском хозяйстве еще в конце XVIII в. английский путешественник—агроном Артур Юнг наблюдал почти повсеместно лишь паровое зерновое хозяйство с трехпольным севооборотом.

Относительно распределения землевладения между отдельными классами французского общества XVII и XVIII веков между исследователями существуют разногласия, и окончательных, вполне достоверных данных, относящихся ко всей Франции, до сих пор не имеется. Некоторые полагают, что в XVIII веке пятая часть земли принадлежала дворянству, пятая духовенству, пятая буржуазии, пятая крестьянству, пятая государству, прибавляя при этом, что привилегированным сословиям—дворянству и духовенству—принадлежали земли лучшие по качеству [5]). Но другие считают, что привилегированные владели одной третью, даже половиной всей земли [6]). Не подлежит теперь сомнению, что дворянство в XVII и XVIII веках постепенно сокращало свои земельные владения, теряло землю, продавая ее в другие руки.

---

[1]) Там же, стр. 342.
[2]) Там же, стр. 342, 343.
[3]) Там же, стр. 344.
[4]) Там же.
[5]) *Taine*, Les origines de la France contemporaine, t. 1-er, l'ancien régime.
[6]) Таково мнение Шампиона (Champion).

Давно высказанное мнение [1]), что потеря эта шла на пользу главным образом крестьянства, скупавшего владения разорявшихся дворян, отвергаемое некоторыми исследователями [2]), получило хорошее обоснование в специальных исследованиях, не охватывающих пока, однако, всей территории Франции. Доказано, что в чисто-земледельческих провинциях, подобно Лимузену, дворянство продавало много своей земли и притом большею частью не целыми имениями, а отдельными их частями, так что имения размельчались и попадали в руки крестьян, хотя, конечно, бывали случаи и буржуазных капиталистических покупок, когда приобретались целые имения, и даже одним лицом скупалось несколько имений [3]). Но в то же время и буржуазия, покупая земли, часто перепродавала их крестьянам [4]). В общем крестьянство таким образом было в земледельческих провинциях главным скупщиком земли [5]) и, конечно, это было здесь по преимуществу зажиточное, крепкое крестьянство [6]). В сущности и в провинциях с более или менее значительной примесью промышленности к земледелию совершался тот же процесс, только там, с одной стороны, большую долю земли приобретала буржуазия, с другой—крестьянство покупало большею частью более мелкими участками, отличалось малоземельем, было в полупролетарском положении, боролось мелкими покупками с развивавшейся там крупной, капиталистической арендой [7]). Надо, впрочем, ко всему этому прибавить, что описанные сейчас явления относятся к XVIII в., даже ко второй его половине, ко времени, когда началось разложение старого порядка и его хозяйственных основ. В XVII веке мы не вправе предполагать в данном отношении ничего, кроме слабых, отдельных зародышей будущего: тогда дворянское хозяйство держалось еще крепко. Впрочем, и в XVIII веке дво-

---

[1]) *Токвиль*, Старый порядок и революция, стр. 17 и сл.

[2]) Особенно Шампионом и Ковалевским.

[3]) *Лучицкий*, Крестьянское землевладение во Франции накануне революции, стр. 164 и след.

[4]) Там же, стр. 186 и др.

[5]) Сам же, стр. 202.

[6]) Там же стр. 206, 109.

[7]) Там же, стр. 109, 173.

рянам принадлежало еще от 15 до 20% всей земли во Франции, крестьянство на юге и в центре Франции имело до 50% земли, а на севере и западе значительно меньше[1]) Во всяком случае рост землевладения зажиточного крестьянства во Франции при старом порядке показывает, что будущий господин положения—буржуазия—вышел не только из старого городского сословия, но и в значительной мере также из среды крестьянства, особенно из его состоятельных верхов, всегда хорошо умевших приспособиться к обстоятельствам.

Большое значение имеют формы производства в сельском хозяйстве и в промышленности. Выше были приведены факты, указывающие на развитие более или менее крупной, но чаще мелкой капиталистической мануфактуры во Франции XVII и XVIII веков, чему сильно содействовал кольбертизм, меркантилистская политика правительства. Но таким же содействием, покровительством правительства пользовалась тогда и деревенская, крестьянская индустрия. В большинстве случаев деревенская индустрия принимала характер кустарного производства, являвшегося подсобным занятием, дополнительным заработком для крестьянина-земледельца, не оторвавшегося еще от земли, продолжавшего заниматься главным образом земледелием, но не получавшего от этого занятия достаточного дохода, который мог бы покрыть все потребности. При этом бывали случаи работы кустаря только на местный небольшой рынок, но очень часто, гораздо чаще, крестьяне-кустари эксплоатировались скупщиками из городской буржуазии, которая применяла известные нам уже из многочисленных примеров в истории разных стран формы торговой капиталистической эксплоатации мелкого производителя, именуемые „домашней индустрией“: ссужались материалы, иногда и орудия труда осенью, а весною, с ростовщическими процентами, с лихвой взыскивался этот долг в виде готового продукта[2]).

---

[1]) Там же, стр. 189; *Loutchiscky*, L'état des classes agricoles en France à la veille de la Revolution.

[2]) *Тарле*, Рабочий класс во Франции в эпоху революции, т. II, стр. 78—140.

Гораздо сложнее вопрос о формах во французском сельском хозяйстве при старом порядке. Он так тесно связан при этом с сословным и классовым положением французского крестьянства, что отделить изложение того и другого вопроса совершенно невозможно.

Среди французского крестьянства XVII и XVIII веков собственно крепостных, сервов, лично-прикрепленных было вообще мало, и чем позднее, тем становилось меньше. Да и из их числа лишь совершенно ничтожная часть—те, кто подлежал так-называемой servitude personnelle,—была действительно крепостной, не имела права освободиться от зависимости и была крепка земле. Бóльшая часть лично-крепостных подлежала servitude réelle и могла в каждую данную минуту порвать отношения зависимости, оставив землю [1]). Сервы были ограничены в правах: без разрешения сеньера они не могли продавать свою землю, если покупатель не принадлежал к той же сеньерии; не могли они и завещать свою движимость без такого же завещания; иногда существовало у сеньера и право разрешения на брачные союзы сервов с особой пошлиной за это—droit de formariage; судьи могли не принимать свидетельства серва на суде в деле сеньера [2]). Главная повинность серва—таллия в пользу сеньера,—прямой поголовный налог; но сверх того он, как и другие разряды крестьянского населения, подлежал барщине (la corvée) от 5 до 12 дней в году [3]).

Эти данные уже дают основание сделать выводы о формах хозяйства как на землях сеньеров, владельцев сервов, так и на землях, которыми владели сами сервы. Так как барщина не была тяжелой, не захватывала нескольких дней и даже одного дня в неделю, то, очевидно, хозяйство сеньеров не было крупным и велось не одним крепостным, а и наемным трудом, а сервы, конечно, имели собственные небольшие хозяйства.

Но подавляющее большинство крестьянства уже не было крепостным, крепостной, обложенной сеньериальными повинностями, была только часто его земля. Лишь

---

[1]) *Кареев*, Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, М., 1879, стр. 18—19.

[2]) Там же, стр. 22—23.

[3]) Там же, стр. 22—24.

в виде исключения встречалась совершенно свободная крестьянская полная собственность—алод. Большею же частью крестьяне владели крепостной собственностью—цензивами, называвшимися так потому, что они подлежали цензу, т.-е. оброку в пользу сеньера. Но кроме ценза на цензиве лежали еще другие поборы: поборы при наследовании цензивы (reconnaisances), при ее продаже (lods et ventes); иногда у сеньера даже было право выкупа цензивы в свою полную собственность, особенно при продаже ее крестьянином в другие руки. Особым видом ценза был шампар—ценз натурой, долей урожая, довольно обычный во Франции XVII и XVIII веков. Крестьяне платили также десятину деньгами или натурой. Затем был ряд других сеньериальных поборов, вытекавших из монопольного права сеньера держать мельницу, печь и пресс для выжимки винограда [1]). Это—так называемые баналитеты.

Общее название для крестьян, более или менее достаточно обеспеченных собственной землей, было laboureurs—пахари. Более мелкие владения имели journaliers—поденщики, еще мельче были участки виноградерей viynerons. Нищие—mendiants—были большею частью безземельными батраками или занимались отхожими промыслами. Батраки назывались также manouvriers, manoeuvres; у них иногда был дом с огородом и с одной или двумя головами скота [2]).

Крестьяне часто арендовали землю, причем аренда бывала или денежная или гораздо чаще натуральная—половничество (métayage) [3]). Половничество является одним из признаков того большого значения, какое тогда еще имело крепостническое хозяйство: плата исполу—типичный крепостной оброк.

Надо, наконец, заметить, что почти вся тяжесть налогов лежала на крестьянском населении: крестьяне платили государству таллию, затем поголовную подать (capitation), двадцатину ($^{1}/_{20}$ дохода, vingtième), налог на соль, косвенные налоги (aides); на крестьянстве же лежали

---

[1]) *Токвиль,* Старый порядок и рев., стр. 20 и след; *Кареев,* Крестьяне и крестьянский вопрос, стр. 37—57.

[2]) *Кареев,* Крестьяне, и крестьянский вопрос, стр. 103 и след.

[3]) Там же; *Лучицкий,* Крест. землевл. во Франции.

натуральные повинности государству, напр., дорожная [1]). В общем налоги брали у крестьянина в лучших случаях $^1/_3$ или половину дохода, а часто даже $^2/_3$ [2]). Раз в три года обычно повторялись неурожай и голод [3]). В результате положение крестьян оказывалось крайне бедственным: мясо было редкостью, роскошью в пище крестьянина, хлеб, который он употреблял, был дурного качества, соли было мало, масса нищих переполняли города и деревни [4]).

Уже из предыдущего видно, какие сеньериальные права принадлежали привилегированным сословиям—дворянству и духовенству. Но, кроме того, они имели ряд других привилегий. И прежде всего сюда относились привилегии податные. Дворянство не платило талии, а поголовную подать (capitation) платило в очень малых размерах. Платежи дворян в казну были впятеро и вшестеро ниже платежей непривилегированных сословий. Принцы крови платили в год всего 188 тысяч, тогда как, если бы обложение было не то что прогрессивным, а просто равномерным, они должны были бы платить 2 миллиона 400 тысяч ливров в год Духовенство совсем не платило налогов, и давало ничтожный по размерам—2—3 миллиона в год со стомиллионного своего, земельного только дохода—„добровольный дар" (don gratuit). Духовенство ограждало свои привилегии главным образом на своих собраниях, происходивших раз в пять лет. Дворянство, кроме податных привилегий и феодальных прав, имело еще ряд других преимуществ. Оно обладало привилегиями по службе: чин капитана получал лишь дворянин, могущий доказать свое дворянство в четырех поколениях; занимать важную должность maître de requêtes мог также только дворянин. Все церковные имущества и высшие церковные места—епископства, аббатства, приорство были достоянием дворянства. Дворяне занимали высшие гражданские должности. Дворянам принадлежал целый ряд синекур, дававших огромные доходы и не сопряженных ни с какими реальными обязанностями:

---

[1]) *Кареев,* Крестьяне и кр. вопрос, стр. 169 и след.

[2]) Там же, стр. 174.

[3]) *Morau de Jaunnès,* L'etat écon.

[4]) *Taine,* Les orig. de la Fr. cont., I.

таковы были должности губернаторов, за которые получались огромные жалованья, но на лицах, их занимавших, не лежало никакого дела, кроме внешнего представительства; первый maître d'hôtel короля получал 84 тысячи ливров в год, не считая полного содержания и одежды; гувернантки королевских детей получали 115 тысяч ливров в год и т. д.[1]).

Особое сословное положение занимали сравнительно с крестьянами, с одной стороны, и с привилегированными, с другой, горожане, буржуазия.

Города Франции XVII и XVIII веков не были все в одинаковом положении, не имели одинаковых прав в смысле самоуправления: у одних оно было шире, у других уже. И население городов, даже принадлежащее к одному сословию, к буржуазии, не было равноправно, дробилось на сословные группы — bourgeois и vilains. К тому же и отдельные части городов носили на себе печать своего исторического происхождения: в cité (Кремле) существовало еще в остатках влияние сеньера и епископа, а в бурге (на посаде)—буржуазия от этого влияния давно и совершенно была свободна. Словом, сословность, юридическое неравенство царили здесь как и везде при старом порядке.

Вступление в состояние городских обывателей в XVII и XVIII веках требовало особой регистрации после подачи прошения в городское управление и удостоверения, что вступающий достаточно состоятелен, чтобы платить таллию. За вступление полагалась плата деньгами или натурой. При этом вступление в простые обыватели (vilains) оплачивалось ниже, чем вступление в мещане (bourgeois), потому что простые обыватели имели только гражданские права —личные и имущественные,—а мещане обладали и публичными правами, участвовали в управлении городом. Между мещанами различались иногородние и иностранные гости (bourgeois du roi, bourgeois forains) и местные мещане (bourgeois de commune, francs bourgoiis). Права мещанства были феодального происхождения, являлись результатами уступки со стороны сеньера или короля. Это прежде всего было

---

[1]) *Taine*, Les origines de la France contemporaine, t. I: l'ancien régime.

право самоуправления—суда, полиции, установления местной монеты и веса. Но были и личные права: иногда изъятие из таллии, свобода от других налогов, подсудность специальным судам и проч. В 70-х годах XVIII века многие из этих особенностей были уничтожены, чем частично подготовлялось революционное законодательство [1]).

Наследием средних веков во французском городе XVII и XVIII веков являлись многочисленные корпорации, в которые объединялось городское население. Были корпорации лиц свободных профессий—муниципальных чиновников, адвокатов, врачей, вообще городской интеллигенции. Имелись также и корпорации купеческие, промышленные и ремесленные. Духовенство городов составляло особую корпорацию, а дворянство примыкало к интеллигенции. Конечно, все эти корпорации, имевшие свое управление—синдиков, старшин и проч.—потеряли прежнее средневековое значение, но они держались и при старом порядке, вследствие сословности, насквозь проникавшей весь общественный строй того времени. В тех случаях, когда правительство, как это бывало часто при старом порядке, стесняло права общего городского самоуправления, муниципальное значение корпораций увеличивалось, они играли более важную роль в городском управлении [2]).

Что касается общего муниципального управления, то еще в XVII веке практиковались в городах собрания всего городского общества в качестве высших распорядительных органов. В XVIII веке это сохранилось только в маленьких местечках, в городах же общие собрания были заменены собраниями выборных. Выборы в такие общие думы производились или по частям города, кварталам, или по корпорациям. Избирательные права определены были королевскими эдиктами 1579 и 1629 годов, но они на деле сильно варьировались по разным городам. Обыкновенно они обусловливались платежом таллии каждым мещанином (bourgeois) и известной давностью, напр., двухлетней, проживания в городе. Иногда выборы

---

[1]) *Babeau*, La ville sous l'ancien régime.
[2]) Там же.

были двухстепенные и даже трехстепенные. Бывали случаи очень сложной и своеобразной избирательной системы, один из многочисленных примеров которой являют собой выборы в Ретеле: там мещане в шести собраниях; по кварталам выбирали 72-х человек из своей среды из них жребием выбирались 24; эти 24 выбирали 72 дугих, которые разделяли этих 24 по шести кварталам, и из них 3 выбирались в старосты (эшевены). В XVIII веке, впрочем, стали преобладать правильные выборы путем тайного голосования, предписанные, как общее правило, эдиктом 1765 года [1]).

Органы городского самоуправления, особенно органы исполнительной власти и во главе их мэры, не только выбирались на городских собраниях указанными сейчас способами, но получали свое должностное положение часто под давлением правительства. Во многих городах в XVI и XVII веках мэры назначались королем, губернатором, потом интендантом из трех кандидатов, выбранных городской думой. Эдикт 1765 г. установил это как правило, предоставив королевской власти и право отвода всех трех кандидатур, и назначение мэром того, кого хотел король. Кроме того, интенданты по предписанию центрального правительства оказывали негласное давление на избирателей, заставляли неугодных правительству кандидатов снимать свои кандидатуры и проч. Часто с конца XVII и в XVIII веке должности мэров и других лиц муниципального самоуправления, вследствие финансовых затруднений правительства, объявлялись продажными, покупались у государства. В особенности часто это бывало с должностями мэров, и города обычно выкупали у государства свободу выборов [2]).

Правильное устройство исполнительного органа городского самоуправления—городской управы во главе с мэром—ведет свое начало от 1692 года. Число и названия членов управы были различны: они назывались эшевенами, советниками мэрами, и число их доходило до 12, 24 и более. Эдикт 1765 г. стремился ввести сюда однообразие, но вполне достигнуть этого не удалось.

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

Сроки выборов были различны. Эдикт 1765 г. установил, что мэры выбираются на три года, эшевены на два, советники на шесть, с ежегодным частичным обновлением состава советников и эшевенов [1]).

В ведомство городского самоуправления входили прежде всего финансы. Доходы городов составлялись из старых феодальных сборов с городских недвижимых имуществ (denirés patrimoniaux), из сеньериальных прав, перешедших к городу, и из таможенных городских сборов (octroi). Кроме этих сборов и расходования их на нужды города, органы городского самоуправления ведали также сбор с городского населения государственных податей. Эшевенам принадлежало далее право суда над городскими обывателями, причем эдикт 1566 г. отнял у них суд по гражданским делам и оставил лишь суд по делам уголовным. Полиция находилась в ведении правительственных чиновников—сначала прево́ и бальи, потом, с 1699 г., генерал-лейтенантов полиции, но в XVIII веке большая часть городов выкупила эти последние должности. Забота о торговле и промышленности также входила в компетенцию органов городского самоуправления. Наконец, сюда же относились заботы о внешнем благоустройстве города, о противопожарной части, водоснабжении, городская благотворительность, народное образование и медицина. Но как ни широка кажется вся эта компетенция городских органов самоуправления, на деле она сводилась почти к нулю: ни в одном своем действии они не были самостоятельны, всецело подчинялись государственной опеке, надзору и контролю, ни шагу не могли ступить без разрешения или утверждения интенданта, министра или королевского совета [2]).

Так устроено было французское общество при старом порядке, в полном соответствии с его хозяйственной основой. На этой же хозяйственной и социальной почве строился и государственный порядок.

Нам уже известно, что абсолютизм, королевское самодержавие, служившее интересам дворянства, окончательно утвердилось во Франции при Генрихе IV и Людовике XIII.

---

[1]) Там же.
[2]) Там же.

Это получило классическое выражение в словах Людовика XIV—„l'état c'est moi“.

Самодержавная королевская власть во Франции действовала с помощью верховного учреждения — королевского совета (conseil du roi), состоявшего из лиц, назначавшихся королем [1]. Еще Ришелье исключил из совета таких сановников, которые унаследовали это положение от средневекового феодализма [2]. Королевский совет был в одно и то же время и высшим судебным учреждением, потому что имел право отменять приговоры всех низших инстанций, и высшим административным органом, которому были подчинены все отдельные отрасли управления, и верховным законосовещательным учреждением [3].

Исполнительную власть ведали министры. Еще Ришелье при Людовике XIII при себе как первом министре создал четырех руководителей отдельных ведомств министров—статс-секретарей (ministres secrétaires d'état): то были министры военный, иностранных дел, финансов и юстиции (канцлер, chancelier) [4]. Эти министры сохранились и потом, но главное значение выпало на долю генерального контролера, который заведывал внутренними делами, финансами, торговлей и промышленностью [5].

Результатом действия этих верховных и центральных учреждений была административная централизация, наложившая глубокий отпечаток и на областное управление.

Областное деление Франции старого порядка имело характер исторический—отражало галльские, римские и феодальные традиции в разной мере. Однако, новые потребности административного удобства, новой самодержавно-дворянской государственности уже давали себя знать и чувствовать. Новая государственность вызывала необходимость разделения властей, почему появились особые военные, судебные и финансовые округа, пределы которых не совпадали с границами провинций,

---

[1] *Токвиль*, Старый порядок и рев., стр. 24.

[2] *К реев*, История Зап. Европы в новое время, т. II, изд. 4-е, Спб. 1908, стр. 414.

[3] *Токвиль*, Ст. пор. и рев., стр. 24.

[4] *Кареев*, История Зап. Европы в новое время, т. II, стр. 414.

[5] *Токвиль*, Ст. пор. и рев., стр. 25.

унаследованных от феодального времени. Военных округов было 12 в XVI веке и 32 при Людовике XV. Округов судебных было 17: существовало в XVII веке 13 парламентов и 4 высших суда (cours supérieures). Финансовые округа — généralités — управлялись интендантами и были собственно главными административными областными делениями, опять-таки не совпадавшими с территорией провинций и определявшимися в своем составе принципом административного удобства. К концу XVIII в. было 32 округа, находившихся под управлением интендантов [1]). Кроме всего этого существовало еще деление всех провинций на два больших разряда—pays d'états и pays d'élections. Первые имели особое представительное учреждение — провинциальные штаты. Мы рассмотрим сначала общее управление—судебное, финансовое и административное, а потом осветим положение провинциальных штатов.

В судебных округах или бальяжах судебная власть сосредоточивалась с XVII века в руках генерал-лейтенантов бальяжей с их советниками, получившими специально юридическое образование. Но еще выше бальяжей были парламентские округа, округа 13-ти парламентов—судебных учреждений старой Франции.

Парламенты имели не только одно судебное значение. Им принадлежало еще важное право регистрации королевских указов или эдиктов, без которой эти эдикты в их округах не подлежали исполнению. Государство аннулировало это право посредством особых парламентских заседаний (lits de justice), на которых присутствовали или король, или губернатор, или интендант, как представители короля: по их приказанию эдикты должны были регистрироваться в таком случае парламентами безусловно. Кроме того, парламенты имели высшую судебную власть в своих округах. Члены парламентов получали свое положение по наследству, и потому составляли особую судебную аристократию — noblesse de robe, „аристократию судейской мантии". Первый президент парламента назначался из его состава королевской властью [2]).

---

[1]) *Babeau*, La province sous l'ancien régime, том I.
[2]) *Babeau*, La province sous l'ancien régime.

Финансами в тех же парламентских округах ведали особые финансовые палаты—les cours des comptes et des aides, состоявшие из президента и советников или ассесоров, королевского прокурора и секретаря. Должности членов финансовых палат были покупные, продавались правительством. Им подчинены были финансовые учреждения в более мелких областных делениях и в pays d'élections особые финансовые чиновники — „выборные" (élus), казначеи, управления для заведывания водами, лесами, чеканкой монеты и проч. Ведомство всех этих финансовых учреждений сводилось к сбору налогов и наблюдению за отбыванием повинностей; оно было шире в pays d'élections, чем в pays d'états, где встречало противодействие и ограничение в провинциальных штатах [1]).

Но главным органом областного управления был, конечно, интендант юстиции, полиции и финансов, назначавшийся королевской властью и ведший свое происхождение, как уже нам известно, от времен Ришелье. Эта должность хорошо вознаграждалась жалованьем и специальными наградами и давала возможность хорошо жить. Это и понятно: интендант был важнейшим органом управления в области, проводником предначертаний самодержавного правительства. Ведомство интендантов было весьма широко.

Как интендант юстиции, этот глава местной администрации мог кассировать приговоры всех судов, до парламентов включительно, так как он считался членом королевского совета. Интендант наблюдал также за чиновниками, за исполнением ими их обязанностей по службе. Иногда, по специальному поручению королевского совета, интенданты даже непосредственно разбирали судебные дела с участием органов судебной власти.

Интендантам подчинены были все органы полицейской власти; в частности, особенному ведению интендантов подлежала политическая полиция, почему интенданты имели в своем распоряжении lettres de cachet, бланки с приложением королевской печати, заполнив которые, они могли любого человека заключить в тюрьму без суда. К административным обязанностям интендантов относи-

---

[1]) Там же.

лись также снабжение и расквартирование проходящих войск, набор солдат, защита жителей от обид со стороны военных чинов.

Затем интенданты ведали контроль и надзор за органами местного самоуправления, в частности финансовый контроль; но интенданты сплошь и рядом вмешивались и в другие дела, подведомственные органам местного самоуправления, проявляли мелочную опеку в этом отношении.

Финансовая компетенция интендантов—по сбору налогов—была весьма ограничена в pays d'états: там сбором их, кроме capitation, ведали провинциальные штаты. Но в pays d'élections у интендантов были важные функции по сбору налогов. Интендант действовал тут, конечно, с финансовыми чиновниками, непосредственно ведающими сбор, но контролировал их и являлся посредником между ними и королевским советом, распоряжения которого передавал и следил за их исполнением.

Наконец, интенданты ведали все меры содействия земледелию, промышленности и торговле[1]).

Интендант действовал при помощи целого ряда помощников, главным из которых был субделегат, заведывавший в подчинении ему более мелкой административной единицей[2]). Не останавливаясь на них, осветим более важный вопрос о провинциальных штатах.

В XVII и XVIII веках $^2/_7$ части Франции представляли собою pays d'états, имели провинциальные штаты. Это наследие второй половины средних веков сохранилось тогда только в некоторых больших провинциях, напр., в Бретани, Лангедоке, Бургундии, в некоторых провинциях горных, отсталых, как Дофине, пиренейские провинции, и во вновь присоединенных Эльзасе и Руссильоне. В большинстве провинций штаты состояли из представительства трех сословий—дворянства, духовенства и третьего сословия (главным образом, буржуазии). Но иногда в них присутствовали только представители одного сословия: так, в Бретани—дворянства, в Провансе, Фланд-

---

[1]) *Babeau*, La province sous l'ancien régime; *Ардашев*, Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка, т. I.

[2]) О них см. особенно в названной сейчас книге Ардашева.

рии и в мелких пиренейских провинциях—одного третьего сословия. От духовенства в штатах обычно присутствовали епископы, члены капитулов, выбиравших епископов, и аббаты; рядовое духовенство представлено не было. От дворян представительство было разнообразное: то могли участвовать все дворяне, то лишь собственники известных бароний. В Бретани для участия в провинциальных штатах требовалось столетнее, по меньшей мере, дворянство, 1.000 франков годового дохода с земли и минимум 25 лет возраста. В Бургундии все дворяне имели право участвовать в штатах, но в конце XVII в. этого права были лишены новые дворяне. В Лангедоке право на участие давало обладание леном (1 графство, 1 виконтство, 21 барония), 25-летний возраст и четыре поколения дворянства и т. д. В некоторых штатах, напр., в Бургундии и Артуа, было посословное, а не поголовное голосование, почему третье сословие всегда оставалось в меньшинстве; в других, как в Лангедоке, практиковалось поголовное голосование, и число депутатов третьего сословия там равнялось числу депутатов от двух первых.

Право созыва штатов и назначения места их собрания принадлежало королю. С Людовика XIV король никогда не присутствовал в провинциальных штатах. Заместителем его был или губернатор, или интендант, или генерал-лейтенант, которые открывали собрание своими речами, постоянным же председателем обычно был епископ. Сессии провинциальных штатов были различной продолжительности: то несколько часов, то 40 дней, то два—три месяца. Председателями сословных курий были: у духовенства—прелат—председатель штатов, у дворянства—первый барон, у третьего сословия—первый муниципальный чиновник главного города.

Провинциальные штаты имели прежде всего финансовую компетенцию: они ведали сбор и доставку государственных налогов и выполнение государственных повинностей, а также расходы и доходы по местным потребностям. Штаты заботились о развитии земледелия, торговли и промышленности и о народном образовании.

Исполнительными органами провинциальных штатов были синдики и должностные лица, равные им по зна-

чению, с разными названиями в различных провинциях; так, в Бургундии они назывались élus généraux, в Лангедоке syndics généraux, в Бретани procureurs généraux sindics и проч. Это должности выборные. В Бургундии каждое сословие выбирало одного на три года, в Бретани выбирались двое из дворянства на четыре года в XVII веке, но потом должности эти стали здесь наследственными. В Лангедоке выбирались три синдика из юристов, в Провансе пять и т. д. Рядом с синдиками действовали специальные комиссии для отдельных видов дел из депутатов штатов. Важны были также секретарь и казначей штатов. Штаты отправляли иногда особых депутатов в столицу, в верховные учреждения и к самому королю, с ходатайствами и заявлениями о местных пользах и нуждах [1]).

Уже из предшествущего изложения видно, что, напр., в финансовом строе и в организации налогов выдвигалась на первый план привилегия господствующих сословий—дворянства и духовенства. Сословное, по преимуществу дворянское, начало проникало и всю политику государственной власти. Многочисленные войны Людовика XIV имели целью расширение территории для развития торгового капитализма и увеличения земельного достояния дворянства. Людовик XIV сознательно и определенно ставил дворянство и его благо во главу угла всей своей правительственной деятельности: об этом, он совершенно определенно говорил в своих мемуарах, в этом политическом завещании своего рода. Нигде, однако, дворянско-абсолютистская политика Людовика XIV не выразилась так ярко, как в его отношении к церкви и религии. Дворянская государственность обосновывалась на абсолютизме, а абсолютизм приписывал себе божественное происхождение. Церковь и религия должны были поэтому его обосновывать и поддерживать, служить самодержавно-дворянской государственности, быть ее орудием. Отсюда и вытекала основная позиция Людовика XIV в отношении к католицизму, янсенизму, протестантизму и мистическим течениям его времени.

---

[1]) *Babeau*, La province sous l'ancien régime.

Католическая религия и церковь должны были с точки зрения дворянской государственности освящать существующий строй. Но для этого они должны подчиниться государству. Отсюда и вышли провозглашенные в 1682 г. на собрании французского духовенства вольности галликанской церкви, отрицавшие всякую власть папы в делах светских, признававшие главенство соборов над папами в делах духовных, самостоятельность французской церкви и право короля назначать епископов и пользоваться доходами епархий в то время, когда епископский сан в данной епархии является вакантным [1]). В сущности французское самодержавие здесь взяло почти все от протестантизма, что он дал нового в вопросе об отношении церкви к государству.

Но если галликанский католицизм являлся религиозной опорой дворянской государственности и вместе покорным орудием в ее руках, то естественно было преследование всех несогласных с ним религиозных течений и направлений. Отсюда вышли преследование янсенистов и разрушение их монастыря Пор-Рояля, отмена Нантского эдикта и преследование протестантов посредством драгонад—военных постоев и, наконец, даже враждебное отношение к мистическому учению г-жи Гюйсон, реакционной поэтистики по своему направлению, приведшему ее к двукратному заключению в Бастилию [2]). Терпима, допустима была, одна должна была господствовать лишь ортодоксальная религия французского дворянского самодержавия,—ничто ни левее, ни правее ее: то был галликанский католицизм Людовика XIV.

Нам остается теперь характеризовать старый порядок во Франции в эпоху его расцвета, т.-е. при Людовике XIV, с точки зрения духовной культуры.

Психология господствующего класса—дворянства ни в ком не получила такого законченного, совершенного выражения, как в личности самого Людовика.

Старое приобретательство, эгоистическая жадность, заставлявшая Людовика XIV возвращаться теоретически

---

[1]) *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в новое время, II, стр., 560

[2]) Там же, II, стр. 561—562.

к традициям вотчинной монархии [1]), объявлять себя собственником частного имущества во Франции, сочетались у него с крайним индивидуализмом, с обожествлением своей личности и своего положения с чрезвычайно сильной любовью к славе [2]), с пышностью, этикетом и роскошью, составлявшими, с его точки зрения, необходимую рамку, внешнюю форму для самодержавной власти. Он не терпел никакой самостоятельности перед лицом своего всевластия [3]). Он умел держать себя с большим достоинством и приличием, умел прикрывать культурными внешними формами и приемами дворянское крепостническое самодурство [4]). Отличие психологии французского дворянства его времени от более примитивной психологии русского дворянства эпохи Екатерины II заключается таким образом не в существе дела, а в формах, во внешних приличиях, в большей культурности внешнего поведения, в утонченности ума и вкуса. Эстетика, внешняя красивость, ослепляющее величие—вот основная цель, которая во Франции достигалась лучше, чем где-либо.

Чтобы понять всю эту дворянскую утонченную и избалованную, капризную, самодурски-культурную психологию и связанную с нею духовную культуру, надо ясно представить себе социальную обстановку, в которой они слагались и развивались. Это—придворная и салонная жизнь XVII и XVIII веков.

Центром ее был Версаль, резиденция короля. В Версале XVII и XVIII в. было до 80 тыс. человек населения—70 тысяч постоянного и 10 тыс. текучего. Там было много кабачков для рабочих, солдат, челяди, так как без большого количества таких людей двор короля обходиться не мог. Все остальное—роскошные дворцы короля и первых фамилий. Общество короля состояло из 2—3-х тысяч человек.

У короля была гвардия из 9 тыс. чел., стоившая ежегодно более $7^1/_2$ милл. ливров, конюшня с 1.800 ло-

---

[1]) Mémoires de Louis XIV.

[2]) Там же.

[3]) Mémoires du duc de Saint-Simon, том I.

[4]) *Voltaire*, Le siecle de Louis XIV, nouvelle édition, Paris, Garnie frères, стр. 282, 287.

шадьми, 200 каретами и 1.500 чел. слуг; содержание ее стоило от 4 до 6 милл. ливров. Охота стоила 1 милл. 200 тыс. ливров в год. Домовая церковь короля состояла из 75 священников, клириков, исповедников, композиторов духовной музыки и пр. При короле состояло 48 врачей, хирургов, аптекарей и т. д., 128 певцов, танцовщиков, музыкантов, 43 служащих в королевском кабинете для чтения, 62 герольда, 68 гофмаршалов, сотни прислужников стола. Аппартаменты короля обслуживались 198 лицами. Были особые лица для того, чтобы держать платье при одевании короля, причесывать его, обтирать после ванны, надевать и снимать галстух. Обязанность некоторых заключалась в том только, чтобы просто присутствовать, заполнять угол, чтобы он не был пуст. Надо к этому прибавить, что Версаль не был единственной внепарижской резиденцией короля: их было всего до 12-ти. На один ремонт королевских дворцов тратилось ежегодно 3—4 милл. ливров, а на мебель 2 милл. каждый год. Королевское путешествие в Фонтенебло стоило 400—500 тыс. ливров, и вообще переезды короля поглощали большие суммы.

Времяпровождение короля представляло собою сплошной, непрерывный парад. Утром в назначенный королем час его будил первый камердинер, и последовательно пять серий лиц входили к нему, сначала принцы и принцессы, потом врачи, капеллан, дворецкий, заведующий гардеробом, особо любимые королем сеньеры и пр. Королю читается молитва, потом он одевается при всех с их помощью, причем каждому назначены его специальные обязанности. Затем ему представляются дворяне, впервые являющиеся ко двору. Далее король делает распоряжения о порядке дня и дает в кабинете аудиенции. Такой же парад выполнялся, когда король ложился спать. Людовик XV работал только один час в день,— все остальное его время поглощалось парадом.

Обычным занятием короля и его придворных были увеселения—охота, путешествия по резиденциям, игры, концерты, спектакли, балы. Когда бывали в Фонтенебло, то там в воскресенье и пятницу происходила карточная игра, в понедельник и среду концерт у королевы, во вторник и среду французская комедия, в субботу италь-

янцы. В Версале были умереннее, но и там происходили 2 спектакля и 1 бал в неделю, не считая карточной игры и охоты [1]).

Придворная жизнь дополнялась салонной. Мы уже знакомы с салонами Рамбулье, Скюдери и Оши, возникшими и действовавшими в первой половине XVII в. [2]). Во второй половине XVII в. салонная жизнь и салонные приличия окончательно установились в умеренном и уравновешенном дворянском духе. Светскость стала требовать определенных взглядов: „благовоспитанный человек не любит отличаться слишком смелым образом мыслей, и религия является для него частью светскости“ [3]); с другой стороны, прошла и пора жеманства, прикрывавшего раньше исчезнувшую теперь грубость, являвшегося реакцией против нее; теперь утонченность, внешняя культурность делала его излишним и повела в салонах к торжеству классицизма. В новых салонах г-жи де Саблэ, г-жи де Лафайет, г-жи де Севинье „манерность становится вежливостью“ [4]), и под их влиянием происходит замечательный процесс культурного и психологического перерождения старой знати в новое дворянство. Образцы этого — Ларошфуко, Ретц и Сент-Эвремон.

Герцог Ларошфуко, аристократ по происхождению и убеждениям, если не участник, то сочувственник Фронды, аристократического бунта в малолетство Людовика XIV. в правление Мазарини, сначала проявил могучую деятельность в общественной жизни и жажду широкой и богатой личной жизни и тем уже показал, что новые веяния—индивидуалистические—его захватили. Но любовь и честолюбие одинаково его разочаровали, расстроили его материальное положение и принесли болезни. Тогда наступило время горького размышления, выразившегося в его „Мемуарах“ и „Правилах жизни“ (Maximes). Ларошфуко ничто не удавалось: тщеславие мешало честолюбию, страстность путала эгоистические расчеты, ум колебал веру; нерешительность, непостоян-

---

[1]) *Taine*, Les orig. de la France contem, I.
[2]) См. том VI, стр. 146.
[3]) *Лансон*, История франц. литер. XVII в., Спб. 1899, стр. 92.
[4]) Там же, стр. 118.

ство составляли его отличительную черту. Но он в конце-концов понял, что дворянское самодержавие победило аристократию, примирился с этим и потому отдался светской жизни и умственной игре. Основная идея его „Правил жизни“ заключается в том, что добродетели утрачиваются в погоне за личными интересами, пороки входят в состав добродетелей; в мире существует только эгоизм, личный интерес; „наша природа заставляет нас быть порочными“; „прекрасные поступки прекрасны только с внешней стороны“ [1]). Эгоистический индивидуализм нового дворянства нашел себе таким образом очень яркое, высоко-талантливое выражение в произведениях этого феодала-аристократа, перерождавшегося в дворянина нового времени.

Не менее характерен в этом отношении Ретц, прямой участник Фронды, типичный мемуарист XVII века. Он стал кардиналом, духовным лицом не по призванию, а для того, чтобы сохранить в своей семье парижское архиепископство, феодальное семейное наследие. И его мучило честолюбие, стремление быть министром. Для этого он произносил проповеди, щедро раздавал милостыню, искал популярности, участвовал во Фронде. Но Фронда не удалась, и Ретц попал в тюрьму и ссылку. Он не примирился с этим: изворотливостью, хитростью, интригами, практичностью, притворством добился возвращения. В его „Мемуарах“ ряд портретов и изображений жизни, далеко не беспристрастных, требующих критики, но ярких и интересных [2]).

Сент-Эвремон был светским эпикурейцем и философом, около которого группировался целый кружок. Он—неверующий, скептик, гастроном, поклонник разума, жрец любви [3]), настоящий, типичный представитель эгоистического индивидуализма, подобный нашему Юсупову,—из тех, о которых метко и ярко сказано, что они были великие эстетики, люди развитые и образованные; „оставленные без дела, они бросились на наслаждения, холили себя, любили себя, отпускали себе добродушно все пре-

---

[1]) Там же, стр. 118—119.
[2]) Там же, стр. 122—126.
[3]) Там же, стр. 126.

грешения, возвышали до платонической страсти свою гастрономию и сводили любовь к женщинам на какое-то обжорливое лакомство“, были скептиками и эпикурейцами [1]).

Всем этим настроениям аристократического перерождения как нельзя более соответствовала литературная теория Буало и трагедии Корнеля.

Буало был настоящим олицетворением практического здравого смысла, уравновешенным эгоистическим индивидуалистом, спокойным эпикурейцем, практичным, умелым, приспособляющимся, врагом всякой мистики, покорным закону и власти. Буржуа по происхождению, он стал идеологом дворянства, выразителем его литературных вкусов. В своей „Поэтике“ и сатирах он высмеял руководителей жеманной литературы и обосновал классицизм. Он свел преграду к двору и городской дворянской жизни, в комедии требовал тонкости, изысканности и светскости, превращения ее в светскую шутку. От трагедии и оды Буало требовал величественности, торжественности, благородства, тонкости, приятного украшения речи [2]).

Трагедии Пьера Корнеля—первый момент полного высшего развития классической французской трагедии. Здесь много еще испанского влияния, отблеск суровости и религиозности, но и начало того, что проповедывал Буало и осуществил впоследствии Расин. У Корнеля столкновение между волей и страстью разрешается победой воли, он подавляет страсть, его поэзия — мужественна и строга. Любитель исторических сюжетов, Корнель и в истории интересовался только политикой, давал политические уроки в духе новой дворянской государственности. Герои Корнеля—„сильные и строгие души, властные над своими страстями, души людей, подобных Ришелье и Ретцу, рассудительных и деятельных честолюбцев“. Вокруг главных героев у Корнеля средние люди, в изображении которых видны наблюдательность, реализм [3]).

---

[1]) *Герцен*, Былое и думы. Собр. сочинений, т. II, стр. 63

[2]) *Лансон*, Ист. фр. лит. XVII в., стр. 134—148.

[3]) Там же, стр. 72—86.

Расин — окончательное завершение французского классицизма в трагедии. В основе его произведений один факт, вытекающий из характеров действующих лиц и затем в течение пяти актов изображается на основе этого факта столкновение страстей, причем страсти берут перевес над волей, и потому все заканчивается неизбежной катастрофой [1]). Поэзия Расина—дитя салонной и придворной жизни: „это—записанные разговоры". „Над всем господствовал один вкус: желание говорить превосходно". „Выражение предпочиталось предмету выражаемому, стиль—душе". При дворе и в салонах „дурное расположение духа приходится скрывать, приличия нивеллируют все оригинальности умов и характеров. Каждому нужно держаться, как все держатся,—не то перестаешь быть порядочным человеком". Отсюда порядок, единство, гармония. „И природа была подчищена и отполирована". В трагедии царил „один интерес, постепенно подготовляемый, возрастающий с каждым действием"; не было „ничего странного, неожиданного". Дисциплина и в драматических формах царила всецело: отсюда—три единства. Действующие лица трагедий Расина скорее абстрактные существа, чем действительные люди; это—приукрашенные придворные Людовика XIV. Люди из простого звания у Расина—слуги и наперсники; это—не люди, а эхо; их служба—„приводить в порядок ум господина, как они приводят в порядок его одежду". „Условные приличия французского двора, запрещая любовь мужчинам, разрешают ее женщинам. Дворянин должен быть галантным, т.-е. услужливым, льстецом, говоруном, всегда с готовой улыбкой на устах". „Если бы у него замечены были вольности и порывы страсти, его сочли бы невоспитанным". Иное дело женщина. И потому „Расин—величайший живописец женской любви и самоотвержения". В общем Расин—„тонкий и любезный придворный, веселый прекрасный говорун, изящный любезник". Ему свойственны точное мышление и любовь к изящному стилю. Он питает страсть к стихам—этой „рисованной канители, простой забаве ума, пригодной для честолюбивых и праздных любителей версифика-

---

[1]) Там же, стр. 181, 185.

ции“ [1]). Однако, при всем том у него много и истинной поэзии [2]).

Но, едва достигнув господства, дворянство обнаружило и первые признаки разложения, перерождения в будущую буржуазию. Торжественный и величественный классицизм стал претить, надоедать. И первым признаком этого явилось творчество Лафонтена, буржуа по происхождению, глубокого, но естественного, „нутряного“ эгоиста по натуре, тонкого эпикурейца, извлекающего из всего удовольствие. Его идеал—„легкая, свободная, покорная инстинктам жизнь“. Отсюда и новая, свободная поэзия, непринужденная, легкая, остроумная, насмешливая, верная правде, проникнутая наблюдательностью, тонким вкусом и лиризмом. Все это нашло себе выражение в сказках и баснях Лафонтена [3]).

Еще дальше его пошли в деле разложения традиционной дворянской психологии писатели, явившиеся уже предшественниками XVIII века,—таков был отчасти уже Сент-Эвремон, но особенно общество Тампля, кружок Нинон де Ланкло и Фонтенель.

Везде тут было начато разрушение веры, официальной, традиционной религии, зародилось вольнодумство. В обществе Тампля эпикуреизм и вольнодумство были практические: здесь не рассуждали и не спорили, не сердились на церковь, а любили, пили, играли и смеялись [4]). Друзья Нинон Ланкло были серьезнее, больше рассуждали, интересовались умственными запросами и вопросами, но только ради развлечения, без пропаганды, без научной любви к истине и восторженной приверженности к разуму [5]). Фонтенель сделал еще шаг вперед, популяризировав науку в своих „Беседах о множестве миров“, „Истории Академии“ и „Похвале академикам“. Тут он оказался „учителем философии для светских людей, умеющим делать науку предметом дамских разговоров“. Особенно учил он новому методу — ничему не верить, кроме доводов разума. В книге „История оракулов“ он

---

[1]) *Тэн,* Жан Расин, Спб. 1903.

[2]) *Лансон,* Ист. фр. лит. XVII в., стр. 193.

[3]) Там же, стр. 195—203.

[4]) *Лансон.* Ист. фр. лит. XVIII в., стр. 11.

[5]) Там же, стр. 11.

опровергал не только оракулов, но вообще чудеса [1]).

Этому скептицизму, зародышу неверия противополагалась ортодоксальная теория галликанского католицизма, религиозно обосновывавшая дворянский абсолютизм Людовика XIV. Главным идеологом был здесь Боссюэ. В своем „Рассуждении о всеобщей истории“ он проводил религиозное понимание исторического процесса: провидение руководит историей через церковь. В сочинении „Политика, почерпнутая из св. писания“, Боссюэ устанавливал и освящал религией абсолютистский тезис о том, что короли в своих действиях ответственны только перед богом [2]). Проповедниками во вкусе светского общества были в XVII в. холодный, но ясный и рассудительный Бурдалу и салонный аббат-остроумец, изящный ритор Флешье [3]).

Но и в духовенстве к концу века обнаружилась трещина: признаком ее была литературная деятельность епископа Фенелона. У него была склонность к квиетистской ереси, проповедывавшей неделание и чистую любовь, возврат к идеалам первоначального христианства. Фенелон в зародыше кающийся привилегированный, и его „Похождения Телемаха“ представляют собою фактическую, невольную оппозицию политике Людовика XIV. Как личность Фенелон был, впрочем, типичной фигурой прелата XVII в., соединял торжественность епископа с вежливостью вельможи, умел и хотел нравиться, был обоятелен и кокетлив и вместе ловок, практичен, самолюбив. Новыми элементами в нем были склонность к сентиментализму и известная независимость мысли [4]).

Укрепляла существовавшую тогда дворянскую государственность и догматика положительного государственного права. В XVII веке виднейшими ее представителями были Флери и Жан Дома. Флери давал королю право издавать законы, назначать должностных лиц,

---

[1]) Там же, стр. 12—14.
[2]) *Лансон.* Ист. фр. лит. XVII в., стр.209—223.
[3]) Там же, стр. 228—231.
[4]) Там же, стр. 247—253.

объявлять войну. Он отрицал за подданными и право произносить моральный суд над действиями короля [1]). Дома, имевший связи с янсенизмом, также абсолютист до мозга костей; он отстаивает королевское самодержавие, отвергает генеральные штаты, оправдывает даже продажу должностей [2]).

Оставаясь пока в области литературы XVII века, мы должны отметить в ней рядом с дворянским преобладающим течением и буржуазную струю, постепенно расширяющуюся. Переходным моментом здесь является деятельность Мольера.

Мольер не только по своему происхождению, но и по психологии, идеологии и литературной манере не является дворянским писателем, а представляет собою буржуа. Он в своих комедиях обличал и светских жеманниц, и синие чулки, педантов-философов, скупцов, лицемеров-иезуитов, мещан и крестьян, лезущих в дворяне и в мужья к знатным женам; в лице Альсеста в комедии „Мизантроп“ он дал прообраз Чацкого,—человека не приспособленного к среде и потому страдающего и одинокого. В стиле Мольер не признавал правил, отвергал классические единства и создал сочный, горячий, колоритный, резкий и свободный стих. Комедии Мольера в одно и то же время и драмы, и комедии нравов, и комедии характеров. В уста каждого лица у него вложен язык, свойственный его социальной среде. Комедии Мольера, вызывая смех, в конце-концов порождают грустное или нежное настроение, глубокое раздумье. Мораль Мольера—не христианская: он в сущности неверующий человек, и „благочестие сводится им к морали, к общественным добродетелям“. Он считает природу благой и инстинкты законными. У него буржуазный нравственный идеал правильной семейной жизни, счастливого брака и хорошего воспитания женщины. Для этого надо равенство общественных положений, соответствие возрастов, сходство характеров и любовь—этот голос природы. Идеал женщины—благоразумная

---

[1]) *Тарановский*, Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке, Юрьев, 1911, стр. 57—65.

[2]) Там же, стр. 211, 215, 217 и след.

и веселая буржуазка, чистая и разумная, грациозная и невинно-кокетливая [1]).

Типичным буржуазным писателем был один из предшественников Мольера в комедии Скаррон, автор „Комического романа“ и пародии на „Энеиду“ Вергилия [2]). Новое буржуазное знание, точная наука видна в трудах бенедиктинцев—Дюканжа, Мабильона и других, подготовивших научную постановку и разработку исторических и археологических тем [3]).

Но особенно ярко новое буржуазное направление духовной культуры заметно у Лабрюйера и Пьера Бэйля.

Лабрюйер был свободомыслящий парижский буржуа, фрондер против власти и дворянства и их сатирик. В его „Характерах“, содержащих в себе изречения и портреты, люди изображаются как легкомысленные и непостоянные эгоисты, не способные на прочное чувство, склонные к минутному увлечению, рабы моды, общество—все основано на стремлении к знатности и деньгам, а женщины—кокетки, лгуньи, коварные существа, собирающие в свои салоны глупцов, фатов и жестких, безжалостных финансистов; двор представляется Лабрюйеру тем же полем борьбы личных интересов, где вежливостью, внешнею культурностью прикрывается высокомерие и жестокость. По художественному реализму Лабрюйер—переход от Мольера к Лесажу, а по обличительному направлению и интеллигентскому, „философскому“ духу он приближается к Вольтеру и Дидро [4]).

Пьер Бэйль всю жизнь свою посвятил науке, одушевлен был живым стремлением к истине ради самой истины. Его „Исторический и критический словарь“ явился запасным магазином эрудиции для философии XVIII века. Он собрал здесь все возражения против религиозной догматики, но был полон скептицизма и по отношению к научному знанию, думая, что мы познаем не вещи в себе, не сущности вещей, а только отношения явлений [5]).

---

[1]) *Лансон*, Ист. фр. лит., XVII в., стр. 157—170.

[2]) Там же, стр. 35.

[3]) Там же, стр. 133.

[4]) Там же, стр. 240—241.

[5]) *Лансон*, Ист. фр. лит. XVIII в., стр. 15—16; *Eucken*, Gesammelte Aufsätze zur Philosophie und Lebensanschauung, Leipz., 1903, стр. 188, 192.

Если, таким образом, литература XVII века дала нам образцы не только чистого классицизма в дворянском вкусе, но и некоторого начала разложения дворянской психологии и духовной культуры и зачатков новых буржуазных настроений, то в области искусства—живописи, ваяния, зодчества, музыки—здесь с совершенною еще прочностью держались дворянские традиции и вкусы.

Величайшими представителями классической школы живописи во Франции XVII века был Лебрен и его современники Лесюёр и Миньяр. Историческая и аллегорическая живопись с целью прославления дворянской самодержавной монархии—вот основной художественный мотив, руководивший этими художниками. Основное настроение, проникающее их картины,—чувство величия и величественности [1]). Вот как изобразил Лебрен самостоятельное правление Людовика XIV: Людовик в костюме римских императоров торжественно восседает на троне; его окружают красивые женщины и дети в картинных позах; сверху—олимпийские боги, венчающие короля короной. Насколько эта декоративная красота и внешнее величие, этот, по выражению Ляррумe, апофеоз короля и двора были по душе общественным верхам XVII века и даже более позднего времени,—это видно из восторженного отзыва Вольтера в его „Веке Людовика XIV" о картине Лебрена „Семейство Дария": Вольтер заявляет, что Лебрен здесь „не уступает Веронезе по колориту и превосходит его по рисунку, композиции, достоинству, экспрессии и верности костюмов" [2]).

XVII век был также эпохой скульпторов-классиков Жирардана, Кусту и Пюже, причем отличительной особенностью последнего были необыкновенная сила и страсть [3]). Для второй половины XVII в. являются также характерными мебель Буля из черного дерева с инкрустациями и золотые изделия Баллена [4]).

В архитектуре замечательны были Перро, построивший колоннаду Лувра, Брюан, начавший постройку дома Инвалидов, Мансар, закончивший эту постройку и со-

---

[1]) *Мутер*, История живописи, т. III, Спб., 1904, стр. 36.
[2]) *Voltare*, Le siècle de Louis XIV, стр. 605.
[3]) *Байе*, История искусств.
[4]) Там же.

орудивший Версальский дворец [1]). Всеми ими создан в архитектуре стиль Людовика XIV, отличающийся роскошью, великолепием, необыкновенным единством и стройностью сооружений, величием. Но вместе с тем здесь всецело царит мода, и она стесняет простор творческой мысли и фантазии [2]); „правила" сглаживают оригинальность, почти совершенно парализуют ее.

Классический стиль в музыке нашел себе во Франции представителей в лице Люлли, Рамо и Куперенов. Люлли в своих операх, которые царили во Франции целое столетие, развил хоры и достиг большой эмоциональной выразительности [3]). Рамо был музыкальным теоретиком и в качестве такового основал теорию новейшей гармонии. Но он был также блестящим виртуозом на органе и клавесине и превосходным композитором. Он пошел дальше, чем Люлли, как гармонист, у него лучше хоры, ансамбли, оркестр. Но, как и у Люлли, отличительной чертой музыки Рамо является пафос и отчетливая декламация слов для пения. Люлли можно сопоставить с Корнелем, Рамо соответствует Расину [4]). Великими французскими органистами и клавесинистами XVII века в духе классического изящества являлись Куперены—целая семья замечательных виртуозов [5]).

Эпоха Людовика XIV дала Франции и первого социалиста в лице Верасса д'Алле, автора „Истории севирамбов". Он, конечно, социалист примитивный: центр тяжести его построений в потреблении, а не в производстве.

---

[1]) Там же.

[2]) *Barberot*, Histoire des styles d'architecture, II, P., 1891, стр. 139.

[3]) *Саккетти*, Краткая историческая музыкальная хрестоматия, изд. 2-е, стр. 102

[4]) *Науманн*, Иллюстр. история музыки, II, стр. 273—279.

[5]) Там же, II, стр. 280.

II.

Старый порядок в Англии.

О старом порядке в Англии приходится говорить крайне условно: он не отличался прежде всего далеко такой прочностью, как то было во Франции; затем он не был выражен в такой чистоте и полноте; далее, он не был и длителен; и, наконец, все почти время своего существования он находился уже в состояни, по крайней мере сначала, частичного, а потом и общего разложения. Эти особенности будут выяснены и обоснованы дальнейшим изложением. Что касается хронологических дат этого периода в истории Англии, то он охватывает царствования двух первых Стюартов—Якова I и Карла I, т.-е. первые сорок с небольшим лет XVII века.

Переход к торговому капитализму в Англии со всеми важнейшими его последствиями совершился, как нам уже известно [1]), еще в предшествующий период. В первой половине XVII века происходил органический процесс развития торгово-капиталистических отношений, основы которого прочно заложены были в XVI веке. Такие факты, как учреждение лондонской биржи и ост-индской компании и как издание Кромвелем навигационного акта в 1651 г., которым подсечена была мореходная сила Нидерландов, потому что он разрешил привозить товары в Англию только на английских кораблях или на кораблях тех стран, откуда эти товары происходят,—показывают, как правильно и быстро совершился процесс развития торгового капитализма в Англии XVII века. Под конец века — в 1694 г. — появился и Английский банк, что было подготовлено выпусками банкнот—кредитных бумаг, которые в XVII веке делали

---

[1]) См. том VI, стр. 151—158.

английские банкиры сначала на свой личный риск и страх.

Англия XVII века, однако, представляла еще собою, как это и всегда бывает при старом порядке, страну по преимуществу сельскохозяйственную: из $5^{1}/_{2}$ милл. населения целых 4 милл. 265 тыс., т.-е. более 77%, были заняты сельским хозяйством, индустрией занимались 240 тыс., торговлей 246 тыс. чел. [1]). В индустрии главное значение имело попрежнему шерстяное и суконное производство; началось в XVII в. и добывание каменного угля [2]).

Дворянство и английское духовенство, составлявшее со времени реформации и секуляризации подчиненную по отношению к дворянству социальную силу, господствовали в стране, стояли у власти. Буржуазия росла и укреплялась: население городов составляло уже около $18^{0}/_{0}$ всего населения страны [3]). Пока еще медленно, но неуклонно совершался процесс обезземеления крестьянства, таяния класса иоменов посредством огораживаний— принудительных, насильственных и формально обоснованных законными сделками.

Стюарты—Яков I и Карл I—были яркими представителями дворянского самодержавия в Англии. На три основных государственных учреждения опирались эти абсолютные монархи в своей политике: на королевский тайный совет, состоявший из министров и высших сановников по назначению короля, на министерство и на известную уже нам по истории XVI в. звездную палату,— отделение королевского суда по уголовным делам, главным образом по делам о мятежах и нарушении мира и спокойствия.

Еще в 1585 г. зведная палата установила цензуру в Англии. Желая подчинить себе судей, формально несменяемых, Яков I и Карл I ввели в систему временные поручения по судебным делам, назначение исполняющих должность судей вместо постоянных полномочий. Вместо парламентских актов издавались королевские

---

[1]) *Bernstein,* Sozialismus und Democratie in der grossen englischen Revolution, Stuttgart, 1919, стр. 9.

[2]) Там же, стр. 8—9.

[3]) Там же, стр. 7.

прокламации, по примеру Тюдоров, и этим прокламациям придавалась сила закона. Наконец, короли узурпировали себе право брать налоги, по крайней мере некоторые, напр., корабельную подать при Карле I, таможенные пошлины при обоих первых Стюартах, собиравшиеся королями без парламента на том основании, что они назначаются на расходы по военному делу и внешней политике,—т.-е. на дела, составляющие прерогативу королевской власти. Ближайшим помощником Якова I в его политике был герцог Бёкингем, тип нового дворянина, в министерстве которого принимал участие и Бэкон, а первым министром Карла I был Вентворт граф Страффорд [1]).

Партию феодальной реакции, аристократической олигархии, представляли собою в Англии XVII в. католики Они поэтому подверглись особым преследованиям правительства главным образом после „порохового заговора“, попытки взорвать короля и парламент, в 1605 г. Но против королевской власти постепенно все усиливалась буржуазная и крестьянская оппозиция, выразившаяся отчасти в парламентских протестах против самодержавных действий короля, главным же образом в сектантском движении.

Важнейшим из парламентских протестов, выражавших новую буржуазную политическую идеологию, была так-называемая „петиция о праве“, поданная Карлу I. парламентом 1628 года. Здесь выражено было требование, чтобы налоги не собирались без разрешения парламента, и чтобы никто не подвергался наказанию и аресту без законного суда, суда присяжных [2]).

Этой буржуазной политической идеологии, выдвигавшей на первый план волю и власть народа, выраженную в парламенте, противополагалась абсолютистская идеология, выводившая королевское самодержавие из божественного авторитета. Сам Яков I обосновывал эту точку зрения в своем политическом сочинении под за-

---

[1]) *Gardiner*, History of England from the accension of James I; *Грин*, Краткая история англ. нар., II, стр. 271 и сл.; *Ranke*, Engl. Gesch, II, стр. 8, 194 и сл.

[2]) *Ranke*, Engl. Cesch., II стр. 124 и след.; *Грин*, Крат. ист. англ. нар., II, стр. 320.

главием „Истинный закон свободной монархии". Но главным теоретиком абсолютизма на теологической основе с утверждением, что уже Адам был неограниченным властелином, был в первой половине XVII в. (1604—1647) баронет, дворянин-абсолютист Фильмер в сочинении „Патриарх или естественная власть королей" [1]).

Господство дворянства в Англии выразилось также в утверждении дворянских литературных вкусов, в классическом стиле. При Якове I представителем классической трагедии и автором дидактических стихотворений был Бен-Джонсон [2]). Но главный расцвет классической драматургии в Англии относится ко второй половине XVII в., ко временам раставрации Стюартов. Так как, однако, эта литература отражает именно вкусы дворянства, тогда ненадолго вернувшего себе господство, то уместно остановиться на ней именно сейчас. Представителями ее были Давенант и Драйден. Особенно много в этом отношении сделал Драйден, подражавший в трагедии Корнелю и Расину, а в критике Буало [3]). У него были последователи в трагедии—Ли и Отвей, а в комедии—Вичирли и Конгрив. Отличительная черта комедий Драйдена, Вичирли и Конгрива—крайняя их скабрезность. Самый талантливый из авторов комедий был Конгрив [4]).

Настоящая демократическая оппозиция, построенная на пуританстве, т.-е. на дальнейшем развитии кальвинизма, была еще делом будущего: она проявила себя полностью социально и политически в великой английской революции 40-х и 50-х годов XVII века. Но теоретические ее основы положены были именно в первой половине XVII столетия.

Первое видное пуританское сочинение принадлежит Картрайту: это—„Увещание к парламенту", направленное против англиканской церкви, причем доказывается, что она—основа язычества и раболепства. Таким образом сразу же демократический дух оказался органи-

---

[1]) *Геттнер,* История всеобщей литературы, т. I, изд 2-е, Спб., 1897, стр. 41—42.

[2]) Там же, т. I, стр. 47—48.

[3]) Там же, I, стр. 70—81.

[4]) Там же, т. I, стр. 93—97.

чески связанным с сектантским настроением. Но скоро затем Броун основал более крайнее направление в пуританстве—индепендентство, высказавшееся за полную личную свободу веры, демократически-республиканское устройство и сведение богослужения к пению псалмов и чтению библии; всякая церковная иерархия безусловно исключалась. При Карле I индепендент Прайн резко выступил против театров, как одного из проявлений язычества, задел при этом и короля. Он был за это выставлен к позорному столбу, ему отрезаны уши, и он был присужден к тюремному заключению. В тюрьме Прайн написал и выпустил в свет памфлет против епископов [1]).

Но в Англии первой половины XVII в. среди буржуазно-демократической интеллигенции так же, как и во Франции старого порядка, повеяло духом вольнодумства. Герберт из Шербери в сочинении „Об истине“ выступил с критикой человеческого познания, а в книге „О религии“—с критикой религии, причем впервые стал обосновывать философскую, интеллигентскую религию: религия по его мнению, должна содержать в себе то, что обще всем религиям, быть религией разума. Ту же идею высказал Чиллингворт в своей „Религии протестантов“. Врач Броун в 1646 г. объяснял естественным способом чудеса [2]).

---

[1]) *Виппер,* Новая история, М., 1920.
[2]) *Геттнер,* Ист. вс. лит. XVIII в., I, стр. 28—31.

III.

Старый порядок в Германии.

Полное господство старого порядка в Германии начинается после окончания Тридцатилетней войны и оканчивается концом XVIII века, т.-е. охватывает полтора столетия. Первая половина XIX в.—уже время разложения старого порядка в государствах, входивших тогда в состав „Священной римской империи германской нации“. Надо именно помнить, что Германия, как единое целое, почти не существовала, а существовали отдельные самостоятельные по существу государства, входившие формально в состав империи. Мы будем иметь в виду главным образом Пруссию и владения Габсбургского дома, впоследствии объединенные под именем Австрии.

Господство торгового капитализма в отдельных немецких государствах, преобладание земледелия, успехи индустрии, поддерживавшейся меркантилистской экономической политикой правительств,—вот основные исходные пункты хозяйственного положения Германии во второй половине XVII и в XVIII веке.

Немецкое земледелие, особенно к востоку от Эльбы, несомненно работало для рынка, не для собственного потребления. На это указывает то обстоятельство, что везде и у землевладельцев и у их более или менее крупных арендаторов из буржуазии заводилась и расширялась собственная, барская запашка [1]). Впрочем, особенно крупным земледельческое барское хозяйство не было и пока быть не могло [2]). Однако, со второй половины

---

[1]) *Кнапп*, Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии, Спб. 1900, стр. 3.

[2]) Там же, стр. 53.

XVIII в. уничтожается старая чересполосица помещичьей и арендаторской пашни с пашней крестьянской, исчезает поэтому старый принудительный севооборот, охранявший господство парового трехполья, и консолидированная в сплошную площадь барская и арендаторская запашка переводится на улучшенные севообороты: развиваются травосеяние, многополье, плодосмен [1]). Соответствующие перемены происходили в то же время и в Австрии.

В индустрии капитал скупщиков подчинил себе окончательно путем домашней промышленности и городское ремесло и деревенское кустарничество. Особенно это надо сказать о Силезии и Саксонии, но также о побережье нижнего Рейна, Вестфалии, Тюрингене, Шварцвальдс, южной Германии [2]). Английские и голландские купцы покупали у немецких скупщиков особенно полотняные, льняные изделия силезских кустарей. Еще в начале XVII в. 287 силезских местечек производили полотно на продажу [3]). Саксония славилась лейпцигскими ярмарками, сукнами, полотнами, муслином, хлопчатобумажными товарами, кружевами [4]). Сильно развита была промышленность и в рейнской провинции Пруссии. Около Аахена, Кёльна и Дюссельдорфа еще в XVII и в XVIII веках, не говоря уже о XIX, существовали хлопчатобумажное, шерстяное и шелковое производства, красильное дело, а также разные отрасли металлургии: чугунолитейное, горное, оружейное и прочие производства [5]). Здесь появляется в конце XVIII в. на-ряду с давно развивавшейся домашней индустрией не только мануфактура, но и настоящая фабрика: в 1783 г. в Эльберсфельде возникло впервые в Германии механическое, машинное прядильное производство [6]).

Меркантилистская политика Фридриха II в Пруссии, Иосифа II в Австрии, маркграфа Карла-Фридриха ба-

---

[1]) Там же, стр. 51—52.

[2]) *Базаров и Степанов*, Очерки истории Германии в XIX в., Спб. 1905, т. I, стр. 14. (Книга составлена по Мерингу и Блосу).

[3]) Там же, стр. 14.

[4]) Там же, стр. 18.

[5]) Там же, стр. 19.

[6]) Там же, стр. 20.

денского и других немецких государей имела обычные проявления: „для поощрения крупных предприятий их освобождали от всяких налогов, давали им беспроцентные и даже безвозвратные ссуды из государственной кассы, наделяли всевозможными привилегиями", напр., освобождали подмастерьев и учеников от воинской повинности; „при заминке в делах государство нередко выдавало рабочим, особенно прядильщикам и ткачам, ежедневные пособия, чтобы удержать их от эмиграции" [1]). Вот почему и в Австрии развилась текстильная промышленность—чешские полотняные и суконные мануфактуры, хлопчатобумажное производство, венские ремесленные изделия [2]).

Мы видели, что во Франции и Англии были многочисленные остатки крепостного хозяйства и даже крепостного права. Германия XVII и XVIII веков—страна совершенно крепостная, крепостничество и в хозяйственной и в правовой форме в ней господствует. Даже в XVIII веке большая часть крестьян были крепостными. Владельцами крепостных были дворяне, монастыри и городские магистраты. Существовали три ступени крестьянской зависимости: 1) крепостничество (принудительная служба, прикрепление к земле, несвободный брак) при наследственном владении землею, 2) крепостничество на правах посситов, т.-е. с пользованием землей, но с ограничением распоряжения ею: помещик решает, кому из сыновей лассита передать ее по наследству, 3) прикрепление к личности господина без права на движимое и недвижимое имущество [3]).

XVIII век, особенно эпохи просвещенного абсолютизма, по существу своему консервативного, направленного к охране существующего строя, путем устранения крайних его злоупотреблений, его ослаблявших и подрывавших, принесли некоторое смягчение крепостных отношений. Законы Фридриха-Вильгельма I в 1739 г. и Фридриха II в 1748 г. лишили помещиков возможности дальнейшего расширения запашек на счет крестьянской

---

[1]) Там же, стр. 28—29.
[2]) Там же, стр. 29.
[3]) *Кнапп*, Освобождение крестьян, стр. 1, 24—25.

земли [1]). В 1777 г. Фридрих II ввел наследственные права на землю у дворцовых крестьян [2]). В Австрии еще при Марии-Терезии была ограничена вотчинная юстиция по уголовным делам в 1769 г., а в 60-х и 70-х годах регулирована была барщина сначала в Венгрии, потом в Чехии и Моравии. Иосиф II в 1782 г. смягчил крепостное право по образу эрцгерцогства Австрии в Чехии, Моравии, Крайне и Галиции, а в 1785 г. в Венгрии: крестьяне получили право вступать в брак без разрешения господ, свободу передвижения и труда, право приобретать собственность [3]). Но всем этим лишь несколько смягчалось, но не уничтожалось крепостное право. В то же время утверждалось и поддерживалось зажиточное, „крепкое“ крестьянство.

Дворянский абсолютизм во всех германских государствах имел и соответствующие бюрократические органы. В Пруссии были совет короля, министерства, а в областях обер-президенты с дворянскими ландратами. В Австрии со времен Марии-Терезии организован был государственный совет, существовали министерства, а на местах—генерал-губернаторы и наместники. Иосиф II пытался, но неудачно, насадить крайнюю централизацию в разноплеменных владениях Габсбургского дома. Разделение властей—судебной финансовой и административной также было утверждено в Германии XVIII в.

Сохраняя характер дворянского государства, все политические объединения Германии прикрывали эту классово-сословную свою природу идеей общего блага, отрицали вотчинный принцип, превращались в государства нового типа, в союзы общественного, а не личного господства. Классически выразил это понятие о новой государственности Фридрих II, заявивший в своем „Опыте о формах правления и об обязанностях государей“, что „государь—первый слуга своего государства“.

Всего ярче дворянский абсолютизм особенно XVIII в. проявил себя в отношении к церкви и во внешней политике. Иосиф II проводил последовательно политику

---

[1]) Там же, стр. 47—48.
[2]) Там же, стр. 76—77.
[3]) *Кареев,* Ист. Зап. Евр. в новое время, т. III, стр. 388—389.

подчинения церкви дворянскому государству. Поэтому папские буллы не могли распространяться в Австрии без разрешения правительства, духовенство было подчинено государству, монашеские ордена освобождены от полного подчинения их генералам, и многие монастыри были уничтожены, у духовенства были отняты цензура и школа, приняты меры к переустройству духовной школы в том смысле, чтобы сделать духовенство, из нее выходящее, покорным орудием государственной власти.

Внешняя политика немецкого абсолютизма направлена была, как и в других странах, к созданию широкой территории, как основы для развития торгового капитализма в интересах дворянства и крупного купечества. С этою целью велись и войны за австрийское наследство и Семилетняя, производились и разделы Польши. С Фридриха II намечается и один важный вопрос германской политики,—вопрос о гегемонии в Германии, Пруссии и Австрии: и война за австрийское наследство, и Семилетняя война, и союз немецких князей, одно время составленный Фридрихом против Австрии, выдвигали на очередь этот вопрос, получивший впоследствии первостепенное значение. Вопрос заключался в том, прусские ли или австрийские дворянство и буржуазия приобретут первенство в Германии, станут руководителями ее хозяйственной и государственной жизни.

Дворянский абсолютизм в его расцвете был в Германии запоздалым явлением, сравнительно с абсолютизмом французским и в особенности английским. Это и создало ему своеобразное положение, придало оригинальные черты: немецкие монархи XVIII века именно поэтому могли усвоить тот оттенок разумного консерватизма, просвещенного и просветительного абсолютизма, который был им свойствен. Та же запоздалость, отсталость дала возможность и немецкой духовной культуре особенно XVIII в. снять сливки с культуры своих соседей, особенно французов, и приобрести поэтому оригинальные уклоны, предвещавшие уже близкое разложение старого порядка. Международная среда на-ряду с внутренними процессами развития давала здесь себя знать очень чувствительно.

XVII век был в этом отношении неоригинален. Художественная литература и критика того времени были выдержаны в стиле чистого классицизма, сменившего собою жеманно-сентиментальное течение. Чистым классиком и критиком-теоретиком классической школы был в XVIII веке Готтшед, подражатель Корнеля, Расина и и Буало, далеко уступавший им по таланту. Гораздо талантливее его был Клопшток, автор поэмы „Мессиада", религиозно-настроенный лирик, на которого влияли не одни французы-классики, а и первые английские романтики [1]).

Если таким образом уже в классицизме Клопштока была некоторая трещина, то Виланд совсем порвал с классическими образцами. Он писал в легком французском стиле, но перевел также и Шекспира [2]). Главное его произведение—роман „Агатон", проникнутый рационализмом и индивидуализмом [3]). Виланд явился литературным посредником между буржуазией и дворянством [4]).

Дальнейшие шаги в этом направлении были сделаны Лессингом и Гердером. Лессинг как критик в „Письмах, касающихся новейшей литературы", в „Лаокооне" и в „Гамбургской драматургии" развенчал теоретически классицизм Готтшеда и противопоставил ему Шекспира, а как драматург дал образцы мещанской и социальной драмы в „Минне фон-Барнгельм", „Эмилии Галотти" и „Натане Мудром" [5]). Это—Белинский немецкой литературы. Что касается Гердера, то он—сын настоящей немецкой „эпохи бури и натиска", начавшейся с 70-х и 80-х годов XVIII в. и ознаменовавшейся как началом перерождения дворянства в буржуазию, так и в особенности ростом буржуазно-интеллигентского сознания. Идя по стопам Руссо, Гердер объявил, что поэзия—выражение чувства, и истинное творчество бессознательно. Поэт—создание среды и эпохи. Отсюда необходим социально-психологический анализ. Гердеру

---

[1]) Ср. *Шахов*, Гёте и его время, 2-е изд., Спб. 1897, стр. 19.
[2]) Там же, стр. 20.
[3]) *Куно-Франке*, История немецкой литературы, стр. 257, 268.
[4]) *Шахов*, Гёте и его время, стр. 20.
[5]) *Куно-Франке*, Ист. нем. лит., стр. 271—293.

принадлежит также теория культурно-исторических народных типов и их смены в истории. Будучи последователем Спинозы, Гердер пошел дальше его в том направлении, которое впоследствии усвоил Шеллинг, и это повело его к разрыву с реакционными немецкими мистиками,—Якоби, Юнгом, Штиллингом и другими, генетически связанными с религиозным пиэтизмом Шпенера. Гердер окончательно разрушил поэзию рассудочности и выдвинул ей на смену поэзию чувства [1]).

Мировое значение немецкой литературе времен старого порядка придала деятельность двух великих поэтов—Гёте и Шиллера. Оба представляют собою уже писателей в значительной степени буржуазных не только по происхождению, но и по настроению и направлению.

Гёте—Шекспир немецкой литературы. Его личность нашла себе особенно яркое выражение в его автобиографии, озаглавленной им „Правда и поэзия“.

Здесь Гёте дает прежде всего отчетливую и яркую характеристику современных ему литературных и общественных течений. Он указывает на популярность идиллий Геснера, произведений Вейссе, стоявшего за правду и естественность против Готтшеда, а также на успехи Виланда, на общественную сатиру Рабенера, не осмеливавшегося, однако, затрагивать высшее сословие, и на религиозные стихотворения Бодмера. Зародыши национального духа и содержания стали заметны в XVIII веке впервые в военных песнях Глейма и стихотворениях Рамлера, воспевавших Фридриха II. Но торжеством национального духа была только „Минна фон-Барнгельм“ Лессинга, „Лаокоон“ Лессинга произвел потрясающее впечатление на всю молодежь, увидевшую в нем свет и свободу. Винкельман с его проповедью настоящего, подлинного классицизма пользовался всеобщим поклонением. Образовались два кружка новой литературы—литературы „бури и натиска“—геттингенский во главе с Бойэ и франкфуртский, которым руководил Гёте. В этих условиях и началась его литературная деятельность.

Гёте вообще не отличался особенно порывистым темпераментом, но в Лейпциге вел одно время разгульную

---

[1]) *Гайм*, Гердер.

жизнь, и его влекла бурная жизнь света: „в Страсбурге", говорит он, „охота к танцам загорелась во мне снова рядом с желанием многих других наслаждений жизни". Эгоистические чувства ему были чужды: напр., он не был труслив, у него „всегда было довольно отваги, чтобы предпринять что-либо необычайное и опасное"; всходя на открытую площадку страсбургского собора, он приучил себя не бояться; изучением анатомии приучал себя спокойно смотреть на ужасные вещи; отучил себя бояться темноты и т. д. Индивидуалистические чувства у Гёте были сильно развиты. Например, ему было в высшей степени свойственно чувство новизны, стремление к разнообразию впечатлений: так, во время путешествия по Эльзасу Гёте живо интересуется технической и экономической стороной фабричного производства, в Эльберфельде любуется „кипучей деятельностью фабрик", развлекается путешествиями, фехтованием, катаньем на коньках. Сильно выражены у него были и честолюбие и самолюбие: еще будучи ребенком, перебил, выбрасывая на улицу, детскую, а потом и кухонную посуду только потому, что соседние мальчики одобряли и подбадривали: „еще!" Обращение с людьми у него было то дружеское, то шутливое, но всегда полное сознания собственного достоинства; в Лейпциге из самолюбия оделся по моде, отвык от верхне-немецкого наречия и обучился хорошим манерам; в Страсбурге его вдохновляла „надежда завоевать как можно более независимости от внешних условий"; он „не выносил над собою менторства и подчинялся только доброжелательству и искреннему участию"; „меня", говорит Гёте, „лично то, что называют тщеславием, никогда не раздражало, и я позволял и себе быть тщеславным, то-есть, нисколько не стесняясь, выставлял на вид то, что радовало меня в себе самом". Сильны были в Гёте и такие чувства, как любовь к свободе: еще в юности он испытывал любовь к уединению и страстно-тоскливое томление; и позднее часто старался уединяться, особенно на лоне природы, боялся также лишиться свободы из за любви. С индивидуализмом, как это и естественно, совмещались эстетические чувства—любовь к природе, увлечение искусством и литературой: в детстве его привлекал хороший вид из комнаты, где он готовил уроки, на город

и загородную равнину; он любил путешествия пешком; еще ребенком любовался бывшим у отца его, богатого и культурного бюргера с юридическим образованием, собранием римских видов; зачитывался в библиотеке отца римскими авторами, древностями, итальянскими поэтами (Тассо), путешествиями и картинами немецких художников того времени, главным образом подражавших фламандцам. Несколько позднее Гёте стал читать немецких поэтов, почувствовал страсть к сложению стихов, читал Овидия, „Телемаха" Фенелона, покупал рыцарские романы, зачитывался „Робинзоном Крузо" Дефо. В отрочестве увлекался „Мессиадой" Клопштока, а юношей усердно посещал театр, где познакомился с французскими комедиями Детуша, Мариво, Ла-Шоссе, Мольера, Лемьерра, операми Седена, мадам Фавар и Руссо, с „Отцом семейства" Дидро и с „Философами" Палиссо, с Лессингом, изучил Корнеля, Расина и Мольера. В Лейпциге занимался рисованием, гравировальным искусством, а в Дрездене все время посвящал картинной галлерее. Восхищался гобеленами, готикой. Огромное впечатление произвел на Гёте „Векфильдский священник" Гольдсмита—особенно оттенком иронии во взгляде на жизнь. Изучал немецкую литературу XVI века, а потом и французскую—Монтеня, Амио, Раблэ и Маро. Руссо был ему „очень понутру", как и Дидро. Проглотил с жадностью перевод Шекспира, сделанный Виландом, изучил массу произведений древних пластики и архитектуры. Очень важна индивидуалистическая мотивировка гётевского эстетизма: фактическая обыденная жизнь иной раз теряет свой блеск до такой степени, что „является положительная потребность немного налакироваться вымыслом". При всех этих данных неудивительно, что этические чувства Гёте были слабы и носили всегда индивидуалистический отпечаток. Правда, он был соединен искренней дружбой с сестрой, свободно и легко общался с французскими офицерами, поселившимися и бывавшими в доме его отца во время Семилетней войны; но уже тут главным было восхищение его характером и любезностью, красотой и выдержкой Субиза и маршала де-Брольи; посещал ремесленников, но из чувства новизны: интересовал их быт. Хотя Гёте был не склонен ко лжи, не ветрен, серьёзен во взглядах на себя

и на жизнь, но напрасно мы стали бы искать у него томительных исканий морального идеала, мучений над вопросом о том, как жить хорошо. Влюблялся он часто и сильно, но едва ли есть другое чувство с таким сильным индивидуалистическим отпечатком, как его любовь: узнав, что первая его любовь—Гретхен—смотрела на него как на ребенка, он „почувствовал себя исцеленным от всякой к ней страсти“; с Анхен разошелся, потому что измучил ее „ревнивыми ссорами“, с Фредерикой разорвал, боясь потерять свободу, причем чувствовал свою вину, испытывал покаянное настроение и даже должен был сознаться, что его роль была „жалкой“; от Лики тоже из боязни лишиться свободы уехал в Италию; любовь к чужой невесте—Шарлотте—послужила поводом для романа „Страдания молодого Вертера“—и только. Религиозные чувства Гёте рано начали принимать пантеистический характер: еще в детстве у него зародилась мысль, что бог—общ с природой, и он приносил ему в жертву плоды, зажигая на них курительную свечку. В юности Гёте „примирился с богом *или с богами*“ (подчеркнутое—характерно). Во время студенческой жизни в Лейпциге склонялся было к полному вольномыслию, но потом выработал себе религиозные воззрения на основе неоплатонизма, идеи божества, постоянно, от вечности творящего себя, и, наконец, увлекся Спинозой и его пантеизмом. Понятно, что политические и общественные чувства были, в сущности, чужды Гёте и, поскольку в слабой степени проявлялись, носили ту же печать индивидуализма. Во время Семилетней войны он сочувствовал Фридриху II, но тут действовали яркая личность и блестящие деяния. Адвокатурой занимался не ради общественных целей, а потому, что ему нравилась роль оратора и гуманиста. Оппозицию Гёте вообще считал „непохвальной“. Но зато совершенно естествен широкий круг умственных интересов и большая аналитическая способность, встречавшая, однако, характерный противовес в эстетизме и конкретизме. В детстве Гёте не любил грамматики, но формы и обороты языка усваивал легко, практически изучил итальянский, французский и английский языки, по собственному желанию учился по-еврейски и читал Библию на еврейском языке. Когда

его учитель дал ему английскую книгу, примирявшую религию с разумом, получился результат, характерный для эстетического конкретизма Гёте: он не придал значения выводам автора, зато представил себе живейшую картину Палестины с событиями, там совершавшимися за тысячу лет. Гёте питал также интерес к исследованию природы, посещал лекции химии и анатомии, сам был естествоиспытателем, но полагал,—и это опять характерно в том же смысле,—что „философия вполне исчерпывается религией и поэзией“, и в книге Гольбаха, как ему казалось, „земля и небо тонули со всеми их красотами и созвездиями“.

Таков был Гёте как личность, прообраз культурного буржуа, индивидуалист до мозга костей. И это ярко и гениально выражено им в его произведениях, из которых мы остановимся только на главных.

Первое напечатанное произведение Гёте—„Гёц фон Берлихинген с железной рукой“ было написано в 1773 г. под влиянием Шекспира и Руссо [1]). Но не в этих влияниях главное, а в воздействии окружающей действительности и общественных настроений, к которым только пришлись кстати литературные влияния. Гёте испытывал тогда состояние бурного брожения и недовольства окружающим и увидел свое духовное родство с Гёцом. Молодежь видела в пьесе Гёте „знамя для своих диких, страстных порывов“. От действительности Гёте отступил сознательно: Гёц умирает, тогда как на самом деле он жил еще 40 лет. Драма написана превосходным языком с историческим колоритом.

Роман „Страдания молодого Вертера“ внушен личными впечатлениями—дружбой Гёте с Шарлоттой Буфф и ее женихом, любовью Гёте к Шарлотте и самоубийством Ерузалема. Но в нем ярко отразилось настроение молодежи, недовольство жизнью от однообразия обыденных впечатлений, ненависть к мещанской тупости и вялости, скука от недостатка деятельности. Это—первое проявление „мировой скорби“, разлада между идеалом и действительностью [2]).

---

[1]) *Шахов*, Гёте и его время, стр. 39.
[2]) Там же, стр. 52.

В 1776 г. у Гёте проходит период бурных стремлений, он достигает полной зрелости и создает „Фауста“ и „Ученические годы Вильгельма Мейстера“. В „Фаусте“ искание смысла жизни: наука не удовлетворила, не удовлетворила и любовь; искусство (Елена), техника (постройка мостов, дорог и пр.), которым Фауст отдался потом, о чем говорит вторая часть поэмы, также не дали искомого успокоения и удовлетворения; конечный вывод: „лишь тот свободной жизни властелин, кто дни свои в борьбе проводит трудной“; апофеоз борьбы, общественной деятельности [2]), идеал буржуазии, еще молодой, рвущейся вперед, перед которой открывается широкое будущее. Мефистофель—при всем его остроумии, трезвости мысли—посрамлен; это—приговор философскому догматизму [3]),—результат жажды критики и движения вперед. „Ученические годы В. Мейстера“—романтически-реалистическая повесть. Основное настроение здесь—эмансипация человеческой личности. В повести много говорится о театре, ярко выражено поклонение Шекспиру, превосходны песни Миньоны, старика-арфиста и Филины, характеры Миньоны, Филины, Марьянны, Терезы, Наталии и т. д.; повесть представляет собою яркое изображение актерского быта и содержит много намеков на существовавшие тогда литературные течения.

Шиллер был сыном бедного полкового фельдшера, учился в военной школе, где царили суровая дисциплина и деспотизм. Впечатления юности и вылились в резкий политической и социальный протест против деспотизма власти и господствующих классов, выразившийся в трагедиях „Разбойники“, „Заговор Фиеско в Генуе“ и в мещанской драме „Коварство и любовь“. Но молодость прошла, Шиллер отрезвел, сначала отчасти, потом вполне. Частичное отрезвление видно уже в „Дон-Карлосе“: маркиз Поза здесь не революционер, не отрицатель, а только реформатор. А далее наступило примирение с действительностью, апофеоз победы провидения („Орлеанская дева“), патриархальности и националь-

---

[1]) *Луначарский,* Философия трагедии.
[2]) *Шахов,* Гёте и его время, стр. 166.

ной самостоятельности („Вильгельм Телль“) [1]). Буржуазные тенденции в творчестве Шиллера выражены были таким образом, хотя и по своему, но не меньше, чем в творчестве Гете.

Немецкая философия XVII и XVIII в., кроме старой религиозной философии Крузиуса, дала двух великих философов—Лейбница и Канта, если не считать Вольфа, имевшего большую популярность, но по существу мало оригинального, лишь продолжавшего и популяризировавшего Лейбница с оттенком рационализма. Кант начинает собою развитие новой, буржуазной философии, и о нем речь у нас пойдет позднее, в свое время. Теперь остается только отметить значение Лейбница.

Как ученый математик, Лейбниц имеет значение мирового гения. Он развил, двинул вперед дифференциальное и интегральное счисление и ввел общеупотребительные теперь обозначения интеграла и дифференциала. Его продолжил в XVIII веке Яков Бернулли своей теорией интегрирования дифференциальных уравнений [2]). Как философ, Лейбниц со своей теорией монад, неделимых составных частей всего существующего, с религиозной теодицеей, с учением об интуиции, погружении в собственный дух, как средстве философского познания занимает в истории философии в Германии такое же положение, как Декарт в истории философии Франции и Спиноза в истории философии Нидерландов. Философия Лейбница отвечала необходимости в цельном синтезе, в едином целом понять мировую жизнь, а эта потребность продиктована была тогда всей реальной обстановкой материальной культуры и прежде всего ростом и развитием торгового капитализма.

Лейбниц исходил из дуалистического представления Декарта о двух сущностях—духе и материи. Объединить их он и пытался своей монадологией: монада—последняя, простейшая сущность материи, и ей, как простейшей субстанции свойственно действенное, живое начало, свойственное духу. Поэтому монада—сущность, материя—

---

[1]) Там же, стр. 203—227.

[2]) *Шереметевский*—очерк истории математики в приложении к книге Лоренца „Элементы высшей математики“.

явление, феномен, внешность; монада имеет духовную природу. Монады неделимы, но отличны одна от другой степенью своей активности или действенности, с этой точки зрения располагаются в известном порядке, которому соответствуют низшие и высшие явления мировой действительности, нами воспринимаемой нашими внешними чувствами. Человеческое тело есть совокупность низших монад, а человеческий дух—высших. По существу между низшими и высшими монадами нет противоположности, есть сходство—в их духовной сущности. Поэтому сущность, субстанция есть в действительности нематериальное, дух. Монадам свойственны восприятия и представления в низших монадах темные, неясные (камни, растения. животные), в высших более ясных (человек) и в самых высших совершенно ясных (божество). Гармония между монадами и создает единство тела и духа. На этой гармонии основывает Лейбниц и свою теодицею—обнаружение божества в мире, отражение первого в последнем, „предустановленную гармонию [1])".

В своем роде философия Лейбница столь же типична для эпохи классицизма, как была для нее характерна философия Декарта. Но сфера влияния классицизма в Германии, как и в других странах, захватывала не только литературу и философию, — она проникала и в искусство, в частности в живопись и музыку.

В немецкой живописи XVIII века представителями классицизма со всеми его отличительными особенностями были такие художники, как Менгс, Анжелика, Кауфман и главное Карстенс, деятельность которых относится ко второй половине XVIII столетия [2]).

Несравненно сложнее было развитие немецкой музыки. Здесь сказались не только традиции классического стиля, но и дальнейшие порывы вперед, появились элементы новой музыки, характерной для XIX столетия.

В XVIII веке при дворах немецких, как и других государей, господствовала итальянская музыка, главным образом итальянская опера классического стиля с пере-

---

[1]) *Kuno Fischer.*, Leibnitz und seine Schule, Hidelberg, 1890

[2]) *Мутер,* История живописи, т. II. стр. 135—137.

менами в нем, осложнениями, капризами, фокусами, колоратурой и фиоритурами, которые преобразовали классицизм в стиль рококо [1]). Но в Германии дело на этом не остановилось. Первыми провозвестниками дальнейших музыкальных новшеств явились Бах и Гендель.

Бах перенес полифонию в инструментальную музыку—церковную и светскую—и увенчал процесс развития полифонии фугой [2]). Но его музыка в свое время доступна была только высоко-образованному в музыкальном отношении меньшинству и потому имела мало успеха, что отразилось и на положении композитора, вечно нуждавшегося и бедствовавшего. Один раз счастье ему улыбнулось как будто: его вызвал к себе в Потсдам Фридрих II. Но и то на минуту: и этот король не понял Баха, как следует [3]).

Гендель, при всем национально-буржуазном [4]) колорите его музыки, был лучше всего понят и любим не немецкой, а главным образом английской буржуазией [5]). Гендель был настоящий представитель приспособляющейся и преуспевающей даже при старом порядке буржуазии: он был и честолюбив и отличался чувством собственного достоинства, был и практичен и умер состоятельным человеком [6]). Он написал много опер и ораторий, проникнутых героическим настроением: был певцом героев и любви [7]). Он был ближе пониманию своих современников, потому что, в противоположность Баху, был больше вокальным, чем инструментальным композитором, дорожил вокальными эферентами, инструментальная музыка у него только восполняла голоса [8]).

Под влиянием Генделя и французской оперы находился третий замечательный немецкий композитор XVIII в. Глук. Он отверг итальянские колоратуры в опере и был первым представителем реалистическо-героической

---

1) *Науманн*, Иллюстр. истор. музыки, II, стр. 339—340.
2) Там же, т. III, стр. 10—11.
3) Там же, III, стр. 16—24.
4) Там же, III, стр. 37.
5) *Размадзе*, Очерк истории музыки, ч. 3-я, стр. 161.
6) *Науманн*, Иллюстр. истор. музыки, III стр. 38.
7) Там же, III, стр. 37.
8) *Размадзе*, Очерк истор. музыки, ч. 3-я, стр. 169.

оперы, элементы которой он нашел у Генделя и во Франции. Простота—его идеал. Инструментальная сторона у него стояла не ниже вокальной, увертюра должна была выражать содержание целой оперы [1]).

Основателем новейшей инструментальной музыки [2])—главным образом симфонии—был в Германии XVIII в. Гайдн. Он воспользовался здесь двумя старыми музыкальными формами—сонатой и сюитой и создал с их помощью, путем их соединения, симфонию из четырех частей. Три части—постановка двух главных тем, их развитие и репетиция, повторение их в одной основной тональности—были взяты из сонаты, а четвертая—менуэт или скерцо из сюиты [3]). В симфониях Гайдна много юмора [4]), а также наивной, но миловидной красоты [5]). Гайдн—княжеский слуга, заботившийся о развлечении господина: покойный, добродушный, с оттенком меланхолии [6]) и юмора, добродушной усмешки. Конечно, успех Гайдна в высших кругах уже свидетельствовал о начавшемся их разложении.

Моцарт был шире и новее Гайдна: он не удовлетворялся обществом высшего круга, жаждал и практически искал более широкой аудитории и находил ее [7]). Он создал новые роды оперы—веселую, комическую („Свадьба Фигаро"), романтическую („Дон-Жуан"), сказочную, символическую и аллегорическую („Волшебная флейта") [8]). В опере Моцарт соединил итальянские и глюковские традиции, проводил естественность, жизненную правду и простоту [9]). В то же время вслед за Гайдном он развил и симфонию, а в своем „Реквиеме" выразил ужас смерти и страшного суда [10]).

---

[1]) Там же, ч. 3-я, стр. 175—177.
[2]) *Науманн*, Илл. ист. муз., III, стр. 79.
[3]) *Размадзе*, Очерк ист. муз., ч. 4-я, стр. 20—23.
[4]) *Науманн*, Илл. ист. муз., III, стр. 78.
[5]) *Размадзе*, Оч. ист. муз., ч. 4-я, стр. 27.
[6]) Там же, ч. 4-я, стр. 56—57.
[7]) Там же, ч. 4-я, стр. 57.
[8]) *Науманн*, Илл. ист. муз., III, стр. 109—110.
[9]) *Размадзе*, Оч. ист. муз., ч. 4-я, стр. 13—14.
[10]) *Науманн*, Илл. ист. муз., III, стр. 110.

IV.

Италия, Испания, Португалия и скандинавские страны при старом порядке.

Торговый капитализм, являющийся экономической основой старого порядка, связан был в Европе с экономической политикой меркантилизма, существенным элементом которой являлась теория и практика благоприятного торгового баланса. Англия, Франция, Нидерланды были в то время передовыми странами, которые осуществляли эту практику. Но этого не могло быть во всех европейских странах того времени: раз были страны с благоприятным торговым балансом, должны были быть и другие—с балансом неблагоприятным. Эти страны были сравнительно поэтому отсталыми. Такими и являлись отчасти Германия, скандинавские страны—Швеция и Дания—и в несравненно большей степени Испания, Португалия и Италия. Вот почему, чтобы не слишком отстать от передовых стран и в то же время воспользоваться их опытом для предотвращения или хотя бы отсрочки угрожавших социальных потрясений, эти отсталые страны, все же развивавшие соответствующую экономическую политику, вынуждены были в лице своих правящих классов и их правительств проявить то политическое направление в XVIII веке, которое известно под названием просвещенного и просветительного абсолютизма. Это в конечном счете, повторяем, было политикой разумного консерватизма, имевшей в виду интересы господствовавшего меньшинства, более всего того же дворянства. И если иногда дворянство переходило при такой политике правительств в оппозицию и создавало реакцию, то это всегда было ответом на буржуазные увлечения представителей просвещенного абсолютизма, на попытки их перейти известную меру, затронуть некоторые непри-

косновенные с точки зрения интересов дворянства устои старого режима.

Нам уже известно, как совершился переход к торговому капитализму, и как произошла связанная с ним дворянская революция в Испании, соединенной тогда с Португалией в одно государство, а также в Италии [1]). Перелом, тогда в этих странах совершившийся, при всех задерживавших и смягчавших его обстоятельствах, был все-таки фактом непреложным и направил эти страны по пути развития торгового капитализма. В Испании продолжали развиваться те торговые и промышленные центры, которые, подобно Севилье и Кадиксу, жили торговлей с обширными американскими колониями, или, подобно кастильским городам, развивали шерстяную и шелковую мануфактуру, изделия которых находили себе сбыт в Леванте [2]). Вместе с тем дворянство и первый дворянин—король увеличивали свое землевладение насчет буржуазии: так надо понимать социальный смысл совершившегося при Филиппе III изгнания морисков—принявших католичество мавров, которые были активнейшим и потому опаснейшим для дворянства конкурентом в торгово-промышленной сфере. Известна, наконец, в особенности меркантилистская политика испанских Бурбонов в XVIII веке [3]).

Что касается Италии, то здесь дворянское землевладение и многочисленные остатки крепостного права и крепостного хозяйства царили не только в XVII веке, но и в XVIII веках, так что и в Ломбардии, и в Тоскане, и в Церковной области в руках дворянства сосредоточивалось руководство всей почти хозяйственной жизнью. В Неаполитанском королевстве XVIII века $^4/_5$ всей земли были в руках 10-ти тысяч дворян.

Медленнее шли соответствующие перемены в Швеции и Дании, но и там реформация и связанная с ней секуляризация передали дворянству значительную часть феодальных владений—земли церкви. Не совсем побеждена была только светская феодальная аристократия.

---

[1]) Том VI, стр. 45 и след., 174 и след.

[2]) *Gourg de Rosland*, Essai sur l'histoire économique de l'Espagne.

[3]) Там же.

но это было здесь закончено просвещенным абсолютизмом XVIII века.

Характерно, что все эти страны действительно не обошлись без иногда весьма напряженной деятельности просвещенных деспотов, в лице ли монархов или их министров,—это безразлично.

В Швеции Густав III в 1772 г. окончательно и твердо установил абсолютизм, сведя почти совершенно к нулю политическое значение аристократического сейма: король получил право не созывать сейма и устанавливать новые налоги без сеймового постановления; наконец, право законодательной инициативы стало исключительной прерогативой короля,—сейм его утратил [1]).

В Дании абсолютизм утвердился в полной мере в 1660 г., а в 40-х, 50-х и 60-х годах деятельность Бернсторфа и особенно Струензе была настолько проникнута принципами просвещенного абсолютизма, что при втором из этих министров вызвала резкую реакцию: Струензе, типичный „случайный“ человек, с большими индивидуалистическими запросами, с жаждой власти и наслаждений, с широким кругозором, соединявший и корыстолюбие, хищничество, малодушие в опасности [2]), был обвинен и казнен, потому что перешел границу, отделяющую интересы дворянства от интересов буржуазии.

В Португалии при Иосифе I в третьей четверти XVIII века Помбаль изгнал иезуитов, заменил светскими школами иезуитские учебные заведения, отделил суд от администрации, издал свод законов, ограничил церковное землевладение и подчинил церковь государственной власти [3]).

В Испании почти в то же время и те же меры провел при Карле III Аранда [4]).

Наконец, в Италии во второй половине XVIII века велась такая же политика министром неаполитанского

---

[1]) *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в новое вр., III, стр. 287.

[2]) *Wittich*, Struensee: он вел себя униженно во время суда над ним и выдал своих сообщников, между прочим и королеву, фаворитом которой был.

[3]) *Кареев*, Ист. Зап. Евр. в новое вр., III, стр. 290, 360, 372.

[4]) Там же, III, стр. 291, 292, 371.

короля Фердинанда IV Тануччи[1]), великим герцогом тосканским Леопольдом[2]), и, наконец, сардинскими королями после того, как в 20-х, 30-х и 40-х годах XVIII в. окончательно сложилось их королевство из Савои, Сардинии и Пьемонта, т.-е. западной части Ломбардии.

Таким образом во всех странах, о которых у нас в настоящее время идет речь, к концу XVIII века политика просвещенного абсолютизма, привела административный и вообще государственный аппарат в полное соответствие с хозяйственной его основой: абсолютизм и меркантилизм равнялись по торговому капитализму, воздвигались на его основе, и старый порядок упрочивался надолго. Этому способствовало и то обстоятельство, что Англия, особенно со второй половины XVIII в., стала переходить к промышленному капитализму нового, машинного типа, перестала проводить политику меркантилизма и благоприятного торгового баланса, которая оказалась уже ей ненужной, и усиленным спросом на континентальное сырье дала возможность отсталым странам европейского материка укрепить и развить у себя торговый капитализм, а следовательно и абсолютизм, с теми легкими поправками к старому порядку, которые не разрушали его жизненных основ, составляли сущность просвещенного абсолютизма.

Что касается духовной культуры, то мы остановимся в этой сфере лишь на том, что дано Испанией и в особенности Италией, так как с точки зрения сравнительно-исторической именно культурные явления этих стран, главным образом Италии, обращают на себя внимание.

Из научно-технических изобретений, характерных и в хозяйственном отношении, замечательно изобретение испанцем Лукателло в 1647 г. первой в мировой истории земледельческой машины—сеялки. Это одинаково указывает на успехи и испанского земледелия, и науки, и техники, т.-е. на то, что развитие духовной культуры в Испании старого порядка шло вперед, и что оно принимало в этой области уже буржуазное направление.

---

[1]) Там же, III, стр. 293, 371.
[2]) Там же, III, стр. 381.

Об этом же свидетельствует испанская литература XV и XVIII веков. Мы уже отмечали в свое время, что деятельность Кальдерона хронологически относится к периоду старого порядка. Но и кроме него Испания дала ряд талантливых писателей. Мы отметим здесь лишь главное и наиболее характерное в дворянском духе. В XVIII в. Игнасио де-Люзан, помимо переделок современных ему французских и итальянских драм, написал „Поэтику“ в стиле Буало, обосновывавшую литературный классицизм. Его старший современник монах Фейхоо, будучи правоверным католиком, не пренебрегал, однако, современным ему течением научной и философской мысли и в своих исторических сочинениях заложил основы научному пониманию исторических явлений, а в философских работах высоко ценил не только Лейбница и Паскаля, но и Бэкона, Ньютона, Гассенди и Галилея. Основанная в 1749 г. Академия изящного вкуса проводила в литературу влияние французского классицизма. Трагедия Монтиано „Виргиния“, появившаяся в 1750 г., написана в стиле Расина. Классические трагедии писали потом также Айяла и Уэрта. А оба Моратина — отец и сын, Ховелльянос и в особенности Рамон де ла Крус были выдающимися представителями испанской комедии [1]). При этом Рамони де ла Круса можно во многом сблизить с Мольером. Испанская комедия XVIII в. была, следовательно, уже видом национально - буржуазной литературы.

Итальянская литература XVII и XVIII веков началась маринизмом—явлением, совершенно подобным жеманству Депорта и д'Юрфе во Франции, английскому эвфуизму и испанскому гонгоризму. Маринизм—это поэзия галантности по содержанию и галантная поэзия по форме, в манерном, изысканном, напыщенном стиле. Название свое эта поэзия получила от наиболее талантливого своего представителя графа Марино, автора поэмы „Adone“, пастушеских сонетов и песен. Марино был в сущности в значительной мере подготовлен известной уже нам поэзией Пульчи, Боярдо, Ариосто и Тассо.

---

[1]) *Тикнор*, История испанской литературы, т. III, стр. 235, 236, 241, 242, 250, 301, 303, 306, 307—311.

Вслед за маринизмом пришел классицизм в трагедиях Маффеи и в героических драмах Метастазио. Но уже из произведений Метастазио нравились больше всего не эти героические драмы, а сентиментальные мелодрамы, преобразовавшие оперу [1]) и бывшие, как литературные произведения, параллельными по своему значению отчасти произведениям Лафонтена: чистый классицизм в Италии дал трещину, как это мы видели и в других странах.

Светское, дворянское общество Италии, увлекаясь мелодрамами Метастазио, искало развлечения и в актерских импровизациях с некоторыми традиционными героями (Арлекин, Панталони и т. д.), известных под названием comedia dell'arte. Этот вид литературных произведений был зерном, из которого в Италии вышла новая, преобразованная буржуазная комедия.

Ее подготовка—дело тех литературных кружков, которые, начиная с конца XVII века, росли в Италии, как грибы после дождя. Таковы были в Милане „академия преображенных", в Болонье „академия замороженных" в Сиене—флегматиков, в Риме—Аркадская академия, названная так потому, что собралась впервые под открытым небом за замком св. ангела, на лугу, напомнившем одному из собравшихся об Аркадии. Отсюда вышли такие талантливые писатели, как Парини, и в особенности Гальдани [2])

Гольдани, мелкий буржуа по происхождению, странствующий актер по профессии, ввел в comedia dell'arte новые действующие лица, им придуманные, а потом они оттеснили на второй план и, наконец, совсем вытеснили традиционных героев народной комедии, и таким образом получилась новая комедия. Главное в ней было не характеры, а интрига, неистощимая изобретательность, множество комических положений, движение, жизнь [3]).

После Гольдани граф Гоцци напрасно пытался возродить comedia dell'arte, уже отжившую свое время: остроумные и веселые пьесы Гоцци в старом духе имели врмеенный успех, но скоро были забыты [4]).

---

[1]) *Vernon Lee,* Studies of the eighteenth century in Jtaly. Lond., 1880

[2]) Там же.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

Сатиры Парини имеют глубокий социальный смысл: они развенчивают окончательно дворянство в Италии, обливая его ядом насмешки. Характерно, наконец, и то, что и традиционный литературный дворянский жанр — классическая трагедия — в конце XVIII в. приобретает новое, антидворянское направление. Альфиери в своих трагедиях был врагом деспотизма, сурово и гневно призывал к объединению Италии, к свободе, добродетели и славе. Новые либерально-буржуазные идеалы получили здесь ясное и отчетливое выражение.

В итальянской живописи XVII и XVIII веков последовательно вырабатывался классицизм и подготовлялись ему на смену новые, буржуазные течения, вкусы и интересы. В подготовке классицизма, отчасти и новых течений, особенно импрессионизма, видную роль сыграла венецианская школа — последователи и продолжатели Тициана. Из них особенно выдаются Паоло Веронезе в XVII в. и Тьеполо в XVIII столетии. Паоло Веронезе заимствовал у Тициана роскошный, ослепительный колорит, сделал более правильным рисунок, особое внимание сосредоточил на аллегорической, иносказательной живописи, пытающейся в образах представить какую-нибудь добродетель, подвиг, событие, личность, чувство. Но вместе с тем он, сообразно венецианским вкусам, главное внимание обращал на роскошь обстановки, великолепие одежд и убранства, которые научился рисовать с полным совершенством. Картины его ослепляют и восхищают взор, но мало говорят уму и сердцу, отражая праздную роскошь, изнеженность, балованную лень. Пример—картина Веронезе „Подслушивающая“: красивая, прекрасно одетая девушка, около которой стоит амур, к чему-то прислушивается; присутствие амура внушает толкователям картины мысль, что она явилась на любовное свидание и прислушивается к приближающимся или ожидаемым шагам своего возлюбленного. Картина прекрасна и чарует глаз, но оставляет зрителя достаточно холодным и спокойным, предоставляя ему любоваться внешностью. Достойны, однако, внимания выразительность и приближающиеся к натурализму подробности изображения. И в религиозные сюжеты Веронезе вносил те же свои осо-

бенности: справедливо указано [1]), что сго святые и мадонны—светские дамы, роскошно одетые, что „Брак в Кане Галилейской“ и „Тайная вечеря“—пышные пиры.

Тьеполо в венецианской живописи XVIII в. был ярким представителем стиля рококо—праздничного, кокетливого, прихотливого, капризного. Его живопись—яркая, сияющая, декоративная, блестящая [2]).

Третий венецианец Тинторетто в XVIII веке начал тем же, что отличало Веронезе: изображал роскошные одежды и молодое женское тело. Но потом у него началась реакция: он стал писать мрачные религиозные картины, окровавленных мучеников, бледных аскетов, худых и бледных женщин, ужасы страшного суда [3]). То была религиозная самооборона старого порядка против надвигавшихся новшеств.

В том же XVII веке в Риме сделан был шаг вперед в направлении буржуазного натурализма весьма выдающимся художником Микель - Анджело Америчи Караваджо, который соединил в своей живописи могучий колорит венецианцев с силой и энергией своего флорентинского тезки Микель-Анджело Буонаротти и прибавил ко всему этому настойчивое стремление к изображению природы без каких - либо прикрас и идеализации, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Природу он считал единственным учителем художника. Его „Святой Матвей“—грубый пролетарий [4]). Несомненно, направление Караваджо было чисто-натуралистическим, отвергало всякий идеализм в искусстве, как материалистическая философия отвергает его в науке. Но именно поэтому оно не пустило тогда глубоких корней, не привилось: высшая буржуазия льнула к дворянству и духовенству, и все эти правящие слои общества инстинктивно хватались за всякий безусловный, не подлежащий критике авторитет, смутно чуя в нем опору своего господства, и отвергали смелые новшества

---

[1]) *Мутер*, История живописи, II, стр. 107

[2]) Там же, III, стр. 118.

[3]) Там же, II, стр. 109—112.

[4]) Там же, II, стр. 109—112.

[5]) Там же, II, стр. 137—138.

И потому все их сочувствие принадлежало тому течению в искусстве, которое представляли болонские художники братья Караччи, в особенности один из них, Аннибал Караччи. Основная тенденция болонской школы художников, примыкавшей непосредственно к Рафаэлю, заключалась в сохранении идеализации в высших когда-либо достигнутых формах, во внешней красоте и величественности. Сюжеты черпались из священного писания, мифологии, платилась дань аллегории и символизму, так нравившимся монархам и дворянству того времени. Братья Караччи и были самыми влиятельными и авторитетными представителями классического стиля в итальянской живописи XVII века.

У них были многочисленные последователи, самым талантливым из которых является Гвидо Рени. Типичны его картины „Аврора", „Св. Севастьян" и другие.

Но и болонская школа заплатила дань буржуазному реализму; к числу художников из Болоньи принадлежал Доменикино, натуралистически изобразивший, напр., „Причащение св. Иеронима [1]).

Среди многочисленных продолжателей этих художников в XVIII веке особенно выдается Сальватор Роза, родом неаполитанец. В своих портретах, батальных и исторических картинах он проявил большой художественный талант, но истинной высоты и оригинальности он достиг своими пейзажами, главным образом видами из диких и суровых Абруццских гор. Здесь мы видим не только натурализм, но и импрессионизм, уменье выразить то настроение суровой мрачности, таинственности и печали, которое внушают Абруццские горы. Сальватор Роза был творцом реалистически-импрессионистского пейзажа.

В итальянском ваянии и зодчестве XVII и XVIII веков огромное, подавляющее влияние имел стиль барокко— пышное и капризное дальнейшее развитие классицизма. Его основателем был великий скульптор и архитектор XVII века Лоренцо Бернини. Влияние Бернини не ограничилось пределами Италии, — оно было всеевропейским.

---

[1]) Там же, II, стр. 134.

Не менее замечательно развитие итальянской музыки в эпоху старого порядка. В XVII веке Монтеверде преобразовал оперу в серьезный драматический музыкальный вид; он пользовался диссонансами для получения большей экспрессии [1]). У него оркестр изображал то, что нельзя выразить в драматическом действии певцам. Монтеверде дал также в оркестре преобладание струнным инструментам над духовыми и ударными и тем выдвинул вперед скрипку, усовершенствованную Страдивари в конце XVII и начале XVIII в. [2]).

Кариссими в XVII веке вслед за св. Филиппом Нерийским, основателем оратории—духовной драмы с музыкой,—развил этот вид музыкального искусства, уничтожив в ней сценический элемент и сохранив и развернув одну лишь музыку. Он был также творцом кантаты [3]).

В то же время Фрескобальди развил фугу—хроматизм и диссонансы—в органной музыке, освободил орган от господствовавшего в нем раньше преобладания вокальности и достиг своими музыкальными новшествами высшего выражения страстности [4]).

Ему соответствовал в деле введения фуги в оперу и мессу Лотти, достигший потрясающего пафоса и страстности, доходящей до трагизма [5]).

XVIII век дал в Италии широкое развитие мелодии. Основание этому положил Александр Скарлатти, автор множества месс, ораторий, опер, кантат, мотетов, псалмов, мадригалов и серенад [6]). Его сын, Доменико Скарлатти, развил клавикорд как сольный инструмент, преобразованный в Италии еще в XIV веке из средневекового манохорда; в XVII и XVIII веках из гуслей образовался также клавесин, а в 1711 г. Кристофори соединил клавикорд с клавесином, и получилось фортепиано. Доменико Скарлатти создал также сонатный стиль [7]).

Из школы Скарлатти вышел стиль рококо в опере, соответствовавший барокко в пластических искус-

---

[1]) *Саккетти*, Крат. историч. музык. хрест., стр. 97.
[2]) *Науманн*, Иллюстр. ист. музыки, II, стр. 214—216, 219.
[3]) *Саккетти*, Крат. ист. муз. хр., стр. 98.
[4]) *Науманн*, Илл. ист. муз. II., стр. 237—238.
[5]) Там же, II, стр. 229—230.
[6]) Там же, II, стр. 244—246.
[7]) Там же, II, стр. 256—261.

ствах. Основа его—виртуозность, мелодичность, колоратура сольного пения. Главными представителями этого стиля, господствовавшего при всех европейских дворах XVIII в., были Перголезе, Пиччини, Чимароза и Сарти [1]).

Итальянская культура времен старого порядка замечательна была, наконец, новыми явлениями в области научной и общественной мысли.

В естествознании первенствующее значение имели в XVII веке в Италии Галилей, Торичелли, дель-Монте и Гримальди, а в XVIII веке Гальвани и Вольта. Галилей еще в конце XVI в. открыл законы качания маятника и падения тел, а затем, в XVII веке, построил законы динамики, науки о движении тел. Он, как известно, отстаивал и развивал и теорию Коперника о движении земли вокруг солнца, за что вынес преследования инквизиции и тюремное заключение. Торичелли основал гидравлику, применив выводы своего учителя Галилея о падении тел к истечению жидкостей. Дель-Монте вывел обобщение теории рычага и общее правило равновесия. Гримальди создал элементы теории волнообразного движения света. Наконец, Гальвани и Вольта положили основание научному изучению электрических явлений. Все это — результат развития интеллектуального чувства, стремления к стройности и единству в понимании окружающих явлений. Конечно, торгово-капиталистические условия материальной культуры и непосредственно способствовали всему этому. Но все-таки здесь сказалась ближайшим образом и психология буржуазной интеллигенции, также созданная в последнем счете хозяйственными и социальными условиями старого порядка.

Появление и развитие этой интеллигенции в Италии в XVII веке нашло себе выражение в обществознании того времени. Здесь прежде всего важен Вико со своей „Новой наукой“, наукой о человеческом обществе и законах его развития, социологией. Вико различал смену трех эпох—первобытного времени, аристократии и промышленной демократии. После третьей эпохи, по мнению Вико, наступает измельчание культуры, возврат

---

[1]) Там же, II, стр. 315—320.

к исходному пункту—первобытному времени, и затем следует новый круговорот. Вико, очевидно, не представлял себе культуры высшей, чем ему современная, и отсюда произошла его теория вечного круговорота.

Томмазо Кампанелла пошел дальше, чем Вико, построил перспективы дальнейшего общественного развития на смену капитализму, был первым итальянским социалистом.

Некоторые исследователи [1]) идеализируют Кампанеллу, преувеличивают его значение. По существу его учение характерно как одно из первых проявлений социалистической мысли подобно „Утопии“ Мора и „Истории севарамбов“ Верасси д'Алле. Можно сказать, что „Государство Солнца“ Кампанеллы занимает по таланту и самостоятельности среднее место между этими двумя сочинениями: оно выше „Истории севарамбов“ и ниже „Утопии“.

„Государство Солнца“ — часть обширного философского труда. Поэтому надо сказать несколько слов о философии Кампанеллы. Свою теорию познания Кампанелла выводил от бл. Августина: знание доступно человеку, потому что он непосредственно знает о *своем* существовании; мы знаем, что существуем, значит можем познавать мир, желать и действовать [2]). От Телезия Кампанелла заимствовал учение, что вселенная—изображение бога [3]). Астрологию Кампанелла считал средством познания воли божией и тайн природы и судьбы и, составив свой гороскоп, верил в свое великое предназначение. Но, хотя Кампанелла и был монахом-доминиканцем, он отвергал традиционную религию, видел в ней лишь средство, сдерживающее народ, отвергал троицу, девство Марии, загробную жизнь, бессмертие души, божественность Иисуса, отожествлял бога с природой [4]). В идеальном государстве будущего — „государстве солнца“—должна быть общая собственность и общая

---

[1]) Особенно *Ковалевский*, Т. Кампанелла, отчасти *Квачала*, Ф. Кампанелла („Ж. М. Н. Пр.“ за 1907 г.).

[2]) *Квачала*, Ф. Кампанелла: „Ж. М. Н. Пр.“ за 1907 г., авг., стр. 251.

[3]) *Лафарг*, Т. Кампанелла: „Из ист. общ. движений“, стр. 53.

[4]) *Квачала*—в „Ж. М. Н. Пр.“ за 1907 г., янв., стр. 114—115.

одинаковая физическая работа по четыре часа в день; остальное время посвящается науке и философии. Деторождение регулируется государством, и допускаются поэтому непродуктивные половые отношения. Деньги и торговля не существуют. Установлены общие жилища и общие столовые. Необходимо общее физическое воспитание. Нужна и война, так как она противоречит изнеженности. И женщины должны обучаться военному делу. Во главе государства стоит лучший в науке человек—великий метафизик, который выбирается на всю жизнь. Но если найдется кто-либо, кто превзойдет его в науке, он сменяется. Ему подчинены три чинозника, соответствующие трем главным способностям—силе, мудрости и любви: первый ведает войну и военное дело, второй науки, искусства и промышленность, третий—семью и улучшение человеческого рода, животных и растений. Подчиненные чиновники, ведающие общее хозяйство, назначаются великим метафизиком и его тремя помощниками из числа людей, отличившихся в науке или ремесле. Они же—судьи и могут наказывать за преступления. Кампанелла ожидал от осуществления своего идеального государства великих технических открытий и почти бессмертия [1]).

Кампанелла не был только теоретиком. Он попытался осуществить свой идеал в жизни. С этою целью он составил заговор в Калабрии, вошел в сношение с турецким адмиралом с целью получить от него поддержку и решил поднять восстание против испанцев. Но заговор был открыт, Кампанелла долгое время провел в тюрьме и спасся от смерти только вследствие заступничества папы за него как монаха [2]).

---

[1]) См. „Государство солнца", *Лафарг*, Т. Кампанелла; *Сюдр*, История коммунизма; ***Квачала***, Ф. Кампанелла: „Ж. М. Н. Пр.", янв. 1907 г.

[2]) ***Квачала***,—в „Ж. М. Н. Пр." за 1907 г., янв., стр. 117—119.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Старый порядок на древнем востоке и в античном мире.

I.

Самодержавная монархия в Египте.

Из всех культур древнего востока только одна египетская достигла периода, соответствующего старому порядку в Европе. Все остальные древне-восточные культуры погибли в один из более ранних периодов своего развития.

Старый порядок в Египте (иначе говоря—дворянская самодержавная монархия) существовал с 1315 по 525 год до Р. Хр., когда Египет был покорен персидским царем Камбизом. За эти почти 800 лет Египет пережил два основные момента: первый—полный расцвет египетской самодержавно-дворянской монархии, второй—ее постепенное падение и борьбу за существование с внешними опасностями. Первый момент начинается царствованием Рамсеса I в 1315 г. и его ближайшего преемника Сети I с 1313 года и оканчивается приблизительно в IX веке до Р. Хр., при 22-й египетской династии, т.-е. длится около 500 лет. Последние 300 с лишним лет составляют второй момент, момент упадка, во время которого в VI веке, при Амазисе сделаны были последние попытки возрождения, завершившиеся при преемнике Амазиса окончательным крушением.

Это деление периода дворянской монархии в Египте на два момента имеет своим основанием хозяйственные перемены в Египте того времени. Нам уже известен переход к торговому капитализму в предыдущий период,

во время дворянской революции в Египте [1]). Этот переход был закреплен и развит, органически усвоен в 500 лет, протекших с конца XIV до конца IX в. до Р. Хр. У нас имеется достаточно данных, чтобы утверждать это. Сюда относятся прежде всего походы фараонов этого времени с целью завоевания внешних рынков в интересах развития торгового капитализма. Так, Сети I хотел завоевать всю Сирию, Финикию и Палестину и успел достигнуть своей цели частично в отношении Палестины [2]). Рамсес II вел упорную борьбу в Азии с хетитами и борьба эта кончилась союзом, условия которого имели отношение и к торговым сношениям [3]). Такое же значение имели и походы Рамсеса III [4]). Наконец, основатель 22-й династии Шошонк I дружил с Соломоном, царем евреев, а по его смерти напал и захватил его сокровища и даже подчинил себе всю Сирию, обложив ее данью [5]). Но есть и другие факты, свидетельствующие о торжестве торгового капитализма. Рамсес III проводил дороги в пустыне, устраивал там колодцы, сажал деревья [6]). Когда мы видим, что жрецы владели в Новом царстве, как обыкновенно зовут Египет в этот период его жизни, 15% всей территории Египта, имели около 3.000 кв. километров земли, 100 тысяч крепостных, обязанных земледельческой барщиной, 490 тысяч голов скота [7]), 53 мануфактуры, основанных на труде тех же крепостных [8]), то ясно, что и храмовое земледелие, и скотоводство, и индустрия не могли работать иначе, как на обширный рынок не только национальный, но и международный, тем более, что те же храмы получали со своей земли огромные доходы не натурой, а золотом [9]).

Уже из сказанного сейчас видно, что одной из опор старого порядка в Египте было богатое храмовой землей

---

[1]) См. том VI, стр. 199 и след.

[2]) *Брэстед,* История Египта, II, стр. 92; *Тураев,* Ист. древ. востока I, стр. 327.

[3]) *Тураев,* Ист. древ. вост., I, стр. 328—330.

[4]) Там же, I, стр. 337 и след.

[5]) Там же, II, стр. 32—33.

[6]) Там же, I, стр. 339.

[7]) Там же, I, стр. 350.

[8]) *Брэстед,* Ист. Египта. II, стр. 177.

[9]) Там же, II, стр. 177.

жречество, духовенство. Другой его опорой было дворянство, „люди, ходившие во всех путях царя“, имевшие также земли и получавшие „золото похвалы“—ордена. Из предыдущего ясно также крепостное состояние массы населения, причем, повидимому, закрепощение имело не поземельный, а личный характер.

Мы имеем данные утверждать факт сильного развития бюрократии в Новом царстве [1]). До нас дошла любопытная инструкция визирю, одному из первенствующих сановников государства. Из нее видны его судебные функции, основанные на своде законов („сорока кожаных свитках“). Визирь ведал, повидимому, и крепостями и наблюдением за деятельностью административных учреждений. Он являлся и членом царского совета, а также заведывал дворцом и дворцовым хозяйством.

Таким образом бюрократическая централизация со всеми обычными учреждениями, ее сопровождавшими, имелась налицо и подкрепляла собою самодержавную власть царя.

Духовная культура Египта в эпоху расцвета в нем дворянского самодержавия также типична и характерна, напоминает нам соответствующие черты дворянской духовной культуры других стран.

Религия в эпоху Нового царства была продолжением того синтеза старого с новым, который был установлен Хоремхебом [2]): главным богом был Амон, но он соединился с двумя другими главными богами Ра и Озирисом в триединое божество [3]), явился богом единым по существу, но троичным в лицах. Сверх того, все другие боги стали считаться проявлениями этого единого божества [4]): единобожие соответствовало царскому единовластию, политической цельности и единству страны. Наконец, религия приобрела моральный, этический, углубленный отпечаток [5]) по наследию от реформы Аменхотепа IV. Соответственно этому вырабатывается стройное представление о загробном суде Озириса, праведном и спра-

---

[1]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 340.
[2]) Том VI, стр. 203.
[3]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 238, 239.
[4]) Там же, I, стр. 239.
[5]) *Брэстед*, Ист. Ег., II, стр. 139.

ведливом [1]). Наконец, составляется и „Книга мертвых“ и „Книга о том, что находится в преисподней“ [2]).

Литература развивается в излюбленном дворянством классическом стиле. Летописи полны восхвалений фараонов [3]). Дошли до нас героические хвалебные поэмы и оды, между прочим, поэма о битве Рамсеса II с хетитами при Кадеме, приписываемая Пентауру, хотя, может быть, Пентаур был только ее переписчиком [4]). Были любовные стихотворения и романы [5]) галантного, жеманного характера. „Путешествие Синухета“, до нас дошедшее, представляет собою любопытный образец мемуаров того времени.

Высокого развития достигают пластические искусства—скульптура, живопись и архитектура, усваивающие тот же классический стиль. В скульптуре развивается сложная композиция, со строго согласованными с целым деталями. Рельефы отличаются нежностью, утонченностью и вместе смелостью и гибкостью линий, изысканной моделировкой. Достигается высшее изящество, изысканная красота. Тонкое понимание жизни животных, настоящий натурализм наблюдается в живописи при изображениях пастьбы скота или охоты в болотах [6]). Тонкая красота и величественность в классическом стиле видна и в архитектуре, напр., в знаменитом дворце—храме Рамессеуме [7]).

Политическая литература теряет свой боевой характер: уже не обосновывается новый государственный порядок, теперь достаточно прочный, а пишутся трактаты о преимуществах чиновничьей службы перед военной и другими занятиями [8]).

Таковы были явления материальной и духовной культуры старого порядка в Египте, пока этот порядок держался крепко и развивался органически. Но 22-я династия была последней, которая могла продолжать дело своих предшественников. Дальше начинается упадок.

---

[1]) *Тураев*, I, стр. 302, 303.
[2]) Там же, I, стр. 302.
[3]) *Брэстед*, Ист. Ег., II, стр. 171.
[4]) Там же, II, стр. 133.
[5]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 366.
[6]) *Брэстед*, История Египта, II, стр. 98.
[7]) Там же, II, стр. 132.
[8]) *Тураев*, Ист. др. вост., I, стр. 346—347.

Теряются внешние рынки и владения вне долины среднего и нижнего Нила [1]). Дробится на местные, экономически обособленные районы и рынок внутренний. Соответственно этому политически единый организм Египта также распадается: появляется додекархия, властвуют 12 князей отдельных областей страны [2]).

Потом все более растут внешние опасности: с севера нападают эллины или греки, с юга эфиопы, с запада ливийцы, с востока азиатские народы — ассирияне, халдеи, потом персы [3]). Во второй половине VIII в. нубийским или эфиопским царям удается постепенно объединить под своей властью весь Египет, потому что как раз к этому времени возрождается внешняя торговля с финикиянами и греками [4]), и соответственно этому крепнут внутренние связи.

Позднее вновь восстановляется централизация и бюрократия в так-называемую саисскую эпоху, когда столицей становится Саис, главной богиней саисское божество Нейт, и жрецы ее, составляя особую богословскую школу, пользуются большим влиянием и поддерживают своим авторитетом власть, а деньгами содержат наемные дружины ливийцев, греков, финикиян и даже иудеев [5]).

В это время делаются отчаянные националистические попытки спасти египетскую самостоятельность: идеализируется египетская старина, Древнее царство, восстанавляются пирамиды и другие памятники старины, вводится культ Аписа — подобия и воплощения Пта, в скульптуре и архитектуре пытаются возобновить также традиции Древнего царства с некоторой их переработкой в духе изящества и реализма [6]). Амазис попытался всецело опереться на греческих наемников и на торговлю Навкратиса, который был объявлен порто-франко [7]). Все было напрасно: в 525 г. самостоятельное политическое бытие древнего Египта было уничтожено персами.

---

[1]) Там же, II, стр. 35.
[2]) Там же, II, стр. 36.
[3]) *Виппер*, Древний восток и Эгейская культура.
[4]) *Тураев*, Ист. др. вост., II, стр. 60—61.
[5]) Там же, II, стр. 139—144.
[6]) Там же, II, стр. 144—146.
[7]) Там же, II, стр. 149.

II.

Эллинистические монархии.

Восточная половина средиземноморского бассейна представляла собою культурную и прежде всего экономически культурную, передовую группу наций гораздо раньше, чем западная его половина. Эпоха торгового капитализма наступила здесь поэтому раньше, чем где-либо. Ее приближение ознаменовывалось или только предвещалось такими попытками политического объединения, как те, которые были совершены сначала ассириянами, потом персами. Попытка Александра Великого не была, таким образом, неподготовленной, являлась уже третьим крупным опытом в этом роде.

Несомненно, она дала сильный толчек развитию торгового капитализма во всей восточной половине средиземноморского бассейна. Уже для времен самого Александра засвидетельствован факт развития обширной торговли в его огромной империи [1]). При этом характерно, что центр тяжести этой торговли переместился в страну, культурные традиции которой были наиболее древними,—именно в Египет: с разрушением Тира не он стал центром восточной торговли, а египетская Александрия [2]).

Но и попытка Александра не увенчалась прочным успехом: как ни развивался в восточной половине бассейна Средиземного моря—на Балканском полуострове, в передней Азии, в северо-восточной Африке—торговый капитализм, он не достиг еще того предела успехов, за которым становится возможным, даже необходимым

---

[1]) *Kaerst*, Geschichte des Hellenistischeh Zeitalters, I, стр. 405 и след.

[2]) *Мейер*, Экономическое развитие древнего мира, стр. 62.

прочное политическое единство. И потому империя Александра Великого, после его смерти, распалась на ряд самостоятельных государств, из которых главными были три: Македония с Грецией, где воцарился Антигон, Сирия во главе с Селевком и Египет, где царствовал Птолемей Лаг, и ему наследовали его потомки, династия Лагидов.

Само собою разумеется, что уже довольно давно и основательно заложенные элементы торгового капитализма не умерли, даже не замерли в этих политически-обособившихся частях бывшей огромной империи, а, напротив, продолжали органически усваиваться и развиваться. При этом только экономический центр тяжести переместился из Македонии и Греции, откуда хлынула на восток наиболее активная часть населения, не только в Александрию, но и в Малую Азию, главным образом в Эфес и Смирну, а также на остров Родос. В собственной Греции удержал свое торговое значение Коринф в качестве транзитного пункта, но Афины сильно упали [1]).

В специальной литературе хорошо разработан вопрос о торговле эллинистического Египта, и картина, обрисовывающаяся здесь при свете современных исследований, настолько поучительна, ярка и типична для эпохи развитого торгового капитализма, что на ней стоит остановить внимание несколько подольше.

Торговля эллинистического Египта (в III, II и I веках до Р. Хр.) шла в разных направлениях довольно далеко. Египет торговал с Эфиопией, Аравией, Индией [2]), по Средиземному морю с Азией, Македонией, Грецией и далее по Черному морю, вплоть до Синопа; наконец, велись торговые сношения и с Римом [3]), устанавливались таким образом весьма важные коммерческие связи с западной половиной средиземноморского бассейна, исторически подготовлявшие грядущее экономическое и политическое объединение всего древнего культурного мира в Римской империи.

---

[1]) Там же, стр. 63—68.

[2]) *Хвостов*, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань, 1907, стр. 5 и след., 79 и след.

[3]) *Тураев*, Ист. древ. востока, II, стр. 303.

Но, конечно, первенство принадлежало торговле восточной. Вот почему правительственные экспедиции в страну Пунт преследовали не только ближайшую товарную цель—добывание боевых слонов, которыми была богата эта страна, но и цель более широкую—обеспечение торговли и торгового пути по Чермному морю [1]).

Египетская торговля имела при этом характер торговли передовой страны, вывозящей не сырье, а фабрикаты. Предметами египетского экспорта были, кроме хлеба, которым всегда так богат был Египет вследствие плодородия почвы и прекрасного климата, ткани, одежда, вино, стекло (из Фив, где были стеклянные мануфактуры), металлические орудия и оружие, железо, медь, олово, золотые и серебряные изделия, посуда, папирус [2]).

Не менее любопытны те товары, которые ввозились в Египет из стран, с ним торговавших; они показывают, что потреблял Египет из иностранных товаров. Сюда относятся вывозившиеся из Эфиопии черные рабы, слоновая кость, рог носорога, кожа гиппопотама, эбеновое дерево, неизвестное нам теперь растение миробалан, из которого делалась мазь, тмин, золото, охра, магниты, базальт, камень для построек [3]). С берегов Красного моря и из Аравии привозились в Египет некоторые из товаров, ввозившихся из Эфиопии, как слоновая кость, миробалан, золото, рабы, но сверх того также живые звери для зверинцев, черепаха и черепаховые изделия (гребни, пряжки, украшения для мебели, лиры), имбирь, корица, мирра, ладан, драгоценные камни, жемчуг, серебро, кораллы, персидские ткани и финики [4]). И Индия, наконец, поставляла много названных сейчас товаров (рабов, слоновую кость, жемчуг, золото, серебро, имбирь, тмин, корицу, мирру, эбеновое дерево), но у нее были и свои специальные продукты, пользовавшиеся в Египте большим спросом. Таковы были лаковые краски, рис, просо, шафран, перец, индиго, кардамон, гвоздика, теаковое дерево, бамбук, парфюмерия (нард, кост, бделлий, малабафр), железо, сталь, железные и

---

[1]) Там же, II, стр. 305.

[2]) *Хвостов*, Ист. вост. торг. гр.-р. Ег., стр. 11—12, 82.

[3]) Там же, стр. 5—10.

[4]) Там же, стр. 86—113.

стальные изделия и хлопчатобумажные ткани [1]). Просматривая этот длинный список привозных товаров, мы видим, что сравнительно не часто и почти исключительно из Индии ввозились в Египет продукты индустрии, большею же частью предметы ввоза составляли сырье, несвободные рабочие руки и предметы роскоши. Все это свидетельствует, что Египет был тогда сравнительно почти со всеми своими торговыми кантрагентами передовой страной.

Египетским царям эллинистического периода свойственна была экономическая политика меркантилизма: они, напр., знали и развивали правительственные монополии. Было бы, однако, неверно, если бы мы сводили к этим монополиям главное содержание торговли того времени: торговали в несравненно большей степени, чем государство, и частные люди [2]).

Теми же чертами в более ослабленном виде характеризуется и хозяйство других эллинистических государств, так что торговый капитализм, развитие индустрии и сельского хозяйства, рост рабского труда и крепостничества и крупного землевладения типичны для всех этих государств.

Уже Александр Великий поставил свою власть в самодержавное положение, получившее религиозную санкцию [3]), и создал бюрократию с разделением властей [4]). Обыкновенно он не трогал местных, туземных властей, а ставил над ними только греко-македонских высших начальников. Так делали и диадохи, его преемники в государствах, выделившихся из его империи. Так, Птолемеи в Египте сохранили номархов из египтян в местной областной администрации и лишь поставили над ними своих стратегов из греков и македонян [5]). Впрочем, по мере того как местное дворянство ассимилировалось с военно-служилыми людьми из греков и македонян, сглаживались и служебные различия между дворянами разных национальностей. Так, у Птолемеев в Египте по-

---

[1]) Там же, стр. 115—138.

[2]) Там же, стр. 322, 332.

[3]) *Kaerst*, Gesch. d. Hellen. Zeit, I, стр. 385, 387.

[4]) Там же, II, стр. 11.

[5]) *Тураев*, Ист. древ. вост., II, стр. 311.

явилась туземная гвардия, состоявшая из египтян, стратеги стали назначаться и из египтян, из них же назначался главнокомандующий армией; с другой стороны, бывали монархи и из греков и македонян [1]).

Самодержцы эллинистических монархий обыкновенно и по отношению к духовенству, жречеству и храмовым имениям, землям занимали положение, обычное для абсолютизма у всех народов: они рассматривали духовенство как орудие дворянской государственности, подчиненное царскому самодержавию, и земли духовенства как источник государственных доходов. Так было, напр., и в Египте по крайней мере при первых Птолемеях: объявив себя богами, они распоряжались по собственному усмотрению храмовой землей, брали себе десятину с виноградников и садов, производили в пользу казны сбыт тканей, выделывавшихся в храмовых мануфактурах, собирали с храмов и храмовых земель подати, поставили над жрецами особого светского сановника, который фактически был их начальником; жрецы покупали свои места у правительства и получали жалованье из казны [2]). Правда, позднее пришлось сделать некоторые уступки, особенно в отношении к распоряжению землей и доходами с нее [3]), но это было частностью, не менявшей существа отношений между церковью и государством.

Общая характеристика материальной культуры эллинистических государств сводится таким образом к типичным признакам обычного, известного нам по другим странам старого порядка с его торговым капитализмом, сословностью, крепостничеством, абсолютизмом, бюрократической централизацией. Абсолютизм способствовал и тому синкретизму в области материальной культуры, который уравнял и слил все национальности, создал эллинизм, синтез культур греческой и восточных.

То же самое во всех отношениях следует повторить и по отношению к духовной культуре. И здесь мы видим типичные черты господства дворянства и синкретизма национальностей. Так, все местные, туземные религии синтезировались с эллинскими религиозными пред-

---

[1]) Там же, II, стр. 311—314.
[2]) Там же, II, стр. 307.
[3]) Там же, II, стр. 311.

ставлениями и освятили существующий общественный и государственный строй. В Египте, напр., введен был культ Сераписа, бога-покровителя Александрии. Серапис—это египетский Озирис-Апис, т.-е. умерший и сопричисленный к Озирису священный бык Апис. Имя было египетское, форма, изображение божества—греческое [1]). Храмы сохраняли египетский стиль [2]) по вполне понятной причине: мы ведь видели, что стиль этот—классический, типичный для эпохи дворянского господства. В том же классическом стиле выдержаны были изящные барельефы [3]). Галантное направление и настроение находило себе выражение в гимнах и песнях в честь богини радости, музыки и любви, отожествлявшейся с эллинской Афродитой.

Но не меньшее значение в эллинистической духовной культуре принадлежало науке, которая пышным цветом распустилась в Академии — университете и библиотеке, — основанной Птолемеями в Александрии. Особенно много сделано было здесь для развития естествознания и математики.

В начале III в. до Р. Хр. Феофраст описывал растения и старался изучить законы растительной жизни, занимался также минералогией и химией. Эратосфен в половине III в. дал географическое описание земли с картами и измерил ее окружность. Тот же век дал гениального астронома, эллинистического Коперника, в лице Аристарха, ясно формулировавшего гелиоцентрическую теорию, теорию вращения земли и всех планет вокруг солнца, и вычислившего, во сколько раз солнце дальше от земли, чем луна. Отдельные астрономические наблюдения делали во II веке Гиппарх и Птолемей, причем последний формулировал ту геоцентрическую теорию неподвижности земли и вращения около нее солнца и планет, которая держалась потом в средние века вплоть до Коперника. Архимед в III веке создал теоретическую механику, Эпикур восстановил атомистическую теорию Демокрита. Эвклид основал геометрию, его ученик Аполлоний обобщил теорию конических сечений и

---

[1]) Там же, II, стр. 314—315.
[2]) Там же, II, стр. 317.
[3]) Там же, II, стр. 318.

дал им названия. Гиппарх и Птолемей являются основателями тригонометрии: первый из них определил синус, а второй составил первые тригонометрические таблицы [1]).

Александрия, первый торговый центр эллинистического мира, была местом, где разрабатывались естествознание и математика. Афины и Македония дали толчек развитию философии и обществоведения.

Центром философской мысли эллинистических государств были Афины. Вся материальная культура эпохи усиленно развивала человеческую личность, воспитывала индивидуализм, в особенности у интеллигенции. Разные проявления этого индивидуализма и представлены в отдельных философских школах того времени. И киренаики или стоики, и эпикурейцы, и циники, и, наконец, скептики — все исходят из индивидуалистических предпосылок, ставят во главу угла всех своих рассуждений и выводов личность [2]).

Это ясно с первого взгляда у скептиков: их абсолютный релативизм, убеждение в относительности всякого знания, делающее их наследниками и преемниками софистов,—отражение абсолютного и последовательного индивидуализма [3]). Киренаики или стоики - феноменалисты отказываются от познания подлинной сущности вещей, единственным масштабом человеческих действий считают личные впечатления и выводят отсюда необходимость освободиться от горя и счастья, от боязни смерти, достигнуть полного морального покоя, совершенной невозмутимости, высшего душевного равновесия (ἀταραξία) [4]). Крайний индивидуализм эпикурейцев не подлежит сомнению: для них личность—весь мир; и потому цель—приятная личная жизнь, наслаждения физические, нравственные и умственные; основа государства по Эпикуру,—личный интерес, личная польза [5]). Циники выходили в подавляющем большинстве своем из низов

---

[1]) *Шереметевский*, Очерк истории математики в приложении к „Элементам высшей математики" Лоренца.

[2]) *Kaerst*, Gesch. d. Hellen. Zeit., II, стр. 85, 89.

[3]) Там же, II, стр. 98.

[4]) Там же, II, стр. 93, 101—103.

[5]) Там же, II, стр 98, 108.

общества, главным образом из ремесленников [1]); они были отрицателями, чаще всего пролетариями; но то были пролетарии эллинского типа, потребительский, непроизводительный класс; он был способен в лице передовых своих представителей отрицать установившиеся обычаи, государство, проповедывать мирный анархизм, неделания, отказа от организованной общественной работы, но добродетели, с этим связанные, все не выходили из личных рамок: их добродетель заключалась в личной доброте—не более [2]).

Дальше этого индивидуализма пошел социалист-интеллигент III в. до Р. Хр., живший при дворе македонского царя, Эвгемер в своей „Священной хронике". Он был атеист, отрицатель религии, и в своем сочинении дал то объяснение происхождения богов и религии, которое по его имени получило название эвгемеризма: боги — это великие люди, герои, благодетели человечества, когда-то жившие и обожествленные своими потомками. Но, обсуждая эту тему, Эвгемер нарисовал картину идеального общества, которое он будто бы наблюдал на посещенном им острове Панхее. Его построение социалистическое, так как в основу его положена общественная собственность на землю и все средства производства. Подробности отражают современные Эвгемеру социальные влияния и во многом напоминают Платона с некоторыми, однако, оригинальными и притом весьма существенными отличиями от него, свидетельствующими о большом таланте и самостоятельности автора. Эвгемер не мог отречься от сословности, столь свойственной условиям его времени, но он не так распределил сословия по достоинству, как это было сделано у Платона. Правда, как и у Платона, первым, правящим сословием у Эвгемера являются жрецы, т.-е. ученые и философы, интеллигенция [3]): изолированная от масс интеллигенция только и видела света в окошке, что в себе одной. Впрочем, сюда входят и художники и ремесленники. А вторым по значению сословием у

---

[1]) *Ренан*, Марк Аврелий и конец античного мира, стр. 28.

[2]) *Kaerst*, Gesch. d. Hellen. Zeit., II, стр. 111, 113.

[3]) *Pöhlmann*, Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus, II B., München, 1901, стр. 57.

Эвгемера были уже не воины или стражи, как у Платона, а земледельцы [1]): умственный пролетарий бессознательно тянулся к пролетарию физического труда и потому выдвигал ремесленников в высшее сословие и земледельцев во второе. Низшее сословие у Эвгемера— пастухи и воины, по своему занятию сближаемые им с пастухами [2]). Тут сказалось бессознательное отрицание милитаризма. Характерной и новой чертой у Эвгемера является также его план построения производства: производство и в сельском хозяйстве, и в промышленности остается мелким—здесь Эвгемер стоит на реальной почве своей современности,—а государство регулирует это производство, вносит в него систему, планомерность [3]). Наконец, Эвгемер и в распределение внес новый принцип—если не „каждому по его потребности", то по крайней мере „каждому по его способностям и полезности": распределяя весь продукт производства между гражданами, интеллигенты-правители, эти земные боги, кроме которых других нет никаких — атеизм у Эвгемера принципиальный и безусловный, — дают добавочные пайки тем, кто хорошо ведет производство, совершенствует хозяйство; двойной паек получают также и правители в награду за свой организационный, высший труд [4]). Здесь в зародыше имеется, очевидно, индивидуализм потребления, который должен сохраниться в социалистическом обществе.

Те новые идеи или зародыши новых идей, которыми богато сочинение Эвгемера,—атеизм, антимилитаризм, сближение пролетариата умственного с пролетариатом физического труда, большее внимание к вопросам производства, зародыш идеи об индивидуальном потреблении в социалистическом обществе,—дают основание признать, что Эвгемер сделал большой шаг вперед сравнительно с первым по времени социалистом античного мира— Платоном. Эвгемер—уже не чисто-утопический социалист, в его построении становятся заметны некоторые слабые пока элементы социализма научного.

---

[1]) Там же, стр. 57.
[2]) Там же, II, стр. 58.
[3]) Там же, II, стр. 61, 62, 64.
[4]) Там же, II, стр. 63.

III.

Римская империя.

Изучая старый порядок в истории древневосточного Египта, мы выделили там два момента: момент полного развития, торжества, господства старого порядка и момент его падения, разложения, причем это разложение не представляло собою перехода к высшей общественной форме, как то было в других местах, и предвещало, как в свое время увидим, буржуазно-демократическую революцию, а являлось, напротив, принижением культуры, возвратом назад, признаком грядущего торжества культуры низшей. Все это в полной мере относится и к Римской империи, в истории которой первые три века после Р. Хр. и может быть также часть IV, составляют первый момент, а почти весь IV и V века являются временем упадка, принижения, возврата назад. В основе этих перемен лежали хозяйственные явления, их изменения, но хозяйственный процесс становился попятным под влиянием натиска варваров, главным образом германцев, разрушивших то экономическое основание, на котором покоился развитой старый порядк Римской империи.

Таким основанием являлся обширный единый рынок, охватывавший всю территорию империи, т.-е. все побережье Средиземного моря, восточный и западный его бассейны, весь культурный мир древности.

Отдельные правинции огромной империи поставляли на общий обширный рынок, имевший до 100 миллионов потребителей, свои продукты: Испания—шерсть и серебро, Галлия—грубые ткани, Италия—скот, оливки, вино, цветы, Африка и Сицилия—хлеб, Азия—тонкие, главным образом шелковые ткани. Мы видели, как в эпоху эллинизма широка была торговля Египта. Когда он стал римской провинцией, торговля его еще увеличилась. Здес в I веке

по Р. Хр. вводится культура хлопка [1]). От Веспасиана до Каракаллы идет время, когда торговля Египта с Индией достигает высшего своего развития [2]). Из Китая идут сюда меха, кожи, мелкие железные изделия, асбест, шелк и шелковые материи, причем китайские шелковые материи направлялись из Египта часто в Азию и здесь, на фабриках о. Коса, Тира и Бейрута распускались, и нитки в смеси с бумагой или шерстью обращались в новую ткань [3]). Сильно пошло вперед стеклянное производство в Александрии и Фивах [4]). Во II в. после Р. Хр. торговля Римской империи доходила до Индо-Китая [5]). С Клавдия в Египте начали добывать порфир, а с Траяна гранит [6]). С восточными странами Азии и с Индией через посредство Египта и прямым, сухим путем велась торговля и другими провинциями Римской империи; так, Палестина, Малая Азия, острова Эгейского моря и Греция посылали туда медь, цинк шел с о. Кипра и из Кампании, олово из Испании и Британии, свинец из Малой Азии, Македонии, с остравов Эгейского моря, из Италии, Испании и с острова Сардинии, вина из Италии и Сирии [7]).

Нерон положил начало уничтожению таможенных пошлин и улучшил гавань Антия, судовладельцы получили при нем новые привилегии; он же и Клавдий улучшали и умножали торговые дороги [8]). Позднее по всей империи шла торговля без таможенных застав [9]).

Широкий размах торговли, настоящий торговый капитализм сказывался и в том, что ее вели многие частные лица, существовали приказчики, отделения фирм в чужих странах, в Александрии имелись огромные склады, обмен всюду был денежный, и римская монета приобрела мировое распространение и господство[10]).

---

[1]) *Хвостов*, Ист. вост. торг. гр.-р. Ег., стр. 139.

[2]) Там же, стр. 145.

[3]) Там же, стр. 147—156.

[4]) Там же, стр. 151.

[5]) Там же, стр. 238.

[6]) Там же, стр. 370.

[7]) Там же, стр. 172—174.

[8]) *Schiller*, Geschichte des römischen Kaiserreichs unter des Regierung des Nero, Berl., 1872, стр. 345, 479.

[9]) *Эд. Мейер*, Экономич. развитие древ. мира, стр. 73.

[10]) *Хвостов*, Ист. вост. торг. гр.-р. Ег., стр. 404, 407.

Одной из отличительных черт торгового капитализма в Римской империи являлась колоссальная концентрация капиталов и земли в немногих сравнительно руках. По Плинию, шестеро крупных собственников владели половиной Африки [1]), т.-е. бывших Нумидии и карфагенских владений. Крупнейшие капиталисты Рима составляли группу миллионеров в 2.000 человек [2]). Крупные частновладельческие имения развились в ряде провинций: в Египте, Малой Азии, Италии, Сицилии, Африке; императоры имели также огромный домэн, который, напр., Нерон сильно увеличил колоссальными конфискациями [3]). Существовало, конечно, и насаждалось императорами посредством наделения землей ветеранов и мелкое землевладение, но оно далеко уступало крупному, часто скупалось крупными землевладельцами или попадало в зависимое от них хозяйственное и юридическое положение [4]). Свободное, независимое крестьянство, сидевшее на своей земле, исчезло в большинстве провинций [5]). Ager publicus, старая римская общественная земля исчезла со времен Цезаря—поглощена была путем оккупации крупными собственниками и передана мелкими участками безземельным гражданам, причем и из рук последних большею частью уплыла в руки богачей путем скупки этими богачами мелких владений [6]).

На этих крупных, отчасти и на мелких земельных владениях, в том числе и на императорском домэне, хозяйство велось в двух формах—в форме рабского труда и в форме колоната. Применение рабского труда, ведение большого плантационного хозяйства понятно при наличности огромного свободного рынка внутреннего и внешнего. Но характерно, что и колонат первых трех веков,—эта переходная форма от рабства к наемному труду [7]),—имел в значительной мере характер, свойст-

---

[1]) Historia Naturalis, XVIII, 6.

[2]) *Эд. Мейер,* Экон. разв. др. мира, стр. 70.

[3]) *Ростовцев,* Studien zur Geschichte ges römischen Kolonates, Leipz., 1910.

[4]) Там же.

[5]) Там же; *Эд. Мейер,* Эк. разв. др. мира; *Гревс,* Очерки из истории римского землевладения, Спб. 1899.

[6]) *Ростовцев,* Studien zur Gesch. d. röm. Kol.

[7]) *Max. Weber,* Romische Agrargeschichte, стр. 250.

венный рабскому труду: получая парцеллу исполу или вообще из доли урожая, притом не в собственность, а в пользование, на прекарном праве, колон большею частью обязывался также барщиной [1]).

Все это в достаточной мере указывает на торгово-капиталистический характер хозяйства Римской империи первых трех веков, и напрасно некоторые исследователи [2]) усиливаются доказать, что латифундия того времени— огромный οἶκος, ячейка натурального хозяйства. Эта попытка, при которой недаром приходится делать ряд оговорок и ограничений, так же безнадежна, как попытка доказать, что русское дворянское крепостное хозяйство XVIII в. было натуральным: достаточно заметить только одно, помимо других данных, приведенных нами выше: в обоих случаях шло производство на рынок, притом обширный, внутренний и внешний.

Императорское самодержавие на пользу и в интересах нового военно-служилого дворянства и против старой аристократии, отстаивавшей республиканскую олигархию, но понемногу склонявшейся перед новыми порядками и перерождавшейся в новое дворянство, неуклонно росло и развивалось при Юлиях, Флавиях и Антонинах, причем только Нерону приходилось прибегать для этого к казням, конфискациям и прямым насилиям и беззакониям; его преемники в большинстве случаев были вполне корректны и лойяльны. Марк Аврелий называл государя „высшим подданным закона“, „старая римская аристократия была ему противна; он искал только заслуги, не обращая внимания на происхождение“ [3]). Все это было увенчано самодержавной монархией божиею милостию, которую провели в жизнь в IV веке Диоклетиан и Константин Великий.

Социальная политика императоров первых трех веков после Р. Хр. была направлена прежде всего к гражданскому равноправию, к уравнению всех правоспособных лиц перед законом в их гражданских правах. В этом направлении совершался целый процесс, начавшийся вре-

---

[1]) Там же, стр. 244 и след.; *Ростовцев*, Studien zur Gesch. d. röm. Kol.

[2]) *Гревс*, Очерки из истории римского землевладения.

[3]) *Ренан*, Марк Аврелий и конец античн. мира, стр. 18, 19.

менами Клавдия и закончившийся при Каракалле [1]). Такая политика понятна при росте торгового капитализма, при умножении сопряженных с ним гражданских сделок, развитие и прочность которых возможна лишь при гражданском равноправии контрагентов.

Тот же основной мотив повлиял и на организацию городского самоуправления под надзором и контролем императорской администрации. Все полноправные жители города в собрании по куриям выбирали городских должностных лиц—дуумвиров, председательствовавших в городском сенате, ведавших суд и исполнительные дела, эдилов, ведавших полицию и торговлю, двух квесторов, заведывавших финансами, и особых duumviri quinquennales, которые ведали запись в городские обыватели и составляли сенат,—учреждение распорядительное по городским делам, подобное нашей городской общей думе XVIII в. Состав сената был двоякий; сюда входили, во-первых, патроны города—важные лица, имевшие доступ к императору, во-вторых, сенаторы, назначенные „пятилетними дуумвирами“ (duumviri quinquennales), которые обязаны были при назначении руководствоваться такими правилами: назначаемые должны были иметь не меньше 25 лет от роду и обладать имуществом определенного размера, напр., в 100 тыс. сестерций (около $6^1/_2$ тыс. руб. золотом) [2]). Городское самоуправление находилось под надзором губернатора, имевшего высшую судебную власть, к которой можно было апеллировать на решения городского суда, и ведавшего суд над римскими гражданами [3]).

Третий вопрос, относящийся к сфере социальных отношений, стал останавливать на себе внимание императоров главным образом со II века. Он состоял в смягчении рабства и в облегчении положения колонов, чем подготовлялось будущее крепостное положение колонов в последние два века существования империи. Заботы о колонах начались еще в эпоху Флавиев и Адриана. Поощряя заимку и засев пустой земли, Флавии и Адриан

---

[1]) *Мейер*, Экон. разв. древ. мира.

[2]) *Буасье*, Картины древне-римской жизни, Спб. 1896, стр. 25—28.

[3]) *Мейер*, Эк. разв. др. мира, стр. 72.

дают занятую вновь и засеянную землю в наследственное владение колонам под условием платежа доли урожая или отбывания барщины. Затем те же императоры стараются защитить колонов от крупных арендаторов, снимающих земли en bloc, большими пространствами: разрешение на заимку ставилось поэтому в зависимость не от этих крупных арендаторов, а от императорского чиновника—прокуратора; тот же чиновник устанавливал и размеры оброка и барщины [1]). Марк Аврелий смягчил рабство: он установил законом виды телесных наказаний рабов, ввел наказание за убийство раба, обеспечил рабам их имущество и запретил продавать враздробь семьи рабов [2]).

Императорская бюрократия была установлена на основании строгих правил и отличалась большой стройностью.

Армия была организована как постоянное учреждение, пополняемое рекрутскими наборами; служба солдата продолжалась 25 лет [3]).

Легаты в императорских провинциях и проконсулы в сенатских не были уже, как прежде, независимыми государями, а действовали под строгим контролем императора и его министров. Проконсулы сенатских провинций не имели военной власти [4]). При себе лично Адриан учредил еще особый совет преимущественно из юристов [5]).

Во всей империи чеканилась одна только имперская монета [6]).

Существовали особые финансовые чиновники—прокураторы. Произведены были важные финансовые реформы, ограничившие старую откупную систему сбора податей. Еще Август ввел прямой сбор через чиновников новых пошлин, им установленных, именно: 5%-го налога на наследства и однопроцентного сбора с продаваемых с аукциона вещей. Затем императоры уничто-

---

[1]) *Ростовцев*, Studien zur Gesch. d. röm. Kolonates.

[2]) *Ренан*, Марк Аврелий, стр. 21.

[3]) *Буасье*, Картины римск. жизни, стр. 2—4.

[4]) Там же, стр. 15—16.

[5]) *Ренан*, История первых веков христианства, т. VI, стр. 10.

[6]) *Буасье*, Карт. римск. жизни, стр. 24.

жили откуп и прямых налогов, главным образом подушного: уже раньше, на-ряду с капиталистами-откупщиками эти налоги откупались иногда общинами, причем за сбор их в таком случае была ответственна коллегия „десяти первых", т.-е. самых богатых горожан или декурионов, куриалов, владевших землей в пределах городской области; теперь, с отменой откупа, сбор возложен был на городские общины с их круговой ответственностью как повинность. Наконец, этот же опыт был проделан и по отношению к косвенному обложению; государство сдавало государственную землю в аренду крупным арендаторам, а они уже мелким; эти крупные арендаторы—генеральные кондуаторы—производили сбор косвенных налогов, главным образом таможенных пошлин, под надзором прокуратора. Скоро, впрочем, от этой системы отказались: на западе косвенные налоги стали ведаться непосредственно государственными чиновниками, а на востоке сбор их стал сдаваться на откуп мелким капиталистам, причем откупался каждый вид косвенных сборов особо [1]).

Императорская власть обращала внимание и на народное образование [2]), имея в виду, конечно, главным образом интересы правящих классов.

Наконец, велась строго обдуманная внешняя политика в общем и целом мирная [3]).

В результате уже во II веке „окончательно образовалась монархия в стиле старого порядка" [4]).

Материальной культуре соответствовала и культура духовная, прежде всего литература. Здесь важны салонные трагедии Сенеки, писанные в настоящем классическом стиле [5]). В том же классическом стиле писал и другой выдающийся поэт эпохи Нерона Лукан. Его „Фарсалии"— настоящая классическая, героическая поэма с порицанием республики и восхвалением Нерона, вернее империи вообще, хотя он и хвалил также Брута и Катона и впо-

---

[1]) *Ростовцев*, История государственного откупа в Римской империи, Спб. 1899.

[2]) *Ренан*, Марк Аврелий, стр. 27—28.

[3]) *Буасье*, Карт. римск. жизни, стр. 134.

[4]) *Буасье*, Картины др.-римск. жизни, стр. 65; *Ренан*, Апостолы.

[5]) *Буасье*, Карт. др.-римск. жизни, стр. 217—225.

следствии участвовал в заговоре против Нерона с целью, впрочем, не уничтожить империю, а возвести только на престол другое лицо.

Но не один классицизм составлял душу литературного движения империи в эпоху ее расцвета. Петроний в своем „Сатириконе" дал образец галантного, жеманного романа и романа приключений. Сам Петроний— характерная, колоритная фигура придворного дворянства времен Нерона. По Тациту, он прожигал свое состояние и был чувственным любителем удовольствий, беззаботным и непринужденным в своих действиях и словах, но мог при случае проявлять деятельность и трудолюбие, был хорошим проконсулом и консулом в Вифинии. Он считался судьей хорошего вкуса (arbiter elegantiae) и, будучи осужден Нероном на смерть по доносу Тигеллина, велел разбить принадлежавшую ему роскошную вазу, чтобы она не досталась Нерону, написал ему едкое и ироническое письмо и кончил жизнь самоубийством: он вскрыл себе вены, разговаривая с друзьями и слушая легкие стихи. Все произведение Петрония проникнуто иронией светского человека: он смеется над разбогатевшим вольноотпущенником, иронически отзывается о чиновниках, законах, подкупности полиции и судей, женской верности, религии, философии. В роман Петрония введены сцены, написанные народным языком; однако, когда автор говорит от себя, его стиль становится тонким, нюансированным, гибким, колоритным, но вместе с тем и манерным, жеманным, напоминающим эвфуизм, гонгоризм и маринизм. Книга „написана для того, чтобы ее читали при дворе, в кругу умных развратников и элегантных кутил, окружавших Нерона и Поппею" [1]).

В том же в сущности жеманном роде и изысканном стиле написан в начале III в. и роман Апулея „Золотой осел", изобилующий эпизодами, известнейшим из которых является рассказ об Амуре и Психее.

Современником Траяна и Адриана был великий сатирик Ювенал. Он был приемным сыном богатого вольноотпущенника и всю жизнь свою имел материальный

---

[1]) Там же, стр. 174—208.

достаток, но не был принят в высшем обществе. Он неудачно дебютировал, как публичный декламатор и усиленно искал влиятельного покровителя, чтобы попасть в высшее общество и ко двору. Потерпев и тут неудачу, уехал на родину в Аквинум, выбран был там первым магистратом, но и это его не удовлетворило. Недовольный неудачник, Ювенал в 40 лет стал писать сатиры, тем более, что вступление на престол Траяна открыло некоторые возможности свободного слова. Сатира Ювенала — политическая. На основании того факта, что он упоминает с похвалой об обоих Брутах, некоторые считают его республиканцем. Он, правда, по моде того времени восхвалял древнюю простоту и бедность, но определенных республиканских убеждений у него не было и он даже однажды отметил, что при республике продавались голоса. Резкое обличение, ирония, сарказм, бурное негодование—вот чувства, водившие пером Ювенала. Он обличает всех императоров, не делает исключения и для Траяна, но обличает также и народ, и купцов, и промышленников, и финансистов [1]). Его оппозиция — оппозиция литератора-интеллигента, желающего иметь влияние в высшем обществе.

Такова же по существу и оппозиция Тацита: он не против империи, а только против дурных императоров и испорченных нравов. Он за древнюю простоту, и его идеал—Траян, лучший из императоров [2]). В сущности и Тацит и Ювенал—сторонники того, что в Европе называлось просвещенным абсолютизмом. По настроению Тацит памфлетист, обличитель, публицист. Но вместе с тем Тациту свойственны и научные исторические приемы, настойчивое и добросовестное искание истины, что и делает его сочинения, в особенности „Германию“ и „Летопись“, весьма ценными историческими источниками.

В области философии и науки Римская империя первых трех веков дала также не мало важного. Папп Александрийский в конце III века не только комментировал Эвклида и Аполлония, но и пополнил их труды собственными математическими открытиями. Еще в I веке

---

[1]) Там же, стр. 240—268.
[2]) Там же, стр. 227—239.

Никомах сделал новые добавления к арифметике Эвклида [1]). Уже из этого видно, что науку двигали вперед не римляне, а греки. То же подтверждается новыми явлениями в области философии, где в особенности обращает на себя внимание деятельность Плотина, и в общественной мысли, где работал Ямбул,—оба были греками.

Основная идея Плотина—отожествление бытия с мышлением и вывод бытия из мышления [2]),—несомненно, связана с учением Платона („неоплатонизм") и составляет отличительную черту идеалистической философии, типичной для старого порядка. Бытие возможно для Плотина как бытие понятия. Из единства и объединяющей функции понятия возникает вся реальность, так как реальность есть единство, а единство есть только единство понятия. Таким образом реальное бытие и есть понятие, разум [3]). От этого высшего разума происходит вся действительность, в том числе человеческий дух и материя. Абсолютная мораль в конечном счете возводится к тому же мировому разуму, к высшему и единому добру. Так, философия Плотина, неоплатонизм примыкает к единобожию.

Ямбул в своем „Государстве солнца" является в эпоху старого порядка в Римской империи таким же интеллигентом-представителем первоначального социализма, какими в Греции Платон, в эллинистической Македонии Евгемер, в Англии Мор, во Франции Верисс д'Алле и в Италии Кампанелла. Только Ямбул гораздо менее талантлив, чем большинство этих писателей, во всяком случае он не сделал ни шагу вперед по сравнению в Эвгемером, а, напротив; его утопия во многом ближе к чистому элементарному утопизму, чем взгляды элемента, которым свойственны уже были, как мы видели, элементы некоторой научности.

Самой оригинальной чертой Ямбула является математическая точность и определенность отдельных ячеек

---

[1]) *Шереметевский*, Очерк истории математики в приложении к русскому переводу книги Лоренца „Элем. высш. мат."

[2]) *Ланц*, Момент спекулятивного трансцендентализма у Плотина: „Ж. Мин. Нар. Пр." за 1914 г., январь, стр. 88, 90.

[3]) Там же, стр. 121, 123, 124.

его идеального общества: это—группы в 400 человек. Математическая определенность находит себе первого по времени представителя в истории утопического социализма именно в лице Ямбула. Устанавливается, по Ямбулу, общая коллективная собственность на землю, на капитал и на предметы потребления. На всех лежит совершенно равная трудовая повинность, одинаковое участие во всех видах труда. Отрицается индивидуальный брак, брачные союзы основываются на чувстве и свободно расторгаются при угасании чувства, дети находятся на попечении всей общины; их воспитывает государство, и мать своих детей не знает и не является их воспитательницей. Во главе общества в качестве высшего руководителя общественного хозяйства стоит гегемон—не выборный и не наследственный, а самый старший по возрасту. Он имеет пожизненную и неограниченную власть [1]).

Римская религия первых трех веков, сохраняя обожествление царствующего императора, как существующего государственного порядка, принимала вместе с тем более космополитический характер, объединяла все религии, тогда существовавшие; Каракалла первый придал этому религиозному синаретизму государственный характер; он построил храм всего мира (templum mundi totius), где нашла себе место и египетская Изида; Элагабал сде ал публичным и культ Митры. Утверждалась идея единобожия, ярко выразившаяся уже у Марка Аврелия и Антонинов [2]).

Официальной религии противополагалась религия более активных элементов народной массы—ремесленных мастеров, ремесленных рабочих, грузчиков, матросов, словом, мелкой буржуазии городов и городского пролетариата, поскольку он был не потребительским, а производительным классом; сюда примыкала и часть интеллигенции. Этой новой религией было христианство в его различных разветвлениях, соответствовавших различным слоям общества, приобщившимся к христианскому движению.

---

[1]) *Pöhlmann*, Gesch. d. antiken Kommun. und Soziallismus, II, стр. 70—77.

[2]) *Wissowa*, Religion und Kultus der Romer, стр. 76—83.

Во время образования Римской империи христианство являлось не более, как еврейской сектой мирного анархизма. Оно продолжало оставаться в таком положении до тех пор, пока апостол Павел не придал ему характера международной религии: именно от отверг узкий национализм, приверженцами которого остались после того лишь так-называемые иудео-христиане или эвиониты, одно лишь небольшое течение среди христиан, отстаивавшее исключительно еврейский характер нового учения; он же дал христианству организацию и иерархию—епископов, пресвитеров и диаконов—и создал основные догматы и некоторые обряды; словом, из нравственного учения он создал настоящую религию низших классов общества и сам деятельно и успешно агитировал за ее распространение [1]).

Римские императоры, за редкими исключениями, мало преследовали христиан. Преследования были при этом направлены главным образом против тайных обществ и против лиц, совершивших антигосударственные деяния. Христиан они затрагивали поэтому лишь тогда и постольку, когда и поскольку они были причастны к этим двум видам запрещенных деяний. Особенной терпимостью отличался во II веке Адриан. Вследствие его терпимости в Афинах среди христиан-интеллигентов, философов зародилась христианская апологетика, пользовавшаяся для доказательства истинности учения Иисуса греческой философией. Уже раньше гностики—интеллигенты в христианской среде—выдвигали учение об эане-Христе как о существе, отличном от человека - Иисуса. Их учению новые интеллигенты-христиане Квадрат и Аристид противопоставили осязаемое Слово (Логос, Разум), как соединение человеческой и божественной природы.

Вместе с тем с ослаблением опасностей и преследований бледнеет эсхатологическое настроение, исчезает, или по крайней мере слабеет, вера в скорое второе пришествие. Возникает вера, что Иисус пришлет Параклета (второго себя) для утешения учеников. Отражением этого явилось появившееся в это время четвертое евангелие,

---

[1]) См. *Ренан,* Апостолы; его же, Апостол Павел.

приписываемое Иоанну и окончательно порвавшее с иудео-христианами, эсхатологическим хилиазмом, т.-е. верой в близость тысячелетнего, вечного царства Христа, и с Апокалипсисом, эту веру утверждавшим. В четвертом евангелии виден разрыв с иудаизмом. Иисус говорит: „*ваш* закон". Вместе с тем там проповедуется спасение не верой и не добрыми делами, а знанием, наукой, гнозисом.

Вместе с тем крепнет церковно-христианская иерархия, укрепляемая двумя посланиями Павла—к Титу и Тимофею. Этими посланиями завершается канон священных книг новой религии.

Центром гностицизма является в это время Александрия, где идеологами этой интеллигентской христианской секты были Василид и Валентин, потом Карпократ и Епифаний. В основе гностицизма лежал докетизм, сводивший земную жизнь Иисуса к одной видимости. Маркион из Синока развил гностицизм и осложнил его примесью манихейства. Это течение было интеллигентским, связанным с античной философией.

Сирия была ареной хилиазма и мистицизма, близкого сердцу широких трудящихся масс. Здесь его важнейшим представителем был при Марке Аврелии Монтан, проповедывавший близкое второе пришествие и отвергавший поэтому брак. В Сирии положение масс было хуже, они были угнетены сильнее и потому, естественно, поддавались настроению отчаяния.

Против христианства писал Цельс, скептик и деист; он был противником христианства, как философ, патриот и политик. Друг Цельса Лукиан, знаменитый сатирик того времени, атеист и скептик, также высмеивал христианство [1]).

Все вышесказанное характеризует материальную и духовную культуру Римской империи в эпоху ее расцвета, в первые три века после Р. Хр. Этим, собственно говоря, кончается характеристика старого порядка в Римской державе. IV и V век после Р. Хр. в истории Римской империи, как было уже сказано,—время упадка. Это—переход к феодализму, понятный процесс. Изложе-

---

[1]) *Ренан*, История первых времен христианства, томы VI и VII.

ние его можно поставить в параллель с теми процессами происхождения феодализма, феодальной революции, которые изложены в I томе настоящей нашей работы. Но как именно образец такой параллели история Римской империи IV и V веков имеет свой интерес, и потому мы сейчас наметим в самых кратких чертах основные ее явления.

В хозяйстве исчез обширный внутренний рынок и сильно сократился рынок внешний. Отдельные провинции и даже части провинций экономически замкнулись в себе, потому что дороги засорились, всюду свирепствовать стали варварские нападения и разбои. Сложились местные, узкие рынки[1]).

Соответственно этому рабский труд оказался в большинстве случаев ненужным и стал чаще и больше заменяться колонатом, причем колоны оказались прикрепленными к земле[2]), что естественно при узком, местном рынке. В ремеслах получилось прикрепление к цехам, появившимся в империи с Александра Севера[3]). Крепостнический строй пошел и вверх, захватил высшие слои общества, обязав их военной службой и возложив на декурионов или куриалов сбор налогов и наблюдение за отправлением повинностей под условием круговой поруки или имущественной ответственности богатых[4]).

Положение стало несколько опасным. Напрасно императоры IV века пытались укрепить свою власть, признав христианство сначала терпимой, а потом даже господствующий религией, борясь с ересями, выражавшими социальный протест, и защищая христианское правоверие. Это давало только временную поддержку. В V веке ее оказалось недостаточно, и империя погибла, причем отдельные ее части сделали еще шаг назад в хозяйственном, социальном и политическом отношениях.

Произошло также и крушение духовной культуры. Правда, встречались еще иногда проблески античного

---

[1]) *Мейер*, Эк. разв. др. мира, стр. 81.

[2]) Там же, стр. 82, 92; *M. Weber*, Röm. Agrargesch., стр. 275; *Ростовцев*, Studcen zur Gesch. d. röm. Kolon.

[3]) *Мейер*, Эк. разв., стр. 95; *Weber*, Röm. Agrargesch., стр. 276.

[4]) *Мейер*, Эк. разв. древн. мира, стр. 91, 92.

гения очень яркие, но они не давали надлежащих и осуществимых в других условиях результатов. Напр., математик IV в. Диофант был высокий и оригинальный талант: он дал чисто-алгебраическое решение уравнений, ввел алгебраическую символику и тем открыл новые пути для геометрии, механики и всего естествознания [1]). Казалось, греко-римский гений находился накануне открытия пара и парового двигателя, чем, может быть, была бы спасена античная культура, и ускорено поэтому развитие ново-европейской культуры. Но этот канун так и не сменился настоящим днем. В религиозной мысли ярко засиял в V веке гений бл. Августина. Но его идеал—целостная личность в состоянии мира и покоя [2])—был неосуществим в разлагавшемся обществе. И отсюда получилось настроение отчаяния, приведшее его сначала к манихейству, потом к неоплатонизму, наконец, к отрицанию действительности в теории царства божия, к теократии и к учению о спасении одной только верой и благодатью [3]): интеллигентское отчаяние, неприятие жизни здесь выразилось как нельзя яснее и полнее.

---

[1]) *Шереметевский*, в приложении к „Элементам высшей математики" Лоренца.

[2]) *Кн. Е. Трубецкой*, Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в., ч. I., М. 1892, стр. 30.

[3]) Там же, стр. 32 и след.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Общая характеристика старого порядка.

Выражение „старый порядок“—„l'ancien régime“—ведет свое начало из Франции. И не без причины: Франция была классической страной старого порядка или полного господства дворянства и дворянской самодержавной (абсолютной) монархии. Это—по традиции: нам уже известно, что и французский феодализм был наиболее законченным и классическим, выраженным во всей полноте и чистоте. И критическая эпоха, легшая между этими двумя органическими—феодализмом и старым порядком,—дворянская революция во Франции, как мы в свое время убедились, была переломом, но не истощающим, не потрясающим до последних оснований: она закончила собой последовательное и постепенное разложение феодализма, и Франция вошла в органический период старого порядка могучей, полной сил, зрелой. Историческая традиция, предпосылки прошлого, многое таким образом, объясняют во французском старом порядке.

Другое, что здесь надо принять во внимание,—это международное окружение. Расцвет старого порядка во Франции хронологически совпал с любопытными и в значительной мере более передовыми по своему характеру явлениями в жизни только одной Англии: с великой английской революцией, с реставрацией Стюартов и с их конечным крушением, т.-е. с началом процесса буржуазно-демократической революции в Англии. Но за этим единственным исключением все остальное международное окружение не только не опережало Франции, но отставало от нее, сохраняя в общем тип старого режима. Это было другим важным обстоятельством, спо-

собствовавшим полноте и чистоте французского старого порядка, а также и его прочности, крепости.

Но, конечно, и историческое прошлое, и международное окружение являлись в данном случае, как и в других, лишь дополнительными условиями, создававшими известные возможности и облегчавшими их осуществление. Основной причиной полноты, чистоты и прочности старо-режимного строя во Франции была хозяйственная организация страны между половиной XVII и половиной XVIII века. Только поняв надлежащим образом ее, можно объяснить все главные, характерные черты старого режима во Франции.

Господство торгового капитализма естественно сочеталось тогда во Франции с преобладанием земледелия, которое было главным занятием трех четвертей населения, с успехами индустрии, с удачной и углубленной меркантилистской политикой правительства в форме кольбертизма. Хозяйство не крупное и не чисто-барщинное по форме сохраняло много остатков крепостничества по земле, выражавшихся в массе старых, феодальных повинностей. Техника его была не высока: то был ручной труд в индустрии и трехполье в земледелии. Землевладение большею частью было государственным, дворянским и церковным, но начался уже процесс приобретения земли зажиточным крестьянством и отчасти, в меньшей мере, городской буржуазией.

На этой почве и под влиянием исторической традиции, действовавшей в том же направлении, существовало сословное общество с огромными привилегиями его верхов, сохранивших от феодализма главным образом то, что не вредило новой государственности, но ложилось тяжестью своей на крестьянскую массу, в подавляющем большинстве своем свободную лично, но крепостную по земле. Городская буржуазия имела корпоративные права, самоуправление, но фактически чрезвычайно урезанное, сведенное почти к нулю.

В государственном строе все это отражалось в полном господстве дворянского самодержавия и бюрократии с покупкой более мелких должностей и с остатками средневековых местных сословных и судебных учреждений, на деле мало, впрочем, менявших общее поло-

жение. Церковь была орудием дворянской государственности.

В литературе и искусстве господствующим течением был классицизм с примесью жеманства и манерности. Но литература уже в конце XVII в. обнаружила новые, оппозиционные течения в дворянстве, пока еще слабые, и стала выдвигать в зародыше буржуазное вольномыслие, которому суждено было развернуться во всю ширь в XVIII веке, в эпоху разложения старого порядка во Франции.

Египетское Новое царство, эллинистические монархии, Римская империя первых трех веков, повидимому, ближе всего подходили под классический тип старого порядка, хотя наличность в них рабства и отклоняла их в группу стран отсталых, о которых речь пойдет ниже.

От этого классического типа мы наблюдали два ряда отклонений: во-первых, слабый старый порядок, непродолжительный, непрочный и нецельный в Англии; во-вторых, укреплявший себя просвещенным абсолютизмом запоздалый, отсталый старый порядок других западноевропейских континентальных стран, кроме Франции.

Английский старый порядок был слаб, непрочен, не целен и непродолжителен, в сущности упадочен за все время своего существования вследствие передового характера английского торгового капитализма, одержавшего рано верх над всеми своими иностранными конкурентами и оставившего далеко позади даже торговый капитализм Франции. Этому содействовала и английская историческая традиция: нам известно, что Англия опередила другие страны еще в эпоху феодализма, почему там скоро и легко протекла также и дворянская революция. И дворянство не могло надолго сохранить здесь свое полное господство именно по той причине, что ему нечего было делать для поднятия производительных сил страны: эта задача в английских условиях была по плечу уже только буржуазии. Вот почему хотя и в Англии первой половины XVII в. преобладали торговый капитализм и земледелие, но индустрия делала бо́льшие успехи, чем где бы то ни было, крепостных отношений и форм хозяйства было опять-таки меньше, чем в других странах, в частности и во

Франции, централизация и бюрократия также не отличались совершенной полнотой развития, встречая себе противовес в парламенте; наконец, в духовной культуре классицизм и идеология абсолютизма при всей их важности, господствовали не всецело и рано встретили сильную буржуазную оппозицию, выразившуюся в пуританстве и в интеллигентском свободомыслии.

Другое отклонение от классического типа — отклонение стран осталых, Германии, Италии, Испании, Португалии, скандинавских стран—объясняется прежде всего тем, что они были побеждены в меркантилистском состязании торгово-капиталистических стран, и расцвет их торгового капитализма относится уже к временам более поздним, когда создалось новое международное положение, когда, напр., Англия в значительной мере стала перерождаться уже в буржуазную, производственно-капиталистическую страну, а во Франции старый порядок начал быстро и сильно разлагаться. Отсталости их содействовало значит, кроме их хозяйственного положения, и международное окружение. Тому же способствовали и исторические традиции — отсталость их феодализма и нерешительный, не радикальный, направленный к торжеству самостоятельности отдельных их частей исход дворянской революции, что в особенности надо сказать о Германии и Италии. Но то же международное окружение, только позднейшее, социальная, политическая и идеологическая атмосфера в Европе XVIII в., созданная успехами буржуазии, разложением старого порядка в передовых странах—Англии и Франции—и литературой просвещения и вольномыслия, опять-таки английской и французской, дали возможность запоздалому старому порядку отсталых стран укрепиться и почиститься, взяв кое-что технически для себя полезное, но не разрушающее его коренных устоев, из новшеств своих западных, передовых соседей. Отсюда вышли такие особенности, как просвещенный абсолютизм, смягчение крепостного права, появление в противовес классицизму национально-буржуазной, духовной культуры, в частности литературы, особенно в таких богатых грядущими возможностями странах, как Германия и Италия.

Остается найти в этой общей картине место для России. Нам хорошо известны ее особые, своеобразные исторические традиции: нигде феодализм не был столь отсталым, как в России, и нигде дворянская революция не потребовала таких колоссальных жертв и усилий, не отличилась такой резкостью, не представляла собою такого огромного скачка или нескольких скачков вперед, как опять-таки именно в России. Но важно, что эта революция увенчалась, хотя и поздно, в первой четверти XVIII века, успехом полным и решительным. Страна, богатая производительными силами, успела и смогла справиться с грандиозной задачей, перед ней стоявшей. Таким образом отсталость значительно уменьшилась, сильно приблизила Россию старого порядка к отсталым странам европейского запада. И потому старый порядок в России, будучи запоздалым сравнительно с французским и тем более английским, не оказался сколько-нибудь значительно опоздавшим сравнительно, напр., с прусским или австрийским. И, однако, была важная особенность, отличавшая русский старый порядок от прусского и австрийского от старого порядка даже отсталых западных европейских стран: развивая так же, как и там, торговый капитализм, индустрию, меркантилизм, сословность, абсолютизм, дворянскую духовную культуру, русский старый порядок должен был справиться с грандиозной хозяйственной задачей—приспособить массу населения, привыкшую к отсталому, недоделанному натурально-хозяйственному русскому феодализму,—к производственным условиям торгового капитализма, обширного национального и международного рынка, сделать это можно было только путем развития личного, не поземельного крепостничества, посредством крайнего, небывало широкого развития крепостного права. Отсюда вышли и все оригинальные черты русского старого порядка XVIII в.: и крайнее закрепощение крестьянства, и мирское землевладение, и связанное с охраной крепостного права перенесение центрального управления в область по реформе 1775 г., и участие дворянства по выборам в областном управлении, и крайнее развитие русского самодержавия, и образование высших и центральных учреждений. При этом в последнем—в новых учреждениях—

сказалась и запоздалость русского старого порядка, позволившая снять сливки с приобретений европейского запада—опять-таки только в техническом смысле, без нарушения принципиальных основ фундаментальных устоев старого порядка. И гибкость, приспособляемость и происходящая отсюда длительность русского самодержавия явилась также следствием возможности технических заимствований. Запоздалось и передовое международное окружение привели и к первым трещинам в дворянском классицизме и к первоначальным проявлениям либерализма и радикализма, и к брожению крепостной массы—пугачевщине и сектантству в России XVIII в. Таким образом, лишь немногим отставая большею частью от запоздавших стран запада, Россия отличалась от них главным образом более сильным и крайним развитием крепостничества, которое, будучи вызвано и поддержано неустранимыми хозяйственными условиями, вместе с тем явилось в русской жизни настоящим ядром каторжника, тянувшим Россию назад, сделавшим ее позднее далеко отставшей сравнительно даже с ближайшими ее соседями. Изучение старого порядка в России в эпоху его полного расцвета, произведенное на основе методов исторического материализма и сравнительно-исторического исследования общественной эволюции открывает таким образом просвет и на будущее, уясняя коренные причины и особенностей и сходства эволюции русской культуры сравнительно с культурами других стран. В то же время это изучение приводит к попутному, но практически важному выводу, что, даже совершая успешный исторический прыжек вперед, страна, его делающая, не может при этом обойтись без некоторых осложнений, вытекающих из ее былой отсталости, устранимой в значительной степени этим прыжксм, и эти осложнения поэтому тянут ее назад и в будущем.

В результате исследования старого порядка получаются таким образом следующие тезисы:

1. Хозяйство старого порядка характеризуется, вообще говоря, органическим развитием торгового капитализма, преобладанием сельского хозяйства, заметными успехами индустрии в формах мануфактуры и кустарно-ремесленного производства, эксплоатируемого путем до-

машней индустрии скупщиками, техникой трехполья и ручного труда, господством привилегированного землевладения, сохранением по крайней мере в остатках крепостных форм хозяйства и обнищанием крестьянской массы, с выделением в ней зажиточного меньшинства, сосредоточивающего в своих руках некоторую часть земли.

2. Устройство общества в этот период отличается широким и строго организованным в писанном законе развитием сословности и наличностью больших или меньших примесей крепостничества, иногда и полным развитием крепостного права.

3. Государственный строй покоится на самодержавии и бюрократии, действующих посредством правильно и стройно организованных учреждений и провозглашающих основною целью государственного союза общее благо, которое фактически сводится к благу господствующего сословия—дворянства.

4. Психология дворянства—эгоистический индивидуализм, проистекающий из вышеуказанных условий материальной культуры, порождающий и объясняющий ближайшим образом все остальные проявления дворянской духовной культуры, сущность которых сводится поэтому к жеманности и классицизму. Буржуазия социально и культурно находится в это время в умеренной оппозиции, так как ее права частично признаются. Крестьянство переживает настроение отчаяния, выражающееся в бунтах и развитии сектантства.

5. Классическим типом старого порядка является старый порядок во Франции, а также отчасти в древневосточном Египте, в эллинистических государствах и в Римской империи первых трех веков после Р. Хр., причем, однако, и в Египте, и в эллинистическом мире и в Римской империи крепостнические (рабские) порядки и отношения были сильнее, чем во Франции, и этим отклоняли их в сторону более отсталых стран.

6. Англия являлась передовой страной, которая и своим хозяйством и историческим прошлым поставлена была в положение, при котором наибольшим было развитие торгового капитализма и индустрии, наименьшими были остатки крепостничества, слабыми являлись само-

державие и бюрократия и сильной буржуазная и демократическая оппозиция.

7. Отсталые страны европейского запада—Германия, Италия, пиренейские и скандинавские государства,—побежденные сначала своими более счастливыми, передовыми конкурентами в международной торгово-капиталистической (меркантилистской) конкуренции и отставшие еще в феодальную эпоху, лишь позднее достигли расцвета старого порядка и, воспользовавшись опытом и политической мыслью передовых стран, развили у себя просвещенный абсолютизм. В духовной культуре у них вследствие их запоздалости, в противовес классицизму, развилась национально-буржуазная литература.

8. Россия осуществила старый порядок полностью в XVIII веке. Но в силу ее исторического прошлого ей пришлось напрячь до крайности организационную энергию и с этою целью до последних пределов развить крепостное право, что поставило ее позади всех стран старого порядка в смысле возможной быстроты дальнейшего развития и создало ряд особенностей ее государственного и культурного развития в XVIII веке и в значительной степени даже позднее.

200-00

